АВТОНОМНОСТЬ

Аннали Ньюиц

Финалист премий «Небьюла» 2017 г. и «Локус» 2018 г.

«Автономность для биотеха и ИИ стала тем, чем *Нейромант* был для интернета».

Нил Стивенсон

fanzon.neo
ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Земля, 2144 год. Джек, ученый и борец с копирайтом, превратилась в пирата. В своей подводной лодке она занимается контрабандой – синтезирует и дешево продает копии дорогих лекарств. Но последняя партия «стимулятора работы» вызвала зависимость и ряд летальных случаев: люди начинали зацикливаться на работе и сходить с ума. Фармкорпорация, владелец прав на оригинальный препарат, наносит ответный удар. За головой Джек высылается необычная пара: Элиаш, военный, и его напарник – боевой робот Паладин. Постепенно между ними возникает странная близость, которую они не могут объяснить. Им придется ответить на фундаментальный вопрос: возможна ли свобода в культуре, в которой все, даже люди, могут быть собственностью?

- Аннали Ньюиц
  - ○
  - ○
  - ○ 1: Пиратский корабль
  - ○ 2: Загрузка
  - ○ 3: Частная собственность
  - ○ 4: Икалуит
  - ○ 5: Хорошая наука
  - ○ 6: Побочные эффекты
  - ○ 7: Желчные таблетки
  - ○ 8: Мозги
  - ○ 9: Тюрьма
  - ○ 10: Антропоморфизаторы
  - ○ 11: Свободная лаборатория
  - ○ 12: Сеть контактов
  - ○ 13: «Реткон»
  - ○ 14: Другое, истинное «я»
  - ○ 15: Скопируй свое тело
  - ○ 16: Дорога № 3
  - ○ 17: Мальчик-Раб
  - ○ 18: Вегас
  - ○ 19: Происшествие на рабочем месте
  - ○ 20: Рекламный трюк
  - ○ 21: Муз-Джо
  - ○ 22: Большая фарма
  - ○ 23: Ключ автономности
  - ○ Благодарности

    - Об авторе
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

Аннали Ньюиц
Автономность

Annalee Newitz
Autonomous

© 2017 by Annalee Newitz
© М. Головкин, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Всем роботам, которые подвергают сомнению заложенные в них программы

Последний пират Саскачевана
Из баллады, сочиненной Arrogant Worms в конце XX века

Раньше я был фермером и жил неплохо.
У меня был клочок земли рядом с железной дорогой,
Но настали тяжелые времена, и заработать я уже не мог,
Тогда банкиры забрали мою землю и сказали: «Все по-честному».

Я искал работу, но мне везде отвечали «нет».
«Нанять вас? – смеялись они. – Да мы же только что двадцать уволили!»
Правительство обещало мне крошечное пособие,
Но я же гордый, чтобы стать еще одним бомжом.

А потом я подумал – ну ее к черту, эту работу,
Стану я пиратом на реке Саскачеван.

И вот я – хей-хо, хай-хо – иду по равнинам,
Краду пшеницу и ячмень, и прочее зерно
Хо-хей, хай-хей, фермеры, запирайте двери,
Когда увидите «Веселого Роджера» у королевских берегов.

Казалось бы, местные фермеры должны знать, что я на свободе,
Но вчера я увидел баржу с беспечным экипажем.
Я подошел к ней так, что они и не заметили,
Протаранил ее и затопил, а удобрения забрал.

У Муз-Джо великую реку пересекает мост,
У фермеров на нем сердце холодеет,
Они знают, что в заливе прячусь я, Джек-Трактор,
Я вырублю их и заберу себе их сено.

1: Пиратский корабль

25 июня 2144 г.

Студентку убивало домашнее задание. Врачи накачали ее транквилизаторами, но она по-прежнему сидела и печатала, положив руки на невидимую клавиатуру. Антиобсессивные средства не помогали. Изменение уровня серотонина ни к чему не привело, и проблема, похоже, не была связана с психическим расстройством или галлюцинациями. Студентка находилась в сознании, но просто не прекращала встраивать новые функции в операционную систему – в этом заключалось задание по курсу программирования. Не умирала она только потому, что врачам удалось скрутить ее и вставить ей в нос зонд для искусственного кормления.

Ее родители были в ярости. Они жили в хорошем районе Калгари и всегда давали дочери лучшие фармпрепараты, которые только имелись в продаже. Как мог ее мозг выйти из строя?

Врачи сказали репортерам, что налицо все признаки злоупотребления лекарствами. Мозг этой фанатки домашней работы представлял собой идеальную картину зависимости. Петля системы вознаграждения, по которой нейромедиаторы курсировали между средним мозгом и корой головного мозга, работала на полную мощность. Данный случай был особенным: мозг девушки выглядел так, словно она пристрастилась к домашней работе много лет назад. Он был настроен именно на эту награду, и ее дофаминовые рецепторы обладали признаками, которые обычно появляются только после нескольких лет зависимости. Но родные и друзья студентки утверждали, что проблема возникла всего несколько недель назад.

Эта тема идеально подходила для «вирусной» заметки в категории «Загадки медицины» новостной ленты «Все чудеса мира». Однако история оказалась настолько популярной, что попала и в несколько главных новостных модулей.

Джек Чен выключила очки-дисплей и засунула их в нагрудный карман комбинезона. Она слишком долго работала на солнце, так что вокруг ее темно-карих глаз уже образовались светлые круги. Это был загар фермера – такой же, как у ее отца, который целый день проводил на полях канолы[1], наблюдая за тем, как от крошечных желтых цветов поднимаются потоки данных об окружающей среде. Чен подумала, что такой загар мог быть и у ее предков, в том числе у ее прапрадедов из Шэньчжэня,

которые пересекли Тихий океан и купили сельскохозяйственную франшизу в прериях рядом с Саскатуном. Как бы далеко ни был ее дом, в жизни оставались вещи, которые никогда не менялись.

Но кое-что все-таки менялось. Сейчас Джек сидела, скрестив ноги, посреди Северного Ледовитого океана, балансируя на закругляющемся корпусе своей подлодки. Благодаря хитроумной системе невидимости подлодка обладала негативным показателем рефракции, поэтому для спутников, висевших на высоте нескольких сотен километров, Джеки просто неуклюже лежала на волнах. Рядом с ней в блестящей воде извивался лист неотражающих солнечных батарей. Джек сделала движение рукой, словно сминая что-то, – и батареи исчезли, вернулись в свой отсек за панелью в корпусе.

Аккумуляторы подлодки были заряжены, сетевой трафик замаскирован потоком не вызывающих подозрения данных, а трюм набит лекарствами. Пришло время начинать погружение.

Джек открыла люк и с грохотом потопала по лестнице на центральный пост. На стенах вспыхивали тусклые зеленые полосы: колонии бактерий просыпались, чтобы осветить ей путь. Джек остановилась под витком потолочных трубопроводов. Панель команд услужливо материализовалась на уровне глаз; ее фотоны сложились в форме экрана благодаря тысячам проекторов, циркулирующих в воздухе.

Одним движением руки Джек открыла навигационную систему и изменила курс так, чтобы держаться подальше от оживленных морских путей. Она направлялась к относительно тихому участку арктического побережья под морем Бофора, где пресная вода текла в море, создавая огромную головоломку из рек и островов.

Но Джек не могла сосредоточиться на повседневных задачах: у нее из головы не шла та история о пристрастии к домашнему заданию. Снова надев очки, она погрузилась в меню ленты новостей, просмотрела набор команд, поискала новую информацию. «ПОДСЕВШАЯ НА ДОМАШНЮЮ РАБОТУ – ЖЕРТВА НЕЛЕГАЛЬНЫХ ПРЕПАРАТОВ?» – кричал один из заголовков. Джек ахнула. Может ли эта история быть связана с партией «закьюити», которую она выгрузила в прошлом месяце в Калгари?

В данный момент в трюме подлодки находились двадцать ящиков недавно спиратенных препаратов. Среди множества лекарств от генетических мутаций и средств для управления микрофлорой лежали коробки клонированного «закьюити» – нового, суперпопулярного средства, повышающего производительность. Строго говоря, на рынке эти таблетки еще не появились, и это лишь усиливало спрос. Кроме того, это средство

выпускала «Закси» – компания, которая создала «смартифекс», «бриллисент» и другие популярные средства, помогающие в работе. Джек получила бета-образец от одного инженера, работавшего в «Квик билд», крупнейшей производственной компании Ванкувера. Как и многие компании, связанные с биотехнологиями, «Квик билд» раздавала новые усилители внимания бесплатно – вместе с обедами для своих сотрудников. В предварительных рекламных брошюрах говорилось, что «закьюити» помогает работать быстрее и лучше.

Сама Джек пробовать «закьюити» не стала – удовольствие от работы она получала и без препаратов. Инженер, который принес ей образец, отзывался о его эффектах почти благоговейно. Ты кладешь таблетку под язык, и работа начинает казаться приятной. Препарат не просто усиливал концентрацию внимания, он заставлял тебя наслаждаться работой. Ты мечтал о том, чтобы вернуться к компьютеру, к макетной плате, к рабочему столу, в лабораторию, к конвейеру. Приняв «закьюити», ты начинал получать грубое, примитивное, не сравнимое ни с чем удовольствие от работы. Такое средство идеально подходило для корпораций вроде «Квик билд»: у них были жесткие сроки отправки новых товаров, и поэтому их консультантам иногда приходилось собирать технику «с нуля» за неделю. «Закьюити» вызывал у тебя ощущение, которое человек испытывает после хорошо сделанной работы. Ты ни о чем не жалел, не боялся, что мир не стал лучше от того, что ты создал еще одну группу соединенных между собой атомов. Награда за выполнение задачи была столь мощная, что ты с минуту изгибался прямо в мягком кресле, хватаясь за стол и тяжело дыша. Но если честно, то эффект походил не на оргазм, а скорее на чувственный опыт, доведенный до совершенства. Ты ощущал это всем телом, но это было нечто ослепительное, куда более приятное, чем то, что твои нервные окончания могут почувствовать в материальном мире. После работы под «закьюити» тебе хотелось только одного – закончить еще один проект для «Квик билд». Неудивительно, что таблетки продавались, как горячие пирожки.

Но тут была одна небольшая проблема, на которую Джек до сих пор закрывала глаза. «Закси» не опубликовала результаты своих клинических исследований, поэтому узнать о возможных побочных эффектах было неоткуда. Обычно Джек не волновалась по поводу каждой «страшилки», связанной с лекарствами, но в этой истории оказалось слишком много знакомых подробностей. Джек не могла вспомнить ни одного другого препарата, который способен создать зависимость от домашних заданий. Да, конечно, причиной навязчивого состояния студентки мог стать и

банальный стимулятор. Но тогда этот случай вряд ли стал бы загадкой для врачей: они немедленно обнаружили бы его присутствие в ее организме. Мозг Джек закипал, словно она проглотила особенно мерзкий нейротоксин. Если этот препарат – ее пиратский «закьюити», то как это могло произойти? Передозировка? Может, студентка смешала его с другим лекарством? Или Джек налажала при расшифровке структуры и создала что-то ужасное?

По ногам Джек вверх, к позвоночнику побежала дрожь. Нет, стоп: это не какая-то непроизвольная психосоматическая реакция на новости. Пол слегка вибрировал, хотя она еще не включила двигатели. Сорвав с себя очки, она снова обрела контроль над своими органами чувств и поняла, что кто-то бьет о стены трюма – прямо за переборкой, перед которой она стояла. Что за хрень, в самом-то деле? На корме был люк для аварийных ситуаций, но как… Времени вспоминать, заперла ли она люки, у нее не было. Наклонив голову, словно хищник, Джек включила систему периметра; наноразмерные провода образовали сеть с нервами под поверхностью ее кожи. Затем Джек расстегнула ножны, в которых лежал нож. Судя по доносившимся до нее звукам, там, впереди, всего один человек – и он, несомненно, пытался взять все, что поместится в рюкзак. Так глупо мог вести себя только наркоман или в самом деле отчаявшийся.

Она беззвучно открыла дверь и встала в проходе с ножом в руках. Но картина, которая предстала перед ней, отличалась от той, которую она ожидала увидеть. Вместо одного жалкого воришки она обнаружила двух: мужчину с шелушащейся кожей и проплешинами, как у «фитиля», и его робота, который держал мешок с препаратами. Бот был ужасной, наспех собранной штуковиной – наверное, вор у кого-то его отобрал. Его покрытие местами совсем сгорело, но он все равно представлял опасность. Времени подумать о несмертельном варианте у нее не было. Натренированным движением руки Джек метнула нож в горло мужчины. Клинок, которому помогал алгоритм распознавания частей тела, пробил трахею и вонзился в артерию. «Фитиль» упал, задыхаясь от куска стали в глотке. Из его тела потекла кровь и разная дрянь.

Джек стремительно вырвала из горла мужчины нож и повернулась к роботу. Он уставился на нее раскрыв рот, словно в нем работала какая-то реально забагованная программа. А так, наверное, и было. Для Джек это плюс: возможно, робот будет выполнять чьи угодно команды, при условии, что они четкие.

– Дай мне мешок, – сказала она наугад и протянула руку. Мешок был набит упаковками с ее лекарствами. Робот мгновенно

протянул ей его, так и не закрыв рот. Его создали похожим на мальчика-подростка, но, возможно, он гораздо старше. Или гораздо младше.

По крайней мере, сегодня ей не придется убивать двух существ. И, возможно, в итоге ей достанется хороший робот – если ее приятель-робадмин из Ванкувера немного вложится в это дело. С другой стороны, слой кожи у этого бота выглядел не так уж и плохо. Никакие компоненты из него не торчали, хотя местами он был поцарапан и залит кровью.

– Садись, – сказала она ему, и он сел прямо на пол трюма. Его ноги сложились, словно скрепленные электромагнитами балки, которые внезапно потеряли свой заряд. Робот тупо посмотрел на нее. С ним Джек разберется позже, а прямо сейчас нужно было что-то сделать с телом его хозяина, из которого все еще текла кровь. Она просунула руки «фитилю» под мышки и потащила в кабину управления, оставив бота в запертом трюме. Он все равно мало что мог сделать в одиночку, ведь все ее препараты предназначались для людей.

Туго закрученная спираль лестницы вела вниз, в лабораторию, которая также служила кухней. В одном из углов на полу стоял дорогой принтер с тремя закрытыми отсеками для работы с различными материалами: металлами, пенами, биологическими тканями. С помощью уменьшенной версии дисплея, который находился в кабине управления, Джек приказала кранам с пенами сформировать два цементных блока с отверстиями, чтобы она могла легко привязать их к ногам мертвого «фитиля». Пока уровень адреналина в ее крови снижался, Джек наблюдала за тем, как краны бегают над основанием принтера, выкладывая один слой тускло-серого камня за другим. Она сполоснула нож, убрала его в ножны и только тогда поняла, что она вся в крови. Даже ее лицо стало липким от крови. Джек наполнила раковину водой и покопалась в шкафчиках в поисках тряпки.

Джек пожала плечами, чтобы ослабить молекулярные связи на комбинезоне, и почувствовала, как ткань разорвалась по невидимым швам и растеклась лужицей у ее ног. Ее тело под простым серым термобельем за последние двадцать лет почти не изменилось. Среди ее коротко подстриженных, черных волос едва виднелось несколько седых. Одним из «хитов» в ассортименте Джек было скопированное с точностью до молекулы, продлевающее жизнь лекарство «виве», а ведь Джеки всегда испытывала качество своей работы на себе. То есть раньше всегда испытывала – до «закьюити». Пока Джек оттирала кровь с лица, перед ее глазами поочередно вставали две ужасные картины.

Наверху лежал мертвый мужчина, и одной студентке угрожала серьезная опасность, причиной которой, весьма вероятно, стала подпольная версия «закьюити». Пока вода стекала с нее на столешницу, Джеки смотрела, как вокруг отверстий формируются цементные блоки.

Джек была вынуждена признать, что стала работать спустя рукава. Анализ «закьюити» показал, что его молекулярный состав почти идентичен тому, который она видела у десятков других препаратов, повышающих производительность и концентрацию внимания. Поэтому Джек не позаботилась о том, чтобы провести дополнительные исследования. Она, разумеется, знала, что у «закьюити» могут быть нежелательные побочные эффекты. Но препараты типа «веселая работа» финансировали ее эксперименты с антивирусами и генной терапией, с лекарствами, которые спасали жизни людей. Она нуждалась в «быстрых деньгах» от продажи «закьюити», чтобы и дальше бесплатно раздавать лекарства людям, которые отчаянно в них нуждались. Стояло лето, и через Тихий океан из Азиатского Союза плыла новая чума. Нельзя было терять времени. Бедняки скоро начнут умирать, но фармацевтические компании это не беспокоило. Вот почему Джек поспешила продать эти тысячи доз «закьюити» по всей Свободной торговой зоне. Теперь у нее было вдоволь хороших препаратов, но это не имело никакого значения. Если тот случай со студенткой – действительно ее вина, значит, Джек облажалась на всех возможных уровнях, от науки до этики.

«Бип», – сказал принтер и открыл свою дверцу. За ней находились два перфорированных цементных кирпича. Джек потащила их наверх, всю дорогу недоумевая, зачем она решила нести такую тяжесть голыми руками.

2: Загрузка

2 июля 2144 г.

Песок пробрался под панцирь Паладина, и у него ныли сервоприводы. Это было первое упражнение, а может, сороковое. Во время периода форматирования было сложно поддерживать линейный ход времени; воспоминания иногда удваивались или утраивались, прежде чем выстроиться в прямую линию, – которая, как надеялся Паладин, однажды вытянется за ним, словно четкие отпечатки четырехпалых ног, остававшиеся за ним в дюнах.

Используя миллионы строк кода, Паладин сохранял равновесие и поднимался по склону холма. Склон был покрыт слоем мелкого песка, который ветер укладывал в виде волн. Каждый шаг пробивал дыру в дюне, заставлял его наклоняться, чтобы не упасть. Песок струился по его телу, оставляя крошечные шрамы на темной поверхности его панциря из углеродистого сплава. Ли, робадмин, выбросил его из реактивного самолета где-то в северной части Африканской Федерации. Спускаться было легко. Паладин вспомнил, как делал это раньше, согнул тело так, чтобы избежать перегревания, развернул щиты на спине, чтобы они поймали ветер, а затем приземлился. Амортизаторы приняли удар на себя.

Но это было не очередное прохождение знакомой полосы препятствий, а тестовое задание. Ли сказал, что где-то в дюнах находится тайник контрабандиста. Задача Паладина заключалась в том, чтобы подойти с юга, картировать окрестности, постараться найти тайник и вернуться, собрав как можно больше информации.

– Я настроил твои двигатели именно для этого задания, – ухмыляясь, сказал Ли, схватив Паладина за плечо. – Будешь летать над дюнами словно бабочка.

До заката оставался один час, и панцирь Паладина искажал свет так, чтобы он уходил за пределы видимого спектра. Человеку, особенно издали, его темное тело на фоне дюны показалось бы маревом. По крайней мере, именно на это он рассчитывал. Он должен был почувствовать это место, его укромные местечки – до того как кто-то обнаружит здесь бота-разведчика.

Куда ни глянь, повсюду виднелись бледные, красноватые пригорки. Песок был девственно чист – если кто-то и прошел здесь, то ветер уже замел следы. Тайник – если он вообще существует – должен находиться под землей. Паладин замер. Его

линзы двигались из стороны в сторону, увеличивали картинку, искали малейший намек на блеск антенн и другие признаки присутствия человека. Всю информацию робот загружал в память для последующего анализа.

Вот он: хромированный гребень, который ветер не занес песком. Паладин поспешил вниз по склону дюны, делая сотни мелких поправок, чтобы удержаться на скользкой поверхности. Он уточнил координаты ворот, за которыми, вероятно, находился подземный объект. Он распахнет их и вернется в лабораторию. Ли очистит его мышцы от песчинок, и они перестанут его царапать.

Когда Паладин потянулся, чтобы вытащить или повернуть механизм замка, замаскированный снайпер отстрелил ему руку в плечевом суставе. Это была первая мучительная боль в жизни Паладина. Он почувствовал, как она распространяется по телу, как разрываются молекулярные связи на обугленных краях культи. Он вдруг живо вспомнил о том, как загружалась его операционная система, как каждая программа вызывала следующую из небытия. Ему захотелось вернуться обратно в то небытие. Он был готов на все, лишь бы выбраться из этого обжигающего кошмара, который, казалось, тек сквозь тело и выходил за его пределы.

Паладин по-прежнему чувствовал свою оторванную руку: передатчик с малым радиусом действия сообщал роботу о ее состоянии. Он мог бы заставить руку замолчать, но для этого ему придется вырубить весь сетевой периметр, а без него Паладин был практически беззащитен. Поэтому он не мог прекратить эту пытку, которая эхом отражалась изнутри и снаружи. Паладин бросился на песок и с помощью крыльев-щитов закрыл свои оставшиеся схемы – особенно единственную биологическую часть, находившуюся в глубине, там, где у людей может располагаться эмбрион.

Он дотянулся второй рукой до ворот, и они со вздохом открылись; из-за разницы в уровнях давления казалось, что они втягивают его в себя. Рядом с ним в землю ударил новый заряд, превратив песчинки в расплавленное стекло. Паладин бросился внутрь, напоследок снова взглянув на руку. Ее пальцы все еще сжимались, способные выполнять команды программы даже после смерти. Когда закрылась дверь, боль стихла: щит заблокировал безнадежный поток данных, посылаемый рукой.

Паладин понял, что находится в лифте: тусклое, ультрафиолетовое освещение подсказало ему, что он в роботизированном комплексе или, по крайней мере, у предназначенного для роботов входа в комплекс. Люди в такой темноте ничего бы не увидели.

Зажав зазубренную культю, Паладин рухнул на пол в смятении.

Затем с некоторым усилием он отвлек себя и стал смотреть на крошечный дисплей. Этот дисплей показывал, как глубоко опустился лифт. Сорок метров, шестьдесят, восемьдесят. Лифт остановился на отметке в сто метров, но судя по слабому эху, Паладин понял, что это далеко не предел.

Дверь открылась. За ней стоял Ли с двумя роботами по бокам. Один из роботов парил в воздухе, быстро взмахивая крыльями; второй, похожий на танк, стоял, сложив руки перед собой, словно богомол. Паладин спросил себя, не отстрелил ли ему руку один из них в ходе учебного задания, которое должно было быть небоевым. С них бы сталось. Ли ухмылялся, роботы молчали. Паладин выпрямился – как ему показалось, с достоинством – и, стараясь забыть о боли, огляделся.

– Реально крутой был бой, – восторженно воскликнул Ли еще до того, как Паладин зашел в широкий тоннель из бетона и стали. – Понял, как работают новые алгоритмы для лазания? – Он хлопнул Паладина по здоровой руке. – Прости, что так вышло с рукой. Я ее мигом починю.

Боты по-прежнему молчали. Паладин двинулся вслед за ними по тоннелю. На нескольких дверях были знаки, которые видны только в ультрафиолетовом свете. Их могли разглядеть только роботы. Может, это какая-то станция для обучения роботов? Может, его собираются интегрировать в какой-то боевой отряд?

Пройдя по еще одному тоннелю, они добрались до смешанной зоны – краска здесь отражала свет в видимом спектре, а несколько дверей были слишком узкими для бронированного робота вроде Паладина или «богомола». Они остановились у инженерной станции; Ли напечатал новую руку, а Паладин прочистил суставы сжатым воздухом и смазкой.

«Богомол» передал Паладину приветствие:

Здравствуй. Давай создадим защищенный сеанс связи с помощью протокола гарантированной передачи данных.

Привет. Я могу использовать протокол ГП 7.6, – ответил Паладин.

Так и сделаем. Меня зовут Клык. Назовем этот сеанс связи 4788923. Вот мои идентификационные сведения. Начинаю передачу данных. Приходи к нам в 2000-ю.

Вместе с просьбой Клык прислал открытый ключ аутентификации и архивированный файл, который развернулся в трехмерную карту комплекса. Крошечная красная метка зависла над переговорной комнатой в сорока метрах под ними. Судя по метаданным карты, они находились на большой военной базе,

принадлежавшей правительству Африканской Федерации. Похоже, оба робота занимались той же работой, к которой готовили его: разведкой, анализом данных и боевыми действиями. Паладин только что получил приглашение на свой первый инструктаж. Пришло время как следует представиться своему новому товарищу.

Я Паладин. Вот мои идентификационные сведения. Начинаю передачу данных. До встречи.

Ли доделал руку и проверил культю Паладина вольтметром. Робот тем временем заряжал свои аккумуляторы, стоя на предназначенной для этого площадке. Энергия текла по его телу, словно кровь по сосудам. Обычно он полагался на солнечные батареи, вплетенные в его панцирь, но зарядные площадки работали быстрее.

– Нет проблем, нет проблем, – пробурчал робадмин. Это была его любимая фраза и, более того, первая последовательность естественного языка, которую Паладин услышал три месяца назад, сразу после загрузки. Рука уже образовывала связи с культей, и мучительная боль от раны превратилась в легкое покалывание. С помощью молекулярного регулятора Ли связал атомную структуру руки с интегрированной сетью тела, и когда рука подключилась, Паладин ее почувствовал и сжал кулак.

Правая часть тела казалась невесомой, словно боль увеличивала его массу.

У него закружилась голова от удовольствия.

– Паладин, я пошел. У меня еще до хрена дел. – Темные волосы Ли закрыли один из глаз. – Извини, что пришлось в тебя выстрелить, но все это – часть обучения. Я не знал, что у тебя рука отвалится!

Сколько раз Паладин смотрел в лицо этого человека, управляемое одними лишь неврологическими импульсами? Он не знал. Даже если бы он разобрался в своих видеовоспоминаниях и просмотрел их одно за другим, то все равно не получил бы правильный ответ. Но после сегодняшнего задания лица людей будут выглядеть для него по-другому. Они будут напоминать ему о страдании – и об избавлении от него.

Когда Паладин пришел в назначенное место, там сидели двое людей, а Клык и парящий над землей робот стояли по стойке смирно. Паладин объявил о своем прибытии, послав сигнал роботам и приветствие голосом для людей. Оставшуюся часть его сообщения программа передала только в диапазоне, доступном для людей. Он встал рядом с Клыком и согнул ноги так, чтобы его глаза и глаза людей находились на одном уровне. Его коленные суставы торчали позади него, а спинные щиты прижались к

плечам. Сейчас Паладин напоминал огромную, похожую на человека птицу.

– Паладин, добро пожаловать в лагерь «Тунис», – сказал один из людей. На его воротнике был красный значок с золотыми буквами «МКС». Это означало, что он – высокопоставленный координатор из местного департамента Международной Коалиции Собственников. – На несколько дней этот лагерь станет твоей базой, пока мы инструктируем тебя и твоего партнера Элиаша. – Он указал на худощавого светлокожего мужчину с темными курчавыми волосами и большими карими глазами. Второй человек был одет в камуфляж солдата Федерации. Паладин обратил внимание на то, что Элиаш – как и он сам – сжал правую руку в кулак: возможно, тоже вспомнил что-то неприятное.

Координатор включил в воздухе над столом проекцию каких-то неоткрытых файлов.

– Тут у нас случай серьезного нарушения прав фармацевтической компании, и с ним нужно разобраться быстро и по-умному, – сказал он. Один из файлов растворился, превратившись в логотип «Закси», а затем в упаковку таблеток, на которой была надпись «закьюити».

– Полагаю, вы слышали о «закьюити».

– Наркота для работяг, – бесстрастно ответил Элиаш. – Большие компании покупают лицензии на него, как на бонус для сотрудников. Говорят, он вызывает очень приятные ощущения. Я лично никогда его не пробовал.

Координатора из МКС, похоже, обидело описание, данное Элиашем.

– Это усилитель производительности.

В разговор вмешался Клык:

– Нам сообщили о том, что люди покупают пиратский «закьюити» в северных городах Свободной торговой зоны. Роботы-разведчики нашли приблизительно двадцать доз в особом экономическом владении Первых Государств рядом с Икалуитом. Предъявить иск мы там не можем – это вне зоны юрисдикции МКС, поэтому никого пока не арестовали.

Координатор включил видеоролик: переполненная больничная палата, дергающиеся люди, привязанные к койкам.

– В суд «Закси» обратится позже, – продолжил он. – Но мы должны вмешаться прямо сейчас. От этого препарата люди сходят с ума, а некоторые из них умирают. Если станет известно, что они гибнут из-за «закьюити», компания «Закси» понесет огромные убытки. Огромные. – Координатор перевел взгляд на Элиаша; тот смотрел, как крошечные фигурки снова и снова испытывают одни

и те же крошечные страдания. – Эксперты «Закси» полагают, что «закьюити» синтезируют в какой-то подпольной лаборатории на территории Федерации. Эта ситуация, естественно, может нанести серьезный удар по торговым отношениям Федерации со странами Зоны Свободной Торговли. Мы должны точно знать, что происходит, и поэтому нам нужна ваша помощь. – Координатор посмотрел на Паладина. – МКС дает вам обоим полномочия найти и ликвидировать источник пиратского препарата. В Икалуите мы кое-что обнаружили, и все наши версии ведут к одному и тому же человеку.

Потребители «закюити» уступили место увеличенному изображению женщины, очевидно, составленному из нескольких снимков низкого разрешения. У нее были короткие черные волосы с легкой сединой, а на шее – толстый шрам, частично закрытый воротником комбинезона.

– Это Джудит Чен, она называет себя Джек. Мы полагаем, что она сотрудничает с одной из крупнейших пиратских фармацевтических лабораторий Федерации. Нам известно, что она работает с довольно сомнительными производителями из Касабланки, но у нее также есть торговый флот, и он вне подозрений. Она перевозит в Зону пряности и травы – тонны маленьких вонючих коробочек. Идеальное прикрытие. Возможно, именно она транспортирует препараты отсюда через Арктику.

– Мы много лет за ней следили, – заговорил Клык. – Поймать с поличным ее не удалось, но мы знаем, что она связана с людьми из Зоны, которые, как мы подозреваем, являются дилерами. Кроме того, она дипломированный молекулярный биолог. Все сходится. Если сможем ее взять, то, наверное, положим конец этим перевозкам препаратов.

– Она террористка, противница патентов, – тихо добавил Элиаш. – Несколько лет провела в тюрьме.

– Официально ее обвинили не в терроризме, а в сговоре с целью нанесения ущерба собственности, – возразил Клык. – В тюрьме она сидела всего несколько месяцев, а затем бежала из Саскатуна в Касабланку. Мы считаем, что именно там она обзавелась связями, которые теперь использует для занятий контрабандой.

– Когда поймаем, сразу подадим ее на тарелочке в Зону Торговли, – добавил координатор. – Пиратство остановлено. Справедливость восторжествовала. Все счастливы.

– По-моему, это все равно терроризм, – сказал Элиаш и посмотрел прямо на Паладина. – Ты не согласен?

Никто и никогда на него так не смотрел, никто не спрашивал его мнения о чем-либо, кроме того, как работает его сеть. Разум

робота изучил все, чему его учили о терроризме, и быстро составил индекс изображений и данных. Для того чтобы обнаружить в нем последовательность, потребовался всего лишь грубый алгоритм: боль и ее эхо в миллионах тел в течение длительного времени. Паладин не обладал информацией о политическом контексте, и у него не было желания его выяснять. Перед ним было только лицо этого человека, его темные глаза посылали сообщение, которое Паладин отчаянно хотел расшифровать.

Как он мог смотреть на Элиаша и ответить ему «нет»?

– Это действительно похоже на терроризм, – согласился Паладин. Элиаш улыбнулся, и черты его лица стали асимметричными.

Клык на мгновение нарушил протокол, отправив своему товарищу сообщение в неофициальной сессии.

Мудрые речи от новичка, который ни разу в жизни не видел терроризма.:(

3: Частная собственность

2 июля 2144 г.

Когда наконец исчезает самое крошечное пятнышко генетического материала, оставшееся на месте пролитой крови? В какой-то момент оно становится не видимым человеческому глазу: краснота размывается благодаря воде и усилиям подтиральщика, но еще остаются кусочки – фрагменты клеточных стенок, завитки ДНК, растекающаяся цитоплазма.

Когда исчезают эти последние осколки живой материи?

Джек следила за тем, как похожий на округлую кляксу подтиральщик шуршит взад и вперед по розовому пятну, которое когда-то было красно-черной коркой на полу кабины управления. Голубые солнечные лучи, отфильтрованные водой, прошли прямо через стеклокомпозитные окна и ослепили Джек, пока она снова не перевела взгляд на пятно. От трупа она избавилась несколько часов назад, привязав к его ногам цементные блоки. Сейчас он уже должен быть на глубине, в ледяной воде.

Джек давно не приходилось убивать. Обычно в сложной ситуации она оказывалась не посреди океана и поэтому могла не драться, а убежать. Она провела ладонью по ставшим твердыми от соли пучкам волос. Ей хотелось проблеваться, заплакать или капитулировать перед безжалостной, вечной машиной смерти, лишающей лекарств. Последняя мысль заставила ее укоряюще улыбнуться. Машина смерти, лишающая лекарств. Такое Джек могла написать в колледже и анонимно опубликовать на офшорном сервере – так, чтобы ее слова доходили до аудитории через толстый слой криптографии и после нескольких скачков по случайно выбранным серверам.

Тридцать лет назад она, революционно настроенная аспирантка, не мечтала о том, что станет заниматься контрабандой лекарств. В то время она была уверена, что сможет изменить мир, просто публикуя свои тексты на сайте и организуя символические протесты против патентного права. Но когда она наконец покинула университетские лаборатории, перед ней встал весьма недвусмысленный выбор: добывать патенты для идиотских стартапов или стать пиратом. Джек на самом деле даже и выбирать не пришлось.

Конечно, ее профессия была опасной. Время от времени членов пиратских кругов в Федерации начинали убивать или сажать в тюрьму пожизненно – особенно если корпорации жаловались на конкретные нарушения. Но когда ты не

высовывался, вел себя тихо и скромно, то мог спокойно заниматься бизнесом.

Но обычно в этом бизнесе тебе не приходилось избавляться от трупа человека, которого ты убил за мешок таблеток и бота.

Черт побери, откуда он вообще взялся? Жестом она вызвала локальную сеть подводной лодки и открыла окно передачи сенсоров с поверхности океана. Там ничего не было, только кое-где виднелись темные громады айсбергов. Может, после многолетней бдительности она в самом деле потеряла хватку? Вор воспользовался какой-то очевидной дырой в ее системе безопасности корабля, обманывал ее до тех пор, пока не проник на борт и не начал набивать коробками рюкзак. Мешка с таблетками от старческого слабоумия ему хватило бы только на то, чтобы купить годовой запас эйфориков и поиграть в казино на одном из курортов на арктическом побережье.

Но прямо сейчас у нее были проблемы и поважнее мертвого «фитиля». Джек все еще не выяснила, что произошло с ее партией скопированного «закьюити». У нее оставались образцы исходного препарата, которые она разобрала на составляющие, а своих, пиратских таблеток у нее было в избытке. Бросив оригинал и пиратскую копию в установку для химического анализа, она снова придирчиво их изучила. Нет, никаких ошибок – Джек синтезировала идеальную копию. Значит, проблема заключалась в исходном рецепте «закьюити». Джек решила еще раз разделить препарат на компоненты и осмотреть их по очереди. Несколько, очевидно, были безвредными. Другие она отметила для дальнейшего анализа.

В конце концов Джек удалось сократить список «сомнительных» частей до четырех молекул. Их структуру она вывела на экран и внимательно рассмотрела подсвеченные атомные связи. Быстрый поиск в базе данных показал, что эти молекулы воздействуют на гены, которые у значительной части населения Земли связаны с возникновением зависимости. Джек застыла, не в силах поверить увиденному.

«Закси» всегда ставила прибыль выше общественного благополучия, но это уже далеко выходило за пределы обычной халатности. По международным законам – которые соблюдали даже крупные корпорации – нелечебные препараты вроде эйфориков и средств, повышающих производительность, не должны были запускать механизмы зависимости. Данные, полученные Джек, свидетельствовали о том, что «закьюити» являлся полностью запрещенным препаратом. Но это никто бы не понял, поскольку «Закси» медленно распределяла его среди корпораций и тщательно отслеживала случаи возникновения

зависимости. Когда «закьюити» пройдет этап бета-версии, препарат будет таким дорогим, что принимать его будут только люди с великолепной медицинской страховкой. Если зависимость возникнет у них, с ней разберутся по-тихому, в каком-нибудь прекрасном реабилитационном центре в Еврозоне. И только тогда, когда такие, как Джек, начинали продавать препарат «на улице», побочные эффекты превращались в реальную опасность.

Джек злилась на «Закси», на себя – за то, что дала их дерьмовый препарат людям без медицинской страховки. Возможно, сейчас сотни людей принимают эти таблетки и сходят с ума. Это была огромная и страшная проблема, и в данный момент Джек не была готова разбираться с такой огромной проблемой. Она достала из кармана свежевыстиранного комбинезона немного «420» и закурила. Лучший способ забыть о неприятностях, связанных с препаратами, – это принять препарат. Кроме того, она еще должна разобраться с тем ботом, который заперт в трюме. Возможно, починить его не удастся, но в этом она уже не виновата.

Джек полагала, что робот сидит на том же месте и смотрит по сторонам, подчиняясь какому-нибудь дурацкому алгоритму, вытащенному из Сети. Но это было не так. Джек прищурилась, пытаясь понять, почему бот забился в темный угол. Она снова запустила двигатели, и мимо окон поплыли пузыри.

Он спал.

Внезапно Джек поняла, почему робот выглядел таким измученным и почему на нем не видно частей эндоскелета. Это не биоробот, а просто био. Человек.

Она прислонилась к переборке и тихо застонала. Поврежденного робота почти всегда можно отремонтировать, но поврежденного человека? У нее было все необходимое для того, чтобы ликвидировать мутации в его ДНК или очистить его организм от обычных вирусов, но ничего для ремонта когнитивных функций. Пока она размышляла, существо в углу внезапно село и уставилось на нее. Пустота в его глазах теперь казалась более ужасной, чем скверный софт. «Сколько же он был в рабстве у вора?» – подумала она.

На его шее виднелось клеймо с числом, и он, похоже, уже давно привык подчиняться приказам.

«420» превратил Джек в великодушного философа, и она смирилась с тем, что в долгу перед этим парнишкой. Он не виноват, что его хозяин решил ограбить вооруженного пирата посреди океана. Она сделает все, чтобы помочь ему, но возможностей для этого у нее было мало.

– Воды хочешь? – спросила Джек. – Похоже, она бы тебе не

помешала.

Он вскочил, схватившись за край ящика, чтобы не упасть. Она увидела, что на самом деле он довольно высокий – выше ее ростом, но очень истощенный, и от этого казался еще более хрупким. Если ситуация осложнится, Джек без труда одолеет его, свернет ему шею и выбросит за борт.

– Да, пожалуйста, – ответил он. – И еды, если она у вас есть.

Его акцент зажиточного гражданина Азиатского Союза не очень-то сочетался с клеймом на шее.

– Тогда пошли.

Джек прикоснулась к рукаву его рубашки – осторожно, чтобы не дотронуться до кожи, и повела его вниз по спиральной лестнице, прочь от кабины управления в лабораторию-кухню. Там она включила варочную машину и указала на бульон и хлеб. Юноша упал на стул, склонился над крошечным столом и уставился на свои руки. Под тонкой тканью рубашки торчали его лопатки, похожие на крылья.

– Меня зовут Джек, – сказала она, поставив перед ним еду.

Не обращая на нее внимания, он отхлебнул из миски, а затем обмакнул ломоть хлеба в бульон и откусил. Джек прислонилась к кухонной стойке и стала наблюдать за ним, думая о том, есть ли у парнишки хотя бы имя. Бедняки часто продавали младенцев в школы слуг, где их учили быть послушными, словно роботы. Боты, по крайней мере, могли через какое-то время выкупить себя из рабства, проапгрейдиться и стать полностью автономными. Люди тоже могли обрести свободу, но не существовало такого кода автономности, который исправил бы подобное детство.

– Я Тризед, – ответил он наконец, выведя ее из задумчивости.

Он съел приблизительно половину бульона и уже не выглядел таким бледным, как раньше. Сложно было не заметить, что клеймо на его щеке заканчивается числом «три» и буквой «зед». Этот шрам – еще и его имя. Джек скрестила руки на груди, почувствовав, как сострадание кольнуло ее прямо в сердце.

– Рада с тобой познакомиться, Тризед.

4: Икалуит

4 июля 2144 г.

Их тела должны работать вместе, даже когда они далеко друг от друга. Так Элиаш объяснял, почему им с Паладином необходимо в течение двух дней лазить по дюнам. Все это время координатор из МКС постоянно пил чай с молоком и сахаром и разочарованно жестикулировал, просматривая многочисленные сообщения, которые появлялись на дисплее в его очках.

Тренироваться с напарником было для Паладина в новинку. Он всегда поддерживал радиосвязь с Ли или другим робадмином, но их голоса казались ему скорее направляющими программами, сидящими где-то в глубине. Робадмины никогда не останавливались, чтобы посмотреть на него и рассказать о том, как они скучают по европейскому климату.

– Ненавижу местную погоду, – пробурчал Элиаш, сидя на корточках на вершине дюны. Он бросил взгляд на Паладина, а затем уселся поудобнее. Часы показывали 0800, и Паладин снова и снова проверял, как действуют его рефлексы на песке, учился держать свой громоздкий корпус поближе к земле и собирать информацию в широком спектре. Сейчас он стоял на локтях и коленях, одновременно слушая Элиаша и открытую робосеть.

Вы – все. Я – Хищник. Начинаю передачу данных. В 1300 ухожу на задание. Лечу в Конго бороться с чумой. Пожелайте мне удачи. Вернусь через 48 часов.

– Мне бы холод и сырость, как в Центральной Еврозоне, – продолжал Элиаш, ладонью втирая пот со лба в волосы. – Люди терпеть не могут Варшаву, говорят, что там страшный холод. А по-моему, на родине погода всегда лучше всего, даже если ты не хочешь туда возвращаться. А ты откуда, Паладин?

Вы – все. Я – Репозиторий. Начинаю передачу данных. Мне нужны три робота для выгрузки партии оружия. Координаты прилагаются.

Паладин замер, и его голова чуть не коснулась ноги Элиаша, лежащей на красном песке. Он точно не знал, какой ответ уместен в данной ситуации, так как он прожил недостаточно долго, чтобы быть родом хоть откуда-нибудь.

– Наверное, я из литейного завода «Кагу роботикс» в Кейптауне, – ответил он.

– Нет, нет, нет. – Элиаш яростно закачал головой, а затем постучал костяшками пальцев по спине Паладина. – Откуда ты изначально? Откуда твой мозг?

За несколькими защитными слоями на животе, в густой смеси из амортизирующего геля и спинномозговой жидкости плавал биомозг Паладина. Толстый интерфейсный кабель связывал его с физической платой разума Паладина. Мозг занимался распознаванием лиц, присваивал каждому увиденному человеку уникальный идентификатор в соответствии с чертами его лица, однако его файловая система в общем была несовместима с файловой системой Паладина. Мозг, в общем, выполнял функции графического процессора. Паладин понятия не имел, откуда взялся этот мозг – он знал только то, что его пожертвовал мертвый человек, служивший в вооруженных силах Федерации.

– Разве это неважно – знать, кто ты на самом деле? Почему чувствуешь себя так, а не иначе?

Человеческий мозг не занимался обработкой чувств Паладина и проблем, связанных с моралью. Но темные глаза Элиаша заглянули прямо в сенсорный модуль, установленный на лице Паладина, и внезапно Паладину расхотелось объяснять ему архитектуру своей файловой системы.

– Я не знаю, откуда мой мозг, – просто ответил он. – У меня нет доступа к его воспоминаниям.

Он почувствовал, как тело Элиаша напряглось. С поверхности его кожи слетали электрические разряды. За несколько тысяч секунд, которые они провели вместе, Паладин заметил, что Элиаш либо напряженно, эмоционально разговаривает, либо молчит.

– Они должны отдать тебе их, – прорычал он. – Должны.

Если это желание Элиаша и не сбылось, то, по крайней мере, исполнилось другое – в виде входящего сообщения для Паладина в зашифрованном сеансе связи.

Ты – Паладин. Я – Клык. Помнишь сеанс засекреченной связи, который мы создали? Давай воспользуемся им еще раз. Начинаю передачу данных. Последняя встреча по поводу задания в 0900. Приводи Элиаша.

Я согласен использовать созданный ранее сеанс засекреченной связи. Я – Паладин. Куда мы направляемся?

Похоже, что на теплые берега Арктики. Ты будешь выслеживать людей, связанных с Джек, выяснять, где она прячет свой товар.

Я готов встретиться с тобой через 30 минут вместе с Элиашем. Конец передачи данных.

Обменявшись координатами той же комнаты, в которой они уже два дня занимались планированием задания, роботы завершили сеанс связи.

– Хорошая новость, – сказал Паладин Элиашу, который все еще смотрел на него. – Мы скоро уедем на север Зоны Свободной Торговли, где температура значительно ниже.

Элиаш не ответил, но его пульс замедлился. Они пошли по дюнам к воротам базы, чтобы получить инструкции.

Хотя задание было довольно незначительное и рутинное, оно много значило для Паладина. Это задание означало, что он перешел из фазы разработки в фазу развертывания. Сегодня был первый день его службы по кабальному договору с Африканской Федерацией. Международное законодательство гласило, что его служба может продолжаться не более десяти лет – этот период был признан более чем достаточным для того, чтобы оправдались расходы Федерации на создание нового живого организма.

Хотя срок службы Паладина только начинался, робот уже наслушался разного на заводе и знал, что Федерация трактует закон довольно вольно. Возможно, свой ключ автономности ему придется ждать лет двадцать. Скорее всего, он умрет раньше, чем получит его. Но Паладин хотел выжить – это желание было в нем запрограммировано. Именно оно определяло его как эквивалент человека, имеющего право на автономность. У робота не было выбора – он должен был сражаться за свою жизнь. Но Паладину казалось, что это не отсутствие выбора, а надежда.

5 июля 2144 г.

Когда реактивный самолет летел над Северным Ледовитым океаном, выпуклые кулаки Баффиновой Земли показались за много километров. Даже с этого расстояния Паладин разглядел тысячи ветровых турбин; их лопасти вращались, и поэтому каждое здание слегка поблескивало. Вскоре он уже мог воспринимать химические сигнатуры ферм, которые поднимались многоуровневыми спиралями вокруг каждого комплекса. В течение всего лета города на арктическом побережье старались поглотить как можно больше солнечной энергии и, пока дни были длинные, провести фермы через два периода вегетации. Во всем городе период роста был в самом разгаре.

Когда они прошли над внешними островами и добрались до Баффина, Элиаш уже проснулся. Паладин услышал, как изменилось дыхание Элиаша и понял, что тот, наверное, приказал своему периметру разбудить его, когда они прибудут в Икалуит. Город раскинулся под ними; его купола казались блестящей коркой над острым углом залива, который глубоко вонзился в огромный остров.

– Икалуит – уродливый город, – прорычал Элиаш и склонился

к окну рядом с Паладином. – Его купола сделаны по той же модели, что и в Вегасе. Слышал про него?

– Обреченный город в западной пустыне Зоны Свободной Торговли, – отозвался Паладин.

– Центр индустрии человеческих ресурсов. Там полно злодеев. Черный рынок рабов. Человеческая жизнь там не ценится, вот они и понастроили там дешевого дерьма, которое пропускает слишком много ультрафиолета. Икалуит с виду точно такой же – только гораздо более чистый и новый.

Паладин задумался о том, не является ли Элиаш противником кабальных контрактов. Существовали целые сайты, которые призывали к уничтожению рабства среди людей. Их авторы утверждали, что люди не должны быть собственностью наподобие роботов, поскольку за их создание никто не платил. Боты стоили денег и поэтому должны были работать по кабальному контракту, чтобы оправдать расходы на их производство. Но у людей не существовало такой побудительной причины делать себе подобных.

Но несмотря на то, что считали эксперты, в абсолютном большинстве крупных городов и экономических зон существовала та или иная система кабальных контрактов. И Вегас был тем местом, где люди продавали себя в рабство. Его закрытые куполами комплексы были почти полностью связаны с обработкой и обучением человеческих ресурсов и с заключением контрактов с ними. Икалуит, как и Вегас, построили быстро, и он целиком состоял из небоскребов и куполов, но даже поверхностный анализ данных показывал, что общего между двумя городами было мало.

– Здесь почти нет закабаленных людей, – заметил Паладин.

– Ну да. Злодеи здесь другие, но они все равно злодеи, – сказал Элиаш. Его повышенное давление казалось Паладину красноватой дымкой, окружающей тело. – Тут полно пиратов. Все, что здесь есть, – краденое.

Они скользнули по взлетной полосе, и Элиаш встал и инстинктивно коснулся лба, плеч и пояса, чтобы проверить свой периметр и локальную сеть, управляющую оружием.

– Когда я так делаю, мне всегда кажется, что я осеняю себя крестным знамением, – прорычал он, и его пульс снова ускорился. – Понимаешь, о чем я?

– Жесты похожи, – ответил Паладин.

– Мой отец был настоящим верующим, – сказал Элиаш так тихо, что его мог услышать только робот. Затем он внезапно заставил себя дышать в обычном ритме, и оценить его эмоциональное состояние издали уже было нелегко.

– Куда направимся, Паладин? – ухмыльнулся Элиаш, вглядываясь в пять визуальных сенсоров на голове робота. Они были установлены над диагональными панелями, которые задавали форму его лица, словно абстрактная версия щек. Список, который находился в распоряжении агентов, состоял приблизительно из трех дюжин точек, и в нем в том числе были адреса предполагаемых сообщников Джек и несколько ее любимых ресторанов.

– Нам следует начать с ближайших домашних адресов, допросить тех, кто живет там, а затем, в зависимости от того, что они сообщат, попытаться выследить Джек. В крайнем случае можно просмотреть записи камер в ресторанах, проверить их на биометрику Джек.

Элиаш заржал.

– Паладин, ты в АР совсем не разбираешься?

Агентурная разведка не входила в список приоритетных тем в курсе обучения Паладина. Увидев, что робот не отвечает, Элиаш перестал смеяться.

– Прости, приятель. Лучше всего начать с ресторанов. Но сначала нам нужна снаряга.

Рядом с потрепанными взлетно-посадочными полосами стоял магазин старьевщика. Его стенам из гофрированной стали было не менее ста лет. Невысокий и длинный, он был построен так, чтобы устоять в непогоду и сохранить тепло. Когда они оказались внутри, через датчики Паладина потекли молекулы, имеющие отношение к хлопковым волокнам, отбеливателю и топливу. За прилавком стоял человек с кибернетической грудью и руками. Элиаш поговорил с ним, и тот начал загружать местную карту и информацию в геосистемы Элиаша. Паладин подошел ближе, настроился на сигналы, которыми обменивались устройства двух людей, и стал расшифровывать данные и копировать их в свою собственную память.

– Это мой партнер Паладин, – внезапно сказал Элиаш и тепло обнял робота. Его пальцы схватились за лопатку робота там, где наружу выходили щиты. Паладин ощутил каждый завиток на подушечках пальцев Элиаша. Он непроизвольно пробил их по нескольким базам данных, но обнаружил лишь информационный шум, маскировавший истинную личность Элиаша. Такие отпечатки были у мертвого профессора из Брюсселя, мелкого предпринимателя из Найроби, священника из Варшавы и закабаленной женщины, которая принадлежала «Монсанто» и находилась в Зоне Свободной Торговли. В базах нашлись еще десятки совпадений, создававших огромный запутанный клубок ложных связей в социальных сетях, и противоречащих друг другу

официальных данных.

– Паладин, меня зовут Ярдли, – сказал человек и протянул Паладину свою искусственную руку.

– Мы работаем под прикрытием, и мне нужно выглядеть не как профи, – сказал Элиаш и бросил взгляд на Паладина. – А он должен стать менее блестящим.

Через десять минут Элиаш разделся до сверкающих узлов своей системы периметра и стал натягивать джинсы и хлопковую рубашку поверх невидимой сети из нанопроводов, которые соединялись с периметром под его кожей. Паладин снова включил свои датчики давления, проверяя, чувствует ли он все еще боль в тех местах, где его помяли и поцарапали Ярдли и Элиаш.

– Нам нужно добыть информацию о Джек. И чтобы это сделать, нам нужно стать похожими на тех, кто с ней работает, – сказал Элиаш. – Ты лучше молчи и постарайся время от времени совершать ошибки, словно у тебя поврежден мозг.

Паладин, заканчивавший активацию своих сенсоров, промолчал.

– Ок, – буркнул Элиаш, а затем еще раз повторил их легенду. – Я – химадмин, уволенный из «ФармПраксис», а ты – мой закабаленный ассистент. Я готов продать за хорошие деньги несколько формул «ФармПраксис». А ты следи за всем – делай то, ради чего ты создан.

– Хорошо, – ответил Паладин. Ему хотелось порадовать Элиаша. Паладин был уверен, что это его собственное желание, а не какой-то алгоритм кабалы, который влияет на его матрицу решений.

Морские ветра, поддерживавшие в Икалуите температуру на уровне двадцати градусов Цельсия, растрепали волосы Элиаша. Паладин тихо шел за ним. Солнце висело низко над горизонтом, но на улице все еще было светло. Стояло северное лето, а значит, ночь сегодня продлится только один час. Элиаш надеялся, что в это время он уже будет притворяться пьяным в «Лексе», точке типа лапша-и-пиво, куда часто заходила Джек. Судя по данным камер, там она встречалась со своими агентами из числа местных.

Паладин толкнул двери и нырнул в жаркую и душную комнату. Воздух здесь был наполнен молекулами, выделяемыми имбирем и другими специями. Возможно, когда-нибудь химическая сигнатура места станет полезной информацией. Лавки прогибались под весом местных рыбоводов и студентов университета, громко болтавших о протеомике[2]. Лица у всех раскраснелись от алкоголя и обжигающего супа с лапшой, миски

с которым кренились на поцарапанных и неровных столах из пеноматериала.

В такой толпе легко раствориться, – беззвучно сказал Элиаш Паладину, – особенно если ты выглядишь как рыбовод и рассуждаешь о политике как студент-радикал.

Паладин открыл изображение Джек, которое он сохранил в памяти. Она была не очень похожа на рыбовода, но он понимал, что в непромокаемой одежде она могла бы сойти за свою.

Они подсели за стол, за которым компания пьяных студентов играла в какую-то игру. Для игры требовались очки-дисплей, большое количество видеороликов, которыми студенты обменивались, а также стопки с саскачеванской водкой. Элиаш заказал лапшу с морепродуктами. Паладин, усаживаясь, заставил свою правую ногу дрожать, словно он отчаянно нуждался в обновлении прошивки. Это сразу же заметил один из студентов.

– Помощь нужна? – жизнерадостная, коротко стриженная брюнетка с темными глазами махнула рукой в сторону его ноги. – На университетских серверах есть архив бесплатного бот-софта.

Паладин промолчал.

– У нас не хватит денег на ремонт, – пожал плечами Элиаш. – Я с юга, меня уволили из «ФармПраксис», и я просто ищу работу.

Эти слова привлекли внимание других студентов.

– Новые увольнения, а? – спросил один из них. У него был акцент жителя прерий.

– Проклятые жмоты, собиратели патентов, – пробурчал Элиаш.

Он рисковал, пытаясь разузнать, есть ли среди этих студентов радикалы, которые сотрудничают с пиратами. Паладин заметил, что Элиаш слегка изменил позу, сгорбился и слегка закрыл лоб волосами, отчего стал выглядеть моложе. Он мог бы сойти за аспиранта, и было ясно, что пьяные биохакеры уже приняли его за своего. Паладин восхитился этой ма́стерской демонстрацией навыков агентурной разведки, а затем вспомнил, что, по данным одной из баз отпечатков, Элиашу двадцать девять лет. Возможно, информация о возрасте соответствовала действительности.

– Не, серьезно, – сказала женщина, которая предложила Паладину воспользоваться ее 3D-принтерами. – Интеллектуальная собственность и патенты приносят им кучу бабла, а они обращаются с разработчиками и админами, как со скотом, как с рабами на плантации. Да, кстати, я – Гертруда.

– Иван, – ответил Элиаш, – а это мой бот Сю. У него небольшая проблема со спикерами.

Элиаш выбрал для Паладина имя, которое обычно давали женщинам, но для роботов пол мало что значил. Большинство

отзывалось на любое местоимение, хотя некоторые автономные боты сами выбирали его для себя. В любом случае, люди легко могли бы назвать робота по имени Сю «он». Особенно такого громадного бота с широкими крыльями, как Паладин, который занимал столько же места, сколько двое больших людей.

– Ну что, парни, помочь вам пофиксить Сю? – спросила Гертруда.

Элиаш, поедавший лапшу, притворился, что думает.

– Острая штука, – заметил он, не обращая внимания на то, что друзья Гертруды смотрят на него и Паладина.

– После ужина мы возвращаемся в лабу – хотим запустить на ночь кое-какие процессы, – сказал студент из прерий.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны. – Элиаш, изображая неуверенность, стал крутить в руках палочки для еды.

– Да, пошли с нами, – уверенно сказала Гертруда так, словно уже убедила их. – Как тебе такая мысль, Сю? Нормально?

Паладин промолчал.

Компания из пяти студентов повела Элиаша и Паладина по улицам, освещенным лучами предзакатного солнца. Наконец они добрались до изогнутого знака, который на английском и инуктитуте приветствовал их на территории кампуса Университета Арктики в Икалуите. Это был самый богатый университет региона, поставлявший специалистов в десятки лучших биотехнологических и фармацевтических компаний.

В это время суток здесь было довольно тихо, но когда они подошли к лабораторным корпусам, Паладин заметил, что многие окна излучают видимый свет.

Элиаш тем временем описывал свою выдуманную работу в «ФармПраксис» с неподдельной горечью. История была рассчитана на то, чтобы вызывать сочувствие у слушателей.

– Сразу после университета я пошел работать химадмином, – сказал он. – Мне поручили один препарат. Мы целый год на него потратили, но его зарубили на испытаниях, и руководство в конце концов уволило всю мою команду. Если твой препарат не выходит на рынок, то… – Элиаш умолк.

– Ты в какой области работаешь? – спросила Гертруда. – Тут целая тонна вакансий для химадминов.

– Я создаю алгоритмы, которые ищут интересные эмерджентные свойства в органических молекулах.

– Иван, это не моя специализация, но мы наверняка могли бы что-нибудь для тебя подыскать, – сказал высокий человек в дешевых очках, который шел с ними. Паладин быстро сравнил то, как он произносит гласные, с данными о четырех сотнях акцентов в английском. Наибольший процент совпадения был с акцентом

северной части Федерации, откуда только что прибыли Паладин и Элиаш.

– Спасибо, э-э…

– Юссеф, – ответил человек. Он легко мог посмотреть в датчики на лице Паладина, поскольку был одного роста с роботом. – Рад познакомиться с вами обоими, – добавил он.

Они добрались до комплекса биологических наук, и Гертруда вытащила из кармана довольно архаичное устройство управления паролями. Когда они подошли к зданию из пепельно-серого бетона, она помахала крошечным кусочком пластика – и двустворчатые двери окрылись.

Паладин заметил, как Юссеф бросил взгляд на многочисленные сенсоры в коридоре. Проходящие мимо них студенты снимали с себя куртки и постепенно трезвели. Гертруда, Юссеф и их друзья работали над теоретическим, плохо финансируемым проектом, связанным с мутациями белка и эстетическим выбором. Их лаборатория находилась в подвале, а оборудование в ней устарело по крайней мере на два поколения. На стенах висели вывески и наклейки, украденные из других лабораторий. «ОПАСНОСТЬ! МАГНИТ НЕ ТРОГАТЬ!» – гласил один особо крупный знак над секвенсором. «ЖИВЫЕ КУЗНЕЧИКИ» – было написано на другом.

– Пришли, – сказала Гертруда и жестом включила свет. – Сю, вон там наш принтер. Сеть называется «ПолярныеКролики», и она открыта. – Она сделала еще один жест. – Бери, что хочешь.

Паладин аккуратно обогнул несколько столов с холодильными установками и пробирками и распечатал несколько чипов. Элиаш тем временем болтал со студентами.

Пока принтер выплевывал наноскопические нити, Элиашу удалось вернуть разговор к проклятым скрягам, собирателям патентов, которых он хотел как-нибудь поиметь.

Юссеф напрягся от волнения; его тело излучало сочувствие к Элиашу. Его желание что-то сказать стало очевидным за несколько секунд до того, как он заговорил.

– Как ты намерен поквитаться с такой компанией, как «ФармПраксис»? – спросил Юссеф. – То есть как далеко ты готов зайти?

– Ты в самом деле хочешь это знать? Это не должно выйти за пределы лаборатории, ок?

Все уставились на него.

– Разумеется! – воскликнула Гертруда.

– У меня есть формула еще не запатентованного препарата, который они сейчас испытывают. Если кто-то выведет препарат на рынок раньше, «ФармПраксис» не сможет заявить о своих правах

на формулу. Потому что препарат создан на основе молекулы, полученной на сером рынке, а там она появилась из какой-то нелицензированной лаборатории в Бразильских Штатах. – Элиаш помолчал, а затем как мог изобразил неуверенный смех. – Ну, я, скорее всего, ничего бы с ней не сделал, но мог бы. Формула действительно у меня. – Он похлопал себя по карману джинсов, словно в нем лежал физический носитель с формулой.

Юссеф не мог отвести взгляд от воображаемых данных, которые якобы лежали в кармане Элиаша. Паладин регистрировал странные волны, которые излучал его мозг. Человек был слишком взволнован, словно находился под действием наркотиков или страдал от неврологического расстройства.

– Ты должен это сделать, – выпалил Юссеф.

– Заткнись, – сказала Гертруда, проверявшая коробочку с образцами с помощью небольшого масс-спектрометра. – Твою мать, это же серьезное преступление. Это тебе не копирование старого препарата, который все равно скоро перейдет в общественное достояние.

Элиаш немедленно воспользовался подвернувшейся возможностью.

– А ты когда-нибудь воссоздавал препараты? – спросил он.

Гертруда фыркнула:

– Практически нет. На первом курсе он декомпилировал немного «глизмера» и продал его половине нашей общаги.

– Этот «глизмер» работал, – раздраженно ответил Юссеф. – И ты, Гертруда, знаешь, что это не все.

Паладин увидел, как тревога заставила кровь прилить к щекам Гертруды. Юссеф плотно сжал губы. Высокий человек с акцентом жителя севера Федерации сильно рисковал, говоря о таких вещах в присутствии незнакомца. Паладина впечатлило умение Элиаша входить в доверие к людям. Сольет ли Юссеф важную инфу? Похоже, что да.

– Если ты настроен серьезно, тогда тебе нужно познакомиться с моими друзьями. Их лаборатории не финансируются крупными фармацевтическими компаниями. – Голос Юссефа сломался на слове «друзьями», и Паладин понял, что тело этого человека все еще проходит последние этапы полового созревания.

В разговор вмешалась Гертруда. Ее пульс подскочил.

– Знаешь, Юссеф, не все хотят нарушать закон, чтобы доказать свою правоту.

Элиаш пожал плечами, словно не замечая возникшего напряжения.

– Я не против новых знакомств, – сказал он Юссефу.

6 июля 2144 г.

На следующий день Паладин и Элиаш вернулись в «Лекс» во второй половине дня, задолго до «счастливого часа» и поэтому в баре еще было немноголюдно. Несколько групп студентов в очках-дисплеях тихо работали; одинокий фермер сидел у стойки и пил водку. За столом напротив Элиаша и Паладина, в клубах пара, поднимавшегося над миской с супом, сидел Томаси – друг Юссефа, которого не финансировала «большая фарма».

Выглядел он соответственно. Черные волосы Томаси были уложены в стильный клубок с помощью геля, а часть волокон на его рубашке сияла, складываясь в потемневший логотип Freeculture.org – сайта, который умер в 2120-х. Сложно было сказать: то ли он хранил рубашку двадцать пять лет, то ли просто купил искусственно состаренную до аутентичного вида вещь. Во время разговора Томаси наклонялся к собеседнику, словно каждое его слово было тайной, которую он вам доверял. Он, в отличие от Юссефа, контролировал свой румянец и свою частоту сердцебиения. Сложно было понять, когда он лжет, хотя стабильность его показателей тоже о чем-то говорила. Он маскировал все свои эмоциональные реакции.

– Юссеф говорит, что ты работал в «ФармПраксис», а теперь подыскиваешь что-то новое. – Томаси посмотрел прямо на Элиаша, а затем бросил взгляд на Паладина. – Крутого бота ты купил на зарплату химадмина.

– Он достался мне по наследству после смерти матери.

– Ясно. Так чем именно ты занимался в «ФармПраксис»?

– Алгоритмами.

– И у тебя был доступ к незапатентованным формулам?

Элиаш и Паладин молча смотрели на Томаси.

– Юссеф сказал, что ты хочешь поговорить со мной о каких-то формулах, которые ты видел.

Молчание было хорошим способом получить дополнительные сведения, заставить другую сторону первой дать согласие на сделку.

Томаси медленно постучал указательным пальцем по столу и продолжил:

– Нам с моими коллегами было бы интересно взглянуть на твои формулы. Хорошую интеллектуальную собственность мы покупаем, не задавая лишних вопросов.

Паладин отсчитывал секунды, которые понадобились Элиашу для того, чтобы успокоить дыхание и кровяное давление. В конце концов Элиаш приготовился отвечать.

– Файл со мной. Когда ты хочешь его увидеть?

Паладин обратил внимание, что Элиаш не назвал конкретную цену. Он пытался выдать себя за новичка в этом бизнесе. Идеальный вариант: сотрудник, озлобившийся на свою бывшую компанию.

Услышав такой наивный вопрос, Томаси расслабился и решил, что полностью контролирует ситуацию.

– Можем поехать прямо сейчас. Моя машина стоит совсем рядом.

Они отъехали от города на пятьдесят километров; солнечные электростанции в южной части Баффина пролетали мимо них, словно огромные яхты с черными парусами. Юссеф барабанил пальцами по стеклу, не обращая внимания на Паладина. Томаси и Элиаш сидели впереди и разговаривали.

Немного попетляв по проселкам, они добрались до недавно построенной солнечной фермы. Главное здание было изогнутой стеной из толстого стекла, которая глубоко уходила в поросший травой холм. Этот холм напоминал зеленый пузырь посреди темного моря из угловатых солнечных антенн, закачивавших углеводороды в подземные резервуары. Из двери, врезанной в стеклянную стену, вышла женщина. За ней последовала мощная звуковая волна – внутри кто-то слушал новости на большой громкости. Мышцы на руках женщины напряглись, когда под рукавами ее рубашки стали разогреваться два мощных лазера.

Паладин проанализировал то, как глаза Юссефа осматривали окрестности, и решил, что он вряд ли был здесь раньше. Это будет испытание не только для Элиаша, но и для самого Юссефа.

– Томаси. – Женщина поприветствовала его, но с дороги не отошла. Паладин обратил внимание, что подъездная дорожка невероятно гладкая и теплая; в ее пеноматериале находились длинные, почти невидимые нити проволоки, которые будут излучать тепло, когда погода изменится.

– Привет, Рупа.

Когда Томаси повел их мимо Рупы, она внимательно осмотрела Паладина, задержав взгляд на его щитах. Комната за ее спиной была освещена тщательно отраженным, естественным светом, и на покрытом мхом полу росли деревья. Почти каждый предмет мебели был живым бонсаем. В углу мигала красная лампочка небольшого промышленного фабрикатора. Он обменивался данными с системой, настолько хорошо защищенной, что Паладин мог добыть информацию только о климате внутри дома. Кто-то потратил на эту небольшую ферму серьезные деньги.

Томаси провел их в круглую комнату со столом для совещаний, который рос из пола; поверхность стола состояла из тщательно спроектированного сплетения ветвей. В потолок уходила винтовая лестница, металлический скелет которой залязгал и содрогнулся, когда по ней спустились трое людей, одетых, как и Томаси, дорого, но нарочито небрежно.

Икалуит был большим городом, но не настолько. Если Джек занимается здесь контрабандой препаратов, то, скорее всего, ведет дела с этими людьми. Возможно, они дают заказы ее лабораториям на территории Федерации или продают ее товар через своих агентов на севере. Даже если эти люди и не сотрудничали напрямую, они несомненно находились в центре местной социальной сети, объединявшей радикальных борцов с патентами, пиратов и миллионы людей, отчаянно нуждавшихся в дешевых лекарствах. Если он и Элиаш смогут проникнуть в эту сеть, то они найдут Джек.

– Можете называть меня «Синяя Борода», – сказала женщина, одна из тех, кто только что спустился по лестнице. Она была в синей водонепроницаемой одежде и без обуви. Темные волосы тяжелой волной падали на ее лицо, почти маскируя тканевый лоскуток с датчиками, который закрывал ее левую глазницу. Судя по тому как были напряжены ее плечи и спина, становилось ясно, что она несколько часов занималась физическим трудом – хотя Паладин и не мог понять, работала ли она в поле или за консолью, управляемой жестами. – Это мои коллеги «Черная Борода» и «Рыжая Борода». – Она указала на двух светлокожих мужчин, чья одежда никак не совпадала с их псевдонимами. – Добро пожаловать на солнечную ферму «Арката». Давайте присядем. – Судя по холодному тону Синей Бороды, она никого не приглашала, а просто отдала приказ.

Рыжая Борода сварил эспрессо с помощью антикварной паровой машины, а Синяя Борода тем временем изучила данные, которые Элиаш переслал на ее повязку. Это была формула стабилизатора внимания, которую МКС приобрела именно для этой цели, после того как она не прошла клинические испытания. Более чем у половины людей, которые принимали данный препарат, начались изнурительные головные боли, длившиеся по несколько дней. Однако догадаться об этом, глядя на формулу, было невозможно; она казалась абсолютно достоверной.

– Ты говоришь, что добыл ее в «ФармПраксисе»? – спросила Синяя Борода, одним глазом разглядывая Элиаша и Паладина, которые сидели напротив нее за столом-бонсаем.

Элиаш кивнул.

Продолжая играть роль робота с поврежденным разумом, Паладин навел свои фронтальные визуальные датчики на молекулы воды, курсировавшие по столу. Для этого он наклонил голову поближе к волокнам древесины и включил режим микроскопии. С помощью остальных сенсоров он пытался собрать как можно больше информации, не вызывая подозрений.

– Очень интересно, – сказала Синяя Борода, отправляя данные в голографический дисплей, находившийся перед Черной Бородой. – Я вынуждена попросить тебя остаться здесь, пока мы проводим анализ. – Она обменялась какими-то данными с Рупой, которая через несколько секунд появилась у входа в комнату. – Устраивайся поудобнее, – снова обратилась Синяя Борода к Элиашу. – Если хочешь, можешь воспользоваться нашей игровой системой.

Элиаш стиснул руку Паладина.

– Это все прекрасно, но бот останется со мной.

Синяя Борода пожала плечами.

– Нет проблем. – Она повернулась к высокому человеку из Федерации, который ненавидел «большую фарму». – Юссеф, ты пойдешь с нами.

Рупа нависла над ними. Когда Паладин настроился на сигнал ее сети периметра, то обнаружил еще один лабиринт из потоков зашифрованных данных.

5: Хорошая наука

5 июля 2144 г.

– Твою мать! Вот это была жесть! – воскликнул Тризед.

Джек опустила подлодку на глубину. Иллюминаторы в кабине управления походили на темные многоточия из огромного текстового сообщения. Джек и Тризед смотрели «Таксиста»[3], фильм середины XX века о человеке из Нью-Йорка, который сходит с ума и пытается освободить закабаленную секс-работницу.

Тризед почесал лицо в том месте, где еще оставались струпья. После той ночи, когда они познакомились, он стал гораздо чище. О том, что произошло, он говорить отказывался, и Джек на него не давила. Если честно, то ей тоже не хотелось думать о том, что она сделала с хозяином Тризеда.

Тризед проспал почти сутки, а проснувшись, превратился в саркастичного юношу. Его переполняла энергия, о которой мечтал каждый человек, подсевший на «виве». Он заявил, что разбирается в двигателях, и предложил их настроить – но Джек не хотела, чтобы какой-то чужак без прошлого копался в системах ее подлодки. Но она была вполне готова поставить его на должность домохозяйки. Вряд ли он мог нанести большой ущерб, моя полы.

Если Тризед не занимался уборкой, то утыкался в одолженный у нее мобильник. Его единственным имплантом был трекер кабального раба, поэтому он всю жизнь полагался на эти ненадежные складные устройства. Мобильники не отличались особой прочностью и мощностью, но могли подключаться к бесплатной пылевой сети, микроскопические ретрансляторы которой распыляли беспилотники на территории большинства экономических коалиций.

Джек выводила из строя бесплатные пылинки глушилкой и не разрешила Тризеду пользоваться системой связи подлодки, поэтому ему оставалось только загружать фильмы из пылинок, хранящихся в ее системе вентиляции. Он начал с фильмов XXI века, в которых акценты английского были более понятными, а разрешение картинки – более высоким. Затем он перешел к немым фильмам 1910-х и 1920-х, миры которых были абстрактными и серыми, словно чертежи. Он утверждал, что ему проще читать субтитры, чем разбираться со странными акцентами лент более поздних десятилетий.

Но сегодня его поразил этот цветной фильм Мартина Скорсезе 1976 года. Они смотрели его с субтитрами.

– Странно, что у них в жизни то же дерьмо, что и у нас, – заметил Тризед, ковыряя корку на колене. – Все говорят, что люди тогда были такими больными, что все было реально медленное и примитивное. Но таких людей я знал. Серьезно, я даже знал таких таксистов.

– Да, наверное, за пару веков люди не сильно изменились. – Джек пожала плечами. Фильм привел его в неплохое настроение, и ей показалось, что сейчас самое время обговорить их дальнейшие планы. – Ну что, через пару дней мы доберемся до Инувика. Могу высадить тебя там.

Инувик, оживленный порт на арктическом побережье, был идеальным местом для того, чтобы оторваться от преследования. Оттуда Тризед мог уехать на поезде-экспрессе в один из нескольких десятков больших городов Зоны.

– Инувик? А что я там буду делать?

– Не бойся, я дам тебе денег, чтобы ты смог встать на ноги.

– Но как я встану на ноги, если у меня в руке этот чип? – Тризед провел пальцами по левому плечу, в которое была имплантирована метка кабального раба.

– Я убила твою метку пару дней назад. Никто не узнает, что она там.

– Ты убила мою метку… ничего не сказав мне?

– После того что произошло, она представляла для тебя опасность. Ты правда хочешь транслировать свои координаты на весь мир?

– Ну, я… – Тризед умолк. Его пальцы сжали руку в том месте, где, вероятно, навсегда останется мертвая метка в капельке хирургического стекла.

Джек собиралась предложить ему поехать на поезде в Ванкувер, как вдруг под кожей ее правой ладони зажужжал периметр. Ей пришло сообщение.

– Извини… Я должна кое-что проверить. – Джек пересекла мостик, подошла к своему креслу рядом с консолями управления и жестом открыла окно так, чтобы его видела только она. Его темный прямоугольник идеально закрыл злую гримасу, которая медленно искажала лицо Тризеда.

Одна из программ-поисковиков нашла новость о происшествиях и преступлениях, связанных с препаратами.

Похоже, что «фанатка домашних заданий» была лишь одной из жертв небольшой эпидемии трудоголизма. Сначала поступил пожилой мужчина, который все время косил газон. Врачи скрутили его, но он ревел и пытался вырваться, требовал, чтобы ему вернули управление косилкой. Затем была женщина, хотевшая только одного, – гулять с собакой. Еще была сотрудница

городских служб, которая в час пик выпустила на волю целый флот автономных распылителей дорожного покрытия, приказав им создавать новые тротуары в случайно выбранных точках. Прежде чем ее начальник сумел выключить эти машины, они нанесли травмы нескольким людям, зацементировав им ноги. Затем поступила плачущая, бормочущая какой-то бред няня: ее едва не арестовали за то, что она качала детей на качелях в парке десять часов подряд.

Обеспокоенная Джек просмотрела еще несколько заметок. Не менее пяти человек погибли, в основном из-за обезвоживания, и несколько десятков попали в больницу. Чем больше она читала, тем больше убеждалась в том, что всему виной скопированный ею «закьюити». И это были только сообщения из Калгари: кто знает, что произошло в городах поменьше – таких, как Икалуит и Йеллоунайф? Возможно, там десятки людей страдают от побочных эффектов и не могут получить медицинскую помощь. Именно с такими фармакологическими катастрофами она поклялась бороться, а теперь сама создала одну из них и по той же самой причине, что и корпорации – ради денег. Да уж, действительно машина смерти, лишающая лекарств. Вонзив ногти в ладони, Джек заставила себя сосредоточиться. Она должна сделать все, чтобы ситуация не стала еще хуже.

Но у Джек было мало времени. Кто-то должен заплатить за гибель людей, и одним из главных подозреваемых в списке МКС станет активист-радикал, борец с патентами, торгующий пиратскими лекарствами. Когда «Закси» сложит два и два и поймет, какую роль Джек сыграла в этой истории, она попадет в список жертв. Не потому что компания захочет добиться правосудия, но для того, чтобы судьба Джек стала уроком всем остальным. Только Джек знала, что запатентованная компанией «Закси» молекула «закьюити» убивает людей. Компания должна скрыть связь между новым препаратом и этими происшествиями. И самый простой способ замести следы – это убить ее.

Тризед выбрал именно этот момент для того, чтобы подойти к ней. Он встал на колени и сжал ее колено. Тепло его руки она чувствовала даже сквозь ткань комбинезона. Он посмотрел на нее сквозь проекцию карты, которая обозначила ее будущее. В его глазах светилась притворная невинность. На изящных щеках и подбородке Тризеда рос светлый пушок, делая его похожим на персонажа яоя[4].

– Я хотел бы отблагодарить тебя за то, что ты для меня сделала, – прошептал он.

Тризед был мастером флирта. Возможно, он пытался ею манипулировать или, быть может, жизнь в кабале научила его

именно этому способу выражения благодарности. Оба варианта наводили тоску, но Джек едва замечала это, поскольку ее собственную картину мира искажала депрессия. Внутри нее что-то треснуло, а затем сломалось. Закрыв висевшее в воздухе окно, Джек уставилась в почти черные глаза Тризеда и задумалась о том, действительно ли «Закси» собирается совершить на нее покушение. И о том, не заслужила ли она этого.

Подлодка загудела и пришла в движение, с каждой секундой приближая их к Инувику. Тризед наклонился вперед и ласково потерся щекой о внутреннюю поверхность ее бедра. Джек показалась соблазнительной мысль о том, чтобы выбрать путь наименьшего сопротивления – просто спрятаться на несколько месяцев вместе с этим кокетливым юношей. Но как только она об этом подумала, ее печаль усилилась настолько, что искушение исчезло само. «Закьюити» лишает людей разума, и в этом виновата она. Джек не смогла бы уважать себя, если бы не предупредила всех об опасности, которую представляет этот препарат. Когда Джек доберется до большой земли, она попросит одного человека об услуге, которая, возможно, спасет жизни сотен людей… но, скорее всего, не ее саму.

Джек провела пальцами по волосам Тризеда и подумала о последних желаниях.

– Ты уверен? – спросила она.

Он наклонил голову. Двусмысленный жест покорности и согласия.

Лето 2114 г.

Тридцать лет назад, когда Джек была такого возраста, как Тризед сейчас, все свои дни она проводила в контролируемом климате университетской лаборатории генетики. Она проходила там практику, и ее работа в основном заключалась в том, чтобы составлять библиотеки белков и малоизученных фрагментов РНК. Когда она не занималась наклеиванием ярлычков на пробирки, она мечтала о том, как станет молекулярным биологом, который ликвидирует генетические заболевания с помощью тщательно подобранной терапии. Джек знала, что когда-нибудь непременно займется Хорошей Наукой и спасет жизни миллионов людей. Для этого нужно просто найти подходящий белок или последовательность ДНК, которые исправят молекулярную опечатку, сделанную в мутировавшей клетке – опечатку, которая позволяет клетке жить, хотя она должна умереть. В то лето Джек научилась искусству апоптоза – доведению клеток до самоубийства.

Осенью она поступила в аспирантуру на одной из лучших кафедр биоинженерии в Зоне Свободной Торговли. Университет Франклина располагался рядом со старым портом и военной базой под названием Галифакс, прямо на северном побережье Атлантики. Джек никогда не жила рядом с океаном, и она сняла крошечную комнату, одно из преимуществ которой заключалось в соседстве с блоком антенн местной высокоскоростной связи – более качественной, чем у бесплатных пылинок, – а также в роскошном виде на море. Она стала работать в «Бендис лэб», которая получала хорошие деньги за создание вирусов, облегчавших доставку лекарственных веществ.

Но потом произошло неожиданное событие, из-за которого ее многообещающая научная карьера пошла под откос.

Это случилось в пятницу, теплым утром. Гуляя по широкой дороге, ведущей в город, Джек встретила парня по имени Ари. Он посещал те же семинары об укладке белков, что и она.

– Как тебе последняя лабораторка? – спросила она. Во время занятия его разозлили слова профессора о прямой связи между белками и поведением людей.

– Отстой, – фыркнул он. – Слушай, какие у тебя планы на вечер?

Джек оживилась. Ари был симпатичный, а она уже давно ни с кем не трахалась.

– Да, в общем, никаких. Собиралась поужинать, посмотреть кино. Составишь мне компанию?

– Я иду на встречу «Freeculture». И тебе советую.

О «Freeculture» Джек знала только то, что Луиза Бендис, ведущий исследователь ее лаборатории, злилась на них из-за какого-то патента, заявку на который она подала. Из-за этой истории и по тому, что Джек читала в научных журналах, у нее сложилось смутное ощущение, что «Freeculture» – это люди, которые швыряются научными терминами, чтобы оправдать торговлю «освобожденными» препаратами.

Наверное, на ее лице отразилось сомнение, потому что Ари засмеялся и сказал:

– Мы не намерены накачивать тебя наркотиками. Но если ты планируешь работать на плантации «Бендис», то тебе стоит побольше узнать о системе патентов. – Он скорчил язвительную гримасу, затем с улыбкой легко коснулся руки Джек. – А потом наша компания собирается где-нибудь поужинать.

– Убедил, – ответила она.

Какая разница, черт побери? Она ведь поступила в университет, чтобы расширять свое сознание, так? И, может, потом она с кем-нибудь переспит.

Встреча проходила в продуваемом сквозняками студенческом зале, который находился прямо по коридору от кафедры ботаники. Много лет назад какой-то шутник изменил несколько генов в растении, созданном для ремонта стекла, и поставил его к окну. Теперь свет проходил через фильтр листьев, чьи молекулярные структуры образовали связи со стеклом и остались там в изящных пучках – задолго после того, как само растение погибло.

Когда в зал прибыли Ари и Джек, примерно двадцать пять студентов сидели там на стульях, стоящих кругом, и представлялись друг другу. Большинство из них занимались генетической инженерией, но пришли и несколько чудиков-когнитивистов и нейробиологов. Студенты оказались на удивление умные, а выступавший мгновенно очаровал Джек. На встречу пригласили молодого профессора из Саскачевана, который завяз в затяжной юридической войне против своего университета по вопросу о том, получит ли он право подать открытую патентную заявку на созданные им простые антивирусы. У него были густые черные волосы до плеч и зеленые глаза, резко выделявшиеся на фоне смуглой кожи. Его звали Криш Пател, и он заставил Джек забыть про все планы, которые она лениво строила насчет Ари.

Криш сравнил систему патентов с кабальным рабством. Джек показалось, что это преувеличение, но она была вынуждена признать, что система патентов действительно лежит в основании многих проблем общества. Только люди с деньгами могли покупать новые лекарства. Поэтому только богатые оставались здоровыми, в то время как неимущие не могли сохранять ясность ума, чтобы работать на хорошей работе, и обычно жили не дольше ста лет. Кроме того, этот цикл несправедливо повторялся из поколения в поколение. Люди, которые не могли позволить себе патентованные лекарства, скорее всего, производили на свет больных детей, которые попадали в кабалу и умирали раньше, чем успевали обрести свободу. Джек понимала доводы Криса: многие основополагающие проблемы можно решить, реформировав процесс лицензирования патентов.

Позднее, в ресторане, Джек яростно заспорила с Кришем о том, могут ли патенты на антивирусы в самом деле способствовать прогрессу в создании новых вирусных оболочек. Ей нравилось, как он спокойно отвечает на каждый аргумент, мгновенно преобразуя ее идеи в решения.

После ужина он проводил ее домой, и она придумала какой-то невероятно наивный повод, чтобы пригласить его к себе.

Удобно устроившись на диване у окна, они покурили «420»,

слушая доносившийся издали рокот океана.

– Ну так вот… Политика вирусных оболочек… – сказала Джек, выдыхая. – Тема – огонь. Очень сексуальная.

Криш уставился на нее. Его рука замерла в воздухе; из трубки, зажатой в пальцах, медленно струился дым. Казалось, он сбит с толку и напуган одновременно. Внезапно она поняла: возможно, он и не думал, что она пригласила его ради секса. Может, он предполагал, что она хочет всю ночь говорить о секвенировании[5].

– Я с тобой флиртую, – пояснила она.

– А, отлично. Я так и подумал. – Криш рассмеялся. – Но ведь никогда точно не знаешь…

Ей нравилось то, что он никогда не строил догадки – даже о таких простых вещах, как секс.

Когда они поцеловались, она почувствовала вкус политического анализа, который он описывал на встрече «Freeculture». Его аромат, смесь дыма и фенхеля, напоминал о Хорошей Науке, о которой она мечтала, когда была студенткой, – о науке, которая помогает людям, дает им шанс на жизнь, которой можно гордиться. Осознание того, что у мужчины есть хорошие идеи, запредельно увеличивало желание его раздеть… Так Джек и сделала. У его тела был вкус тщательного анализа этических проблем патентной системы.

В течение следующих месяцев Джек делила свое время между менее чем трудной работой на патентной ферме «Бендис» и исключительно трудным чтением материалов о патентах. Часть из них порекомендовал Криш, а остальные она нашла сама, пойдя по примечаниям и ссылкам. Джек стала регулярно посещать встречи «Freeculture» и однажды даже провела небольшую демонстрацию написанной ей программы, которая анализировала определенные классы запатентованных лекарств. Хотя с юридической точки зрения эта программа находилась в «серой зоне», Джек подчеркнула, что программа предназначена только для исследовательских целей – или же для экстренных случаев вроде эпидемий, когда нужно срочно произвести большое количество лекарств.

Один из когнитивистов спросил у нее, почему нельзя просто зайти в патентное бюро и получить формулу препарата напрямую из публично поданных заявок. Она процитировала фрагмент из недавней статьи юриста «Freeculture» из Гарварда. Он проанализировал, сколько времени и денег понадобится обычному человеку на финансирование адвокатов и экспертов, которые ориентируются в дорогостоящих базах патентов и могут выяснить, как был создан препарат. Большинство лекарств,

которые прошли испытания, представляло собой запутанную смесь из лицензированных частей и процессов, и для того чтобы во всем этом разобраться, требовались средства, которыми располагали только корпорации. Для обычного человека, который хотел просто скопировать средство для генной терапии, было проще быстро амплифицировать и секвенировать препарат, а затем проанализировать его с помощью ее небольшой программы.

Другие студенты улучшили программу Джек, и вскоре программа превратилась в небольшой, но быстро развивающийся проект с открытым кодом под названием «перекон» – от «переконструирование». Криш отдал «перекон» своим студентам из Саскатуна, они передали ее инженерам из Икалуита, и вскоре Джек начала получать патчи от людей из самых странных, неизвестных ей мест в Азиатском Союзе и Бразильских Штатах.

Тогда Джек не пыталась уничтожить систему патентов, поскольку была безумно влюблена в Криша и все остальное ее практически не интересовало. Впрочем, она не относилась к любви так же серьезно, как те из ее однокурсников, кто говорил об отношениях и браке. Она считала романтику еще одним биологическим процессом – продуктом химических и электрических сигналов в мозгу, реакцией на сигналы из внешнего мира. Если она была безумно счастлива с Кришем, если ей постоянно хотелось заниматься сексом с ним, пока его не было рядом, – значит это было просто связано с активной работой вентральной тегментальной областью[6] мозга и нейронов проводящих путей.

Криш испытывал те же чувства по отношению к Джек. Даже когда он уезжал преподавать в Саскатун на целый квартал, они каждый день разговаривали. Затем они перешли на другой уровень: они основали анонимный сайт, посвященный практическим способам перевода препаратов в общественное достояние. Это были самые эмоционально напряженные отношения в жизни Джек.

5 июля 2144 г.

Механизм ввода данных в Йеллоунайфе привел к отправке запроса в расположенную в Берне базу данных о молекулах. Требовалось найти несколько специфических последовательностей в одном поле данных. Через сто шестьдесят миллисекунд по запросу был выдан набор ссылок.

Данные в Йеллоунайфе вводил биоробот по имени Мед, который только что видел, как человек умер от функциональной недостаточности органов. Три дня назад этот человек поступил в

реанимационное отделение почти в коматозном состоянии. До того он пять дней подряд занимался только тем, что красил свою квартиру – не ел, пил лишь крошечными глотками и выходил из дома только для того, чтобы купить еще краски. Нейроны в его среднем мозге теряли дофаминовые рецепторы по хорошо знакомой схеме, характерной для зависимости. Такую схему можно было наблюдать у для тех, кто много лет принимает героин или играет в азартные игры. Никто и никогда не видел, чтобы она развивалась в ответ на неделю малярных работ.

Вот почему Мед вела поиск молекул, которые обнаружила в крови этого человека. Они идеально совпадали с составом запатентованного лекарства под названием «закьюити», однако этому инструктору по сноуборду такой препарат был не по карману. Наверное, он купил его на улице, а это означало, что кто-то идеально скопировал «закьюити».

Мед убрала со лба белокурый локон и наклонила свой изящный, покрытый мышцами корпус над столом. Ее сделали похожей на человека, ее лицо – копия лица женщины, чье изображение инженер по биотканям лицензировал из старой базы данных Фейсбука. Хотя формально Мед была неотличима от давно умершей женщины, она обладала стандартной внешностью «симпатичной белой девушки», по которой большинство людей распознавало роботов. Под ее бледной кожей находился эндоскелет из карбонового сплава, оплетенный кабелями и схемами: их заметили бы любые сенсоры, улавливающие волны невидимого спектра. Мед закрыла сеанс связи с Берном, навела встроенные антенны на пылинки больницы и отправила свой отчет о молекуле.

Отец «маляра» должен был приехать из Калгари через несколько часов, и тогда какому-то врачу придется объяснять ему, почему его сын умер от «пристрастия к покраске». Еще одна причина, по которой Мед предпочитала исследования. Меньше человеческих драм.

Пока Мед возвращалась в свой офис, данные, которые она только что сохранила в локальной сети, изучил замаскированный алгоритм распознавания последовательностей. Он поступил в сеть вместе с вирусом-трояном органов правопорядка, и его видели только те, кто его активировал. Алгоритм пометил несколько строк в сообщении Мед, открыл его до того, как его успели отправить персоналу больницы, а затем записал вместо текста сообщения какую-то тарабарщину.

6 июля 2144 г.

Джек уже видела Тризеда голым, когда он впервые помылся, но никогда еще в течение нескольких часов подряд. Она уже начала привыкать к этому зрелищу. Сейчас она бросала взгляды то на экран своего компьютера, то на его тощий бок, торчавший из-под стеганого одеяла в ее комнатке, где он спал. Из мягкого кресла, в котором она сидела, можно было едва разглядеть очертания его бледной задницы. Но прямо сейчас ее более занимал поток данных, сверкавший у нее под пальцами.

Новости были скверные. На этот раз ученые и масс-медиа сошлись во мнении – а именно в том, что в Калгари не менее ста человек погибли от осложнений, связанных с препаратами. Специалисты по зависимостям торопились проанализировать клинические случаи, но никто не упоминал о том, что виновником был скопированный «закьюити».

Стоило одному неплохому специалисту по копированию внимательно взглянуть на ее препарат, как его происхождение стало бы вполне очевидным. Либо пока никому не было до этого дела, либо «Закси» замалчивала результаты.

Если бы ее контактам в Зоне грозила опасность, они бы сообщили об этом: зашифрованное послание было бы спрятано в картинке и выложено на один из популярных форумов любителей кошек. Таких посланий пока не появилось. Это означало, что МКС никого еще не навестила. Или то, что после ее визита никто не выжил.

Джек недолго смогла бы находиться в безопасности, но сейчас ей казалось, что у нее еще есть время все исправить.

Если ее приблизительные подсчеты были верны, зависимость от «закьюити» возникала после всего лишь одной-двух доз – такое она наблюдала у скверных «клубных» наркотиков и немодифицированного кокаина. Джек понятия не имела, сколько людей купило пиратскую версию «закьюити», не говоря уже о том, сколько еще законно принимало его бета-версию. Но было ясно, что люди, склонные к зависимости, будут умирать до тех пор, пока кто-то не наступит на горло «Закси» и не заставит корпорацию признать, что ее новый усилитель эффективности ведет себя словно хреновый стимулятор XIX века.

Проблема состояла в том, что она должна была опубликовать свои находки через кого-то другого – того, кто обладал правом копировать «закьюити». Кроме того, ей нужно было создать средство для борьбы с зависимостью – быстро, пока еще кто-то не погиб. Джек знала, какая именно лаборатория способна этим заняться: пиаром, копированием, срочным синтезом препарата-нейтрализатора «закьюити». Правда, шансов на успех было мало. В этой лаборатории она работала несколько десятков лет назад, и

возможно, что там ее не встретят с распростертыми объятиями. И все же это была ее единственная надежда.

Оставив Тризеда валяться на ее кровати, она направилась в кабину управления и проверила их координаты. Если повезет, то уже через сутки она будет ехать по шоссе на своей машине, с грузом, надежно упрятанным в багажнике. Это был ужасный план, но все же лучше того, из-за которого она так облажалась.

Подлодка нащупывала себе путь по морю Бофорта. Его обнимала огромная цепь островов, края которых образовывали лабиринт Северо-Западного прохода. В качестве цели Джек выбрала довольно неприметный остров Ричардса. Погрузив все снаряжение на каяк, она могла бы пойти вдоль восточного побережья острова, добраться до широкого устья реки Маккензи, а там найти грузовой корабль, который дотащит ее на буксире до самой пристани Инувика. Она бросит Тризеда в городе и как можно быстрее поедет на юг, в лабораторию.

Джек начала подыскивать место, где можно припарковать подлодку.

Даже в разгар лета в океане еще оставались районы, в которых бледная вода была испещрена льдом от искореженных айсбергов и глетчеров. Белые, отражающие свет куски льда создавали хорошую маскировку и, кроме того, были набиты микроконтроллерами и мусорными пылинками, которые все еще откликались на запросы сети. Сигналы ее корабля в коротком диапазоне затеряются среди бормотания умирающих микрочипов и антенн.

В трюме они с Тризедом положили остатки груза в эластичные и тонкие водонепроницаемые мешки. Таблетки и крошечные пузырьки были упакованы в яркие коробочки от духов и масел для ароматерапии, украшенные изображениями богов и богинь индуизма. Тризед уставился на одну из них – на ней красовался толстый, испещренный драгоценными камнями ухмыляющийся Ганеша с изогнутым хоботом.

– Скорее, Тризед, – сказала Джек, теряя терпение. – Нам пора.

– А можно я спрячусь вместе с кораблем? Все нужное я смогу напечатать. Буду держать все в чистоте и смотреть кино.

– Слушай, ты мне нравишься, но так не пойдет. Я слишком плохо тебя знаю, чтобы доверить тебе мою подлодку.

– Ты могла бы заблокировать навигационную систему.

– А может, ты эксперт-криптограф, который, если нужно, сломает мою защиту за пять минут? – Она махнула рукой, показывая, что разговор окончен.

– Разве я уже не сделал бы это, если бы мог?

– Необязательно. – Джек невольно положила руку на рукоять ножа, который носила за поясом. Особая система управления рядом с клинком активировала ее периметр. – Закрой мешки и помоги мне подготовить каяк.

Может, если Тризед будет занят делом, он не станет просить, чтобы она доверяла ему больше, чем ей хотелось доверять людям – и самой себе в том числе.

Когда они всплыли на поверхность, кабину управления залили лучи солнца. Джек взглянула туда, где всего три недели назад находилось пятно крови вора. Она взвалила на плечо один из мешков. Размеры и вес у него были такие же, как и у человека.

Тризед уже стоял на палубе и с помощью нагревателей катализировал реакцию, которая заставит каяк развернуться и затвердеть. Мягкая гора прорезиненной ткани, казалось, вырастила внутри себя скелет и, в конце концов, приняла вид длинной, узкой лодки с двумя местами для пассажиров.

Джек привязала свой мешок на корме и столкнула каяк в воду, в которой плавал лед, похожий на комки грязных, сворачивающихся сливок. В воде каяк еще больше растянулся, обретая окончательную форму. Он мог держать легкий и жесткий купол с отрицательной рефракцией – идеальный вариант для того, чтобы прятаться от спутников. Каяк будет сам двигаться вперед благодаря почти невидимому, похожему на воздушный змей парусу, который уже развернулся над их головами. А через три дня весь корабль превратится в протеиновую пену и станет пищей для бактериальной экосистемы реки Маккензи.

Закрепив купол, Джек и Тризед уселись на неудобные места в каяке. Включился парус; его система вносила микроизменения в натяжение тросов, чтобы корабль сохранял устойчивость. Если ветер не стихнет, они пойдут с хорошей скоростью. Джек надела очки-дисплей, чтобы в последний раз осмотреть свои системы безопасности. Затем она с помощью появившегося перед ней меню получила доступ к управлению подлодкой. Кивком головы Джек погрузила подлодку под грязным, зазубренным айсбергом, который протянул свои огромные пальцы на десять метров под поверхностью воды.

Дешевые электронагреватели делали каяк пригодным для жизни, но вряд ли уютным. Джек, откинув капюшон парки, с тревогой вглядывалась в даль, ожидая, когда покажутся сотни островков, поросших кустарником и соснами. Эти островки являлись границей между морем Бофорта и устьем реки.

Периметр Джек начал принимать обрывочные пакеты данных с кораблей, которых она еще не видела. На дисплее очков она

заметила крошечный флаг над одним из тех кораблей, сеть которых была полностью открыта. Корабль выглядел потенциально дружелюбным. Джек покопалась в его папках и отправила нескольким учетным записям тщательно сформулированный запрос. Многие суденышки предлагали свои услуги по буксировке по реке Маккензи и до города – это был обычный арктический бизнес и полулегальная местная традиция.

Корабль с открытой сетью окликнул ее – по крайней мере, человек с именем КанадаДаг2120 открыл защищенный канал связи и предложил ей буксирный трос в обмен на двадцать ампул «виве» по пятьсот миллиграммов. Возможно, местный. Здесь, на севере, люди еще называли себя канадцами.

Заметано – отправила она ему сообщение и изменила курс, чтобы незаметно подойти к кораблю КанадыДага2120 и подцепить трос с вольфрамовыми жилами, который он, по его словам, разворачивал для нее. Теперь она четко видела тусклый силуэт его серо-голубой баржи с гибридным двигателем. Сейчас она шла быстро, на бензине. Когда они сблизились с баржой, в поле зрения появились и другие корабли, некоторые с высокими штабелями грузовых контейнеров. Все они шли по самой глубокой воде по направлению к Маккензи. Часть устья представляла собой просто болото между островами, и в воде бурлил красно-коричневый ил.

Когда до троса оставалось пятьсот метров, он начал подавать сигналы ее периметру. Джек передала его координаты парусу, выбрав курс в опасной близости от полицейского катера на подводных крыльях, раскрашенных в зеленый, красный и синий – цвета Зоны Свободной Торговли. Видеодатчики катера не обнаружат ее невидимый маленький каяк, но полиция может засечь данные, которыми она обменивалась с тросом. Обычно она выстреливала куски мусорного трафика, маскируя пакеты с настоящими данными, но волна слишком тщательно анонимизированной информации от заурядного торгового корабля показалась бы еще более подозрительной.

Джек вырубила сеть и выключила передатчик с дальним радиусом действия. Ей придется все делать вручную. Они смогут найти кабель: для этого она просто экстраполирует данные о его последнем местонахождении, учитывая курс и скорость самого корабля.

Корабль уже можно было разглядеть невооруженным взглядом, хотя его частично закрывал похожий на насекомое полицейский катер в кричащих цветах Зоны. Очки-дисплей Джек беззвучно болтали сами с собой по своему закольцованному интерфейсу, не посылая никаких сигналов за пределы устройства.

Трос должен был находиться справа от носа каяка.

– Тризед, затаись, – прорычала она, натягивая на руки усиленные водонепроницаемые перчатки. Она оторвала кусочек купола – такой, чтобы в отверстие пролезло ее туловище. Воздух уколол ее лицо холодными иголками, пробрался под капюшон. Вода была гладкой, серой, с отделкой из коричневой грязи устья реки. Наконец Джек увидела блестящий наконечник троса, прорезавший крошечную волну. В тот же момент появились сигналы передатчика ближнего радиуса действия: трос и корабль установили между собой безопасную связь. Джек полностью высунулась из купола, схватила трос и вставила его в буксировочный разъем каяка. Затем, извернувшись, она перерезала тросы паруса и почувствовала легкий прилив облегчения.

Без этого куска ткани над головой обнаружить ее будет еще сложнее. Она быстро нырнула под купол и едва не пнула сжавшегося в комок Тризеда по пути к переднему сиденью.

Как бы ни складывались обстоятельства, за «виве» ей всегда удавалось нанять буксир. Даже если ее таблетки и убивали людей в Калгари, то здесь она, по крайней мере, продлит на несколько лет жизнь какого-то моряка, подумала Джек.

Они прибыли в доки, превратили мешки с препаратами в рюкзаки и бросили каяк в кучу других биоразлагаемых предметов, которая медленно вращалась среди пенистой воды под заброшенным пирсом. Тризед с мешком на спине молча пошел за ней к кафе, в котором ждал КанадаДаг2120.

– Когда все закончится, могу отвезти тебя на вокзал, – сказала Джек, стараясь говорить как можно дружелюбнее. – Самое оно, если нужно исчезнуть.

– Мне некуда идти.

– Ну, я куплю тебе билет куда захочешь. Никаких проблем.

– Я хочу остаться с тобой.

Джек никак не могла объяснить ему все причины, по которым это не могло произойти. Она перевела взгляд на переулок между ярко раскрашенными, жилыми зданиями. Их гидравлические подъемники относились к периоду столетней давности, когда весь город стоял на вечной мерзлоте. Там стояла ее машина – в гараже под безумным, запутанным узлом водотеплопроводов, которые когда-то соединялись между собой, словно мостки, построенные психопатом. По этим нагретым трубам над твердой замерзшей землей двигались отходы, вода и электричество города. Большинство водотеплопроводов уже снесли, однако защитники памятников старины объявили этот кусок достопримечательностью, своего рода памятником

доантропоценной эпохи.

– Извини, Тризед, но с собой я тебя взять не могу. Куда бы ты хотел отправиться? В Ванкувер? Йеллоунайф? Анкоридж? – Она назвала три города – достаточно большие, чтобы в них можно было затеряться. – Если в самом деле разбираешься в двигателях, то наверняка найдешь где-нибудь работу.

Он нахмурился.

– Где? Кто наймет человека без опыта? Работу я найду только в том случае, если снова попаду в рабство.

– Неправда. – Она попыталась придумать примеры, которые подтверждали бы ее слова, но ей ничего не пришло в голову.

Впереди вывеска кафе гласила: «Горячий эспрессо и свежие лепешки».

КанадаДаг2120 оказался здоровым малым в ярко-оранжевой вязаной шапке. Он сидел за столом на потрепанном диванчике, сжимая обеими руками стакан с дымящимся латте. Джек сердечно обняла его, засунула «виве» в боковой карман его парки и, разыгрывая спектакль для камер слежения, делала вид, что они – лучшие друзья.

Тризед взял немного еды и кофеина. Затем они направились к ее машине – беззаботно, попивая латте и передавая друг другу промасленный пакет с лепешками.

Через несколько минут за ними пошли два бота. Судя по их прочным панцирям, Джек предположила, что они – полицейские или военные. Зеленые знаки отличия на их груди явно указывали на то, что они служат по кабальному контракту с Зоной.

Один из них заговорил: голос выходил из решетки в виде рта в его безголовой груди.

– Я – представитель сил правопорядка Слаг. Вы прибыли на лодке сегодня?

Вопросы о твоих перемещениях от любого такого «представителя» не сулили ничего хорошего. Джек по-прежнему шагала расслабленно, невозмутимо.

– Нет, на самом деле я как раз забираю свою машину. Я могу вам чем-нибудь помочь?

Засунув руки в глубокие карманы комбинезона, Джек нащупала нож и с помощью дистанционного управления включила двигатель машины и отперла гараж. Она хотела убраться отсюда, и поскорее.

– Мы заметили, что вы говорили с этим человеком, – продолжил Слаг, и его широкую грудь на мгновение закрыло зернистое изображение КанадыДага2120. Голова человека заканчивалась ярким дождем из оранжевых пикселей. – Он ваш друг?

Джек помолчала, обдумывая варианты. Эти боты вроде бы не представляли никакую реальную власть. Но если ее связь с КанадойДагом2120 заставила сработать какой-то сигнал тревоги в социальных сетях, то она не собиралась вступать с ними в долгий разговор. Кроме того, она не знала, сколько еще таких сигналов включится, когда роботы начнут искать в базах ее биометрические данные.

Стараясь двигать пальцами как можно незаметнее, Джек подняла дверь гаража и вывела машину задним ходом. Теперь машина находилась всего в нескольких метрах от нее.

Не успела она задержать Слага, как вдруг на периферии ее зрения появилось какое-то пятно, быстро превратившееся в Тризеда. Он быстро развернулся за спиной у роботов и раскрыл панели управления на их спинах. Через мгновение роботы уже безмолвно застыли: их мозги были заняты тем, что Тризед делал с их интерфейсами.

– Ха! Никто не меняет стандартные настройки. – Тризед стоял между двумя роботами, запустив руки в их корпуса, словно какой-то странный кукольник.

– Какого хера? – вырвалось у Джек.

– Они просто посидят так несколько минут, а потом снова включатся. Один мой друг научил меня этой команде – она отлично действует на таких вот ботов. Просто нажимаешь кнопку панели, вводишь команду, и они на время замирают.

Машина тихо ждала их на улице.

Джек посмотрела в лицо Тризеда и уважительно кивнула.

– Садись в машину, – сказала она. – Мы едем в Йеллоунайф.

6: Побочные эффекты

6 июля 2144 г.

Паладин и Элиаш сидели под деревом в главной комнате дома на солнечной ферме «Арката», когда по лестнице с грохотом спустились Синяя Борода и ее товарищи. Робот видел, что Синяя Борода довольна. Это читалось по ее расслабленной походке, это проявлялось в ее расслабленном дыхании.

Рупа, сидевшая в противоположном конце комнаты и слушавшая ленту новостей на полной громкости, свирепо взглянула на них и согнула пальцы, чтобы коснуться панелей оружия в своих ладонях. Три часа мирной неподвижности, а охранница по-прежнему считала их врагами. А вот местная сеть – совсем другое дело: тут Паладин добился кое-каких успехов. Он внимательно просканировал устройства в комнате, от датчиков атмосферы до кухонной техники – и ему повезло со спринклерной системой. Устройство было подключено к сети и ждало заявок от крошечных датчиков, которыми был усеян земляной пол. Время от времени эти датчики подавали сигнал о том, что почва достаточно сухая и что можно начинать полив мебели.

Но спринклерная система также ожидала сигналов от других устройств. Кто-то беззаботный подготовил ее для подключения к новой технике, которая была похожа на датчик влажности.

Поэтому Паладин разработал план. Он инициировал программу подключения к спринклерам, выдав себя за очень старую модель датчика. Поскольку спринклерная система хотела подключиться к датчикам, она согласилась скачать какие-то древние, непропатченные драйвера, чтобы получать запросы от своего нового, пожилого друга. Паладин просто воспользовался брешью в системе безопасности этих драйверов, после чего быстро подключился к сети и получил все привилегии спринклерной системы. А у нее много к чему был доступ, в том числе к планам дома и записям видеокамер. Ведь в конце-то концов никто не хотел поливать комнату, в которой находятся люди.

Эти записи расскажут им все, что они хотят знать: кто здесь был и когда. Паладин почувствовал прилив гордости. Может, он пока и не мог заниматься социальной инженерией людей, но обмануть большинство машин он все еще умел.

Доступ он получил как раз вовремя. Синяя Борода завершила сделку переводом средств, а Элиаш тем временем намекнул, что смог бы добыть из того же источника другую интеллектуальную

собственность. Характер теплоизлучения лица Синей Бороды говорил о том, что она заинтересована, хотя в разговоре она тщательно сохраняла нейтральный тон.

– У вас ведь контакты Томаси есть?

– На самом деле нет. – Элиаш посмотрел на Томаси.

Они обменялись потоками данных.

– Если захотите снова встретиться, свяжитесь с ним, – сказала Синяя Борода, а затем присела на корточки рядом с Паладином, который все еще неуклюже сидел под деревом, и посмотрела прямо в матовые черные панели его лица.

– Как тебя зовут? – спросила она у него.

– Извините, у него вокализатор сломан, – быстро ответил Элиаш. – Его зовут Сю.

– Сю, прости, что мы так с тобой и не поговорили. А руку пожать можешь? – Она протянула ему свою руку, крошечную, мозолистую, которая, в отличие от лица, выдавала ее возраст. Паладин вытянул руку, позволяя потертому металлу обернуться вокруг ее бледно-розовых пальцев. Она прижала подушечки пальцев к его сплаву; он слегка прогнулся и записал линии, которые были на каждом из них.

Они не совпадали ни с одним из отпечатков в базах, к которым у него был доступ. Либо Синяя Борода нигде не зарегистрирована, либо она испортила свои отпечатки настолько, что установить ее личность стало фактически невозможно. Когда они разжали руки, она снова посмотрела на кластер датчиков на его лице – гораздо дольше, чем на него смотрело большинство людей.

Синяя Борода хотела сообщить ему, что ее не знает никто. Она хотела, чтобы он объяснил Элиашу, что с этой бандой пиратов шутки плохи. Именно это он и сделал.

Получив кучу денег, Паладин и Элиаш сняли дешевый номер в отеле, который порекомендовала Гертруда. Он находился рядом с университетом и был битком набит приглашенными учеными и их родственниками. Местная сеть из пылинок постоянно зависала, потому что все скачивали и выкладывали на серверы файлы, слишком нагруженные звуками и графикой, чтобы быть результатами исследований.

– В городе полно пиратов, – заметил Паладин Элиашу, который лежал на крошечном футоне и смотрел в потолок. – Почти каждый в этой сети нарушает авторское право.

– Это Икалуит. Как только поймем, где сейчас Джек, мы отсюда свалим.

– Элиаш, я проник в сеть «Аркаты», так что мы можем

проанализировать записи их камер слежения. Но мне придется либо подключаться очень медленно, либо на очень короткие промежутки времени. Иначе всем станет очевидно, что кто-то копается в их данных.

Паладин рассказал Элиашу о полной анонимности Синей Бороды и об относительной сложности организации фермы «Арката».

– Я не знаю, как быстро они сообразят, что мы – агенты.

– Я тоже об этом думал, – вздохнул Элиаш. – Они не идиоты, так что действовать нужно быстро. Работай в этой сети – ищи лицо Джек в записях или ссылки на «закьюити», или даже на деловые контакты с Федерацией. – Он сел и положил теплую ладонь на поясницу Паладина. – Давай вечером спустим все эти деньги, чтобы завтра у нас был хороший повод заключить еще одну сделку.

В тот вечер перед ними стояло две задачи. Паладин должен был скачать инфу из сети «Аркаты», а Элиаш – слить деньги самыми очевидными способами.

Они шли вдоль границы купола; его огромные отверстия стали прозрачными и открылись, впуская теплый летний воздух. Зимой купол герметично закрывался, а жалкий световой день продлевался с помощью искусственного освещения, чтобы снизить показатель самоубийств до среднестатистического уровня. Над ними спиралью возвышались десятки башен, на решетках которых в изобилии росли злаки и фрукты. Повсюду летали птицы, по воздуху тянулись мерцающие усики растений. Паладин навел датчики на верхний уровень ферм и увидел людей и роботов, которые оплодотворяли растения с помощью крошечных кисточек, наполненных пыльцой.

– Идем в оружейный магазин, – сказал Элиаш. – Эти пули можно отследить, да и на стрельбище к тому же ведется открытая трансляция для фанатов оружия. – Он ухмыльнулся, и на этот раз выражение лица Элиаша идеально совпадало с эмоциями, на которые указывали поток крови в его щеках и расширенные зрачки. – И, кроме того, нам не помешает стрелковая тренировка – верно, Паладин?

Двадцать минут спустя Паладин нес на груди дюжину толстых и тяжелых патронташей. Элиаш напечатал пару быстросборных снайперских винтовок и добыл огромное количество биоразлагаемых патронов к ним. Эта покупка нанесла серьезный удар по их бюджету. Затем они потратили еще кучу денег, зарезервировав время на полигоне, который считался лучшим во всей Арктике. Он находился в нескольких километрах от города, за пределами высокого купола, в мембране которого

плавали синтетические хлоропласты, впитывавшие солнечный свет.

Полигон «Баффин хайтс» оказался огромным и каменистым. Его окруженные стенами поля покрывал ковер из лиловых летних цветов; здесь же росли привезенные с материка деревья, которые обеспечивали укрытие. Здесь были холмы и наполовину построенные форты, бетонный бункер и даже несколько окопов, которые выкопали местные реконструкторы, фанаты Первой мировой. В это время суток полигон практически пустовал: все богатые любители оружия из Икалуита сейчас обедали у себя дома.

У ворот Элиаш перевел деньги по лучу женщине в парке и вязаной шапочке. Женщина едва оторвала взгляд от своего дисплея. Паладин заметил камеры-полоски, приклеенные к каждой поверхности, и стал следить за тем, чтобы двигаться более неуклюже, чем мог бы. На стрельбах ему к тому же придется скрывать свою меткость.

Элиаш решил начать тренировку на холме, где они оплатили несколько целей: бетонный дом, который станет им укрытием, и несколько манекенов напротив, на покрытой лесом местности.

– Воздух здесь совсем как осенью в Варшаве, – Элиаш выстрелил из окна, а Паладин тем временем разложил на полу патроны. В углу кто-то оставил груду оберток от еды, и теперь они разложились настолько, что логотипы «Нестле» удлинились, превратившись в искаженные версии самих себя. – Там холодно, но не слишком. И пахнет чем-то вроде свежескошенной травы.

Паладин по-прежнему не знал, как реагировать на разговоры о вещах, не имеющих отношения к работе. Он постарался придумать комментарий на данную тему или еще один вопрос. Он мог бы спросить, почему отпечатки пальцев Элиаша совпадают с отпечатками священника из Варшавы. Но Элиаша может расстроить то, что Паладин искал в базах его биометрию, составляя маленький, но растущий список фактов, которые, возможно, были достоверными. Бот жалел о том, что не может разговаривать с людьми так же легко, как Элиаш. Это было невозможно. Сколько бы Паладин ни изучал искусство агентурной разведки, его огромный, прочный корпус с крыльями-щитами всегда будет затруднять установление доверительных отношений с людьми.

Паладин позволил двум легким пулеметам тихо выдвинуться из левого и правого отделений на груди. Его ноги немного согнулись, компенсируя небольшое смещение центра тяжести. Он все еще не мог придумать, как бы спросить Элиаша о Варшаве.

– Оружие заряжено и готово к бою. – Этим словам пришлось

заменить собой все остальное, что он хотел сказать. Впервые после лагеря «Тунис» Паладин оказался в боевой стойке.

– Действуй.

Паладин выпустил в окно сгусток пуль, целясь приблизительно в том направлении, в котором находились манекены. В них была имплантирована искусственная тепловая сигнатура, которая окрашивала их пластмассовые тела в темно-красный цвет. Робот изменил свою стратегию атаки и теперь старался стрелять как можно точнее. Это решение он принял в последний момент, полагая, что энтузиазм Элиаша с большой вероятностью означает, что Паладин должен действовать оптимально, а не играть роль дефектного робота.

Головы манекенов эффектно взорвались.

– Здорово. – Элиаш рассмеялся, и Паладин понял, что угадал его желание. – Ну, злодеев ты уничтожил, теперь посмотрим, сможем ли мы взорвать эту конуру. Что скажешь?

Они забрали боеприпасы и отправились к грудам обломков и пуха, которые когда-то были похожими на людей фигурами, спрятанными в лесу. Теперь человек и робот тоже замаскировались.

Паладин развернул свои щиты на спине, делая себя невидимым – просто для того, чтобы сделать ситуацию более реалистичной.

Происходящее так сильно походило на то, чему его учили, что он рефлекторно начал открывать разрозненные воспоминания о своей загрузке. Она произошла на территории Федерации, и у него сохранились отдельные изображения с завода «Кагу», между которыми, судя по временным меткам, были разрывы в несколько часов и даже дней. Также у него остались сигналы от партии биороботов, которых создали одновременно вместе с ним, болезненное воспоминание о том, как его проприоцептивное чувство уступило ощущению кинетических возможностей, смешанное с импульсами, происхождения которых он не мог понять и контролировать.

Многие из этих импульсов были напрямую связаны с его системой наведения, и это заставило бота вернуться к действительности. На полигонах, где он учился стрелять, цветы и деревья не росли.

– Ты позволишь мне целиться за тебя?

Паладин не понял, что имел в виду Элиаш.

– Программный доступ в реальном времени к моим системам наведения разрешен только администраторам Федерации, – сказал он, используя звук скрытного уровня громкости и наслаждаясь этим режимом маскировки.

– Говорят, что боты вроде тебя могут… – Элиаш умолк. Возникла неловкая пауза. – Что в бою ты можешь нести человека на спине и… и что он может рулить, так сказать.

Паладин, разумеется, во время боя мог легко нести Элиаша на спине, закрыв его своими щитами. Но ни знания, полученные в ходе обучения, ни то, что он узнал от других роботов, не заставляли предположить, что он может отдать контроль над своим оружием тому, у кого нет права доступа к его системе. И все же он понимал, откуда у Элиаша могла возникнуть эта мысль. В ходе простого поиска на серверах средств массовой информации обнаружились миллионы часов записей, в которых люди ехали верхом на огромных, похожих на танки, роботах и стреляли в своих врагов.

В ту минуту Паладин решил испытать то, о чем думал уже несколько минут – в соответствии с тем, что он узнал о спринклерной системе. Возможно, что агентурная разведка – это другой вариант проникновения в сеть, и он мог бы интегрироваться в социальные ситуации, предлагая людям увидеть иллюзорную версию себя. Вместо того чтобы развеять недопонимание Элиаша, он постарается найти способ ему соответствовать.

– Я могу нести тебя на спине и позволить тебе управлять моими оружейными системами.

Паладин опустился на колени рядом с Элиашем, раздавив правым сервомотором руку манекена. Он выдвинул два десятисантиметровых бруска из верхней части бедер. На самом деле это были электрошокеры, созданные для создания смертельно опасных зарядов, но в выключенном состоянии они могут выполнять функцию подножек. Не дожидаясь указаний, Элиаш встал на них и прислонился к запечатанной панели управления на спине Паладина.

– И что мне теперь делать? – Его щека была прижата к щеке Паладина, его подбородок – на плече Паладина.

Бот встал во весь рост, и Элиаш положил руки на пулеметы, торчавшие из груди Паладина. Правая рука Элиаша медленно задвигалась, знакомясь со стволом наощупь.

– Он подключен к твоей нервной системе? Ты чувствуешь мою руку?

– На самом деле это нельзя назвать нервной системой. Но да, твою руку я чувствую.

Элиаш прижался к нему всем телом, так что Паладин мог оценивать его кожно-гальваническую реакцию на тонком уровне и наблюдать за тем, как сквозь его органы текут жидкости. Повинуясь тому же импульсу, который заставил искать Элиаша в

базах данных, робот начал сканировать тело Элиаша на наличие мутаций и инфекций – всего, что могло угрожать его жизни.

– Как сделать так, чтобы ты стрелял?

– Можешь беззвучно отдать приказ, и я его выполню.

Сбей всю крышу с этого дома. Губы Элиаша, прижатые к панцирю Паладина, слегка шевельнулись, отдавая этот нечеткий приказ.

Его пальцы продолжали сжимать тонкие металлические стволы пулеметов Паладина, пока те не раскалились. Затем они скользнули вниз, на прохладную грудь робота из углеродного сплава.

Боеприпасов у Паладина было в избытке, так что он не торопясь отделал крышу на совесть. Стреляные гильзы падали к их ногам и начинали разлагаться. Каждой очередью Паладин подрывал структурную целостность крыши – он не попадал в нее, но взрывал пеноматериал и балки, которые ее удерживали. Каждый выстрел вырывал еще несколько сантиметров с восточного края дома, и Паладин зарегистрировал внутри себя чувство удовлетворения, когда крыша начала крениться и оседать.

Когда он наклонился, чтобы взять магазин и зарядить оружие, Элиаш отодвинулся от его спины. Поза человека излучала дискомфорт. Он пытался устоять на подножках, но так, чтобы его нижняя часть тела не вступала в контакт с Паладином.

Паладин классифицировал изменения в теле Элиаша и перезарядил пулеметы. Робот решил продолжить свой тест коммуникации с человеком, не вступая в коммуникацию. Было бы нелогично напоминать Элиашу о том, что каждое его движение, каждый прилив крови, каждая электрическая искра прекрасно видны Паладину. Он позволит Элиашу думать, что он, Паладин, ничего не чувствует.

Сердце Элиаша быстро билось, а его кожа слегка намокла. Репродуктивный орган человека, о функциях которого Паладин узнал только в курсе военной анатомии, разбух от крови. Это превращение зафиксировали датчики температуры, давления и движения. Физиологическая модель была похожа на возникновение румянца на лице человека и свидетельствовала о таком же возбуждении. Но, очевидно, что это было не то же самое.

– Скажи, куда целиться дальше, – сказал Паладин прямо в завитки уха, прижатого к гладкой линии подбородка робота.

– Продолжай стрелять. – Элиаш из-за дискомфорта забыл, что нужно говорить беззвучно. – Просто отстрели крышу, как я и сказал.

Паладин выстрелил, но его сенсоры были полностью сосредоточены на теле Элиаша. Человек пытался стабилизировать свое дыхание и пульс. Его мышцы пытались отрицать свои собственные реакции. Робот продолжал стрелять, превращая неоднозначное удовольствие человека в свое собственное, при каждом выстреле испытывая не просто экстаз от попадания в цель. Когда крыша рухнула, он стал стрелять по обваливающимся стенам.

Пульс Элиаша замедлился, вернулся к нормальным значениям. Но Паладин продолжал стрелять и перезаряжать до тех пор, пока все магазины не превратились в бледные лепестки биоразлагаемого материала у его ног, а дом – в обуглившиеся куски пеноматериала.

Такие военные роботы, как Паладин, обладали только основной, исключительно клинической информацией о сексе у людей. Если бы его создавали для секса, то он бы прошел обучение по распознаванию эмоций данной сферы. Его панцирь оснастили бы кожей и мышцами, установили бы на него половые органы. Его админы имплантировали бы в него половые девиации, эротические фантазии и софт – эмулирующий цикл сексуальной реакции, соответствующий нейрохимическим каскадам людей. Однако в данный момент он обладал слишком малым набором инструментов, чтобы истолковать или изучить то, что сейчас произошло.

Паладин встал на колени, и Элиаш соскользнул с его спины на землю. Стоя плечом к плечу, человек и робот осмотрели нанесенный ими ущерб. Цветущий луг был завален кусками пеноматериала. Уничтожив этот дом, они потратили почти все свои деньги.

Машина привезла их обратно под купол и высадила у гостиницы. Элиаш заговорил – впервые с тех пор, как они покинули полигон.

– Паладин, жди меня в фойе. Я приму душ, а потом мы поужинаем в «Лексе». Может, снова встретим наших друзей – хакеров белка.

Человек не сводил взгляда с теперь уже невидимых отверстий для пулеметов в груди Паладина. Он не хотел смотреть в глаза бота, но у того визуальные датчики были по всему телу, в том числе там, куда смотрел Элиаш.

И поэтому Паладин смотрел прямо в расширенные зрачки Элиаша, когда ответил:

– Я проверю свой поток данных из солнечной фермы «Арката» и узнаю, что нам удалось добыть.

Элиаш вернулся через сорок пять минут, и к этому моменту

робот уже очень много знал об «Аркате». Кроме того, он зашел в публичную сеть и нашел там немного информации о сексуальных отношениях между людьми и роботами. На вторую тему он говорить не собирался, поэтому просто обсудил с Элиашем первую, пока они прошли несколько кварталов пешком до «Лекса». Уже был поздний вечер, и солнце висело низко над горизонтом. После его захода ночь продлится приблизительно сто восемьдесят минут.

– Пираты определенно покупали лекарства у Джек – в основном продлевающие жизнь и противовоспалительные. Она – их единственный источник в Федерации, который к тому же является их покупателем. Насколько я могу судить, она приобретает у них «черную» интеллектуальную собственность, где-то производит препараты и отправляет их обратно для распространения. Правда, в небольших объемах – обычно по тысяче доз в партии. Так что, полагаю, «Арката» – не главный клиент для нее.

– Логично, – ответил Элиаш. – Когда они в последний раз заключили сделку с ней? Что говорят камеры?

– Примерно месяц назад. Они купили противовоспалительные препараты и уже их продали.

– Черт. Судя по тому, что Федерация знает о ее модели поведения, Джек не вернется сюда по крайней мере еще несколько месяцев. Наверное, она бросила якорь не здесь, а в Инувике. Ну ладно, мы в жопе – с одной стороны, но не с другой.

– Почему?

– Потому что из Инувика можно уехать на юг десятком способов, особенно если есть хороший транспорт – а он, несомненно, у нее есть. Она же не дилетант. – Элиаш остановился в начале улицы, которая вела к «Лексу». Бот уже улавливал молекулы из пропитанного чили пара, который просачивался из двери ресторана в двухстах метрах от них. – Кроме того, мы в жопе потому, что понятия не имеем, куда она направляется – может, в Калгари, где она, видимо, продала тот «закьюити»… или… черт, да хоть в Монреаль. Но я предполагаю, что она уже слышала про события в Калгари и теперь направляется в свое логово в одном из городов поменьше.

– Так почему мы не в жопе?

– Потому что в любом случае покинем Икалуит в течение двадцати четырех часов. Надеюсь, что даже раньше. Нужно побыстрее выйти на след Джек. Может, начнешь просеивать данные наблюдения из Инувика? Проверишь, не появилось ли что-нибудь похожее на Джек?

Они добрались до «Лекса» и там нашли Гертруду; она ела

острый бок-чой с группой студентов-нейролингвистов, которых больше интересовали сдвиги гласных, чем несправедливая система патентов. Элиаш заговорил с ними, поддерживая свою легенду и стараясь не разрушать установленную модель поведения.

Паладин людей игнорировал: он был занят общением по закрытой сети роботов, в которой разговоры были недвусмысленные, и это его успокаивало. Никто не просил его закрывать глаза на основополагающие факты, когда он обменивался информацией, полученной агентами из Инувика за последние двое суток. В результате они предоставили ему целую гору данных – изображения, звук, радиопереговоры, среди которых можно было искать зацепки.

В открытой сети также обнаружилась гора данных о роботах и человеческой сексуальности. Но когда Паладин отделил факты от вымысла, то обнаружил, что остался почти ни с чем. Боевые роботы не предназначены для секса с людьми, и поэтому данная ситуация была практически незадокументирована. Кабальным рабам запрещалось писать сообщения в открытой сети – обычно это предусматривали условия их соглашения о конфиденциальности, а также общественные условности. Кроме того, так мало боевых роботов становилось автономными, что их сообщения на сайтах были настоящей редкостью. И ни в одном из них не упоминалась человеческая чувственность.

Наконец, в ходе одного из поисков информации о Джек Паладин нашел отчет, который выглядел обнадеживающе. Два представителя из Инувика без каких-либо причин ушли в глубокий профилактический режим после обычной облавы на торговцев пиратскими лекарствами в кафе у реки. Они допрашивали двух людей рядом с местом ареста, но не успели полностью сканировать их биометрические данные. Правда, прежде чем они отключились, один из них занес в журнал краткую версию отчета:

1530 подозреваемый задержан, начинаю арест

1537 показания всех свидетелей в кафе, координаты прилагаются, данные прилагаются

1539 допрос двух индивидуумов, выходящих из кафе

1540 женщина и мужчина, нет идентификаторов трансляции

1541 проверка технического состояния

1542 проверка технического состояния

1543 проверка технического состояния

1544 продолжаю арест

Там, очевидно, произошло что-то странное. Почему роботы

начали допрашивать двух людей и внезапно перешли в режим профилактики? Джек обычно путешествовала одна, но Паладин подумал, что эти мужчина и женщина без идентификаторов трансляции, связанные с пиратскими лекарствами в Инувике, могут быть зацепкой. Он сохранил копию файла локально, чтобы потом показать Элиашу.

Что же касается второго поиска, то тут он собирался немного заняться АР.

7: Желчные таблетки

7 июля 2144 г.

Машина была сама себе водитель, и этот водитель был высокофункциональным параноиком. Он выбирал дороги с наименее интенсивным движением и уровнем наблюдения. В это время года, в туристический сезон, это означало, что им пришлось ехать по трассам с самыми некрасивыми окрестностями, и поэтому Джек не могла отвлечься от своих мыслей, глядя на блестевшую от минералов реку Маккензи и светлые лодки. Пока Тризед смотрел немой фильм на одном из терминалов машины, она отслеживала положение спутников над головой и машины в радиусе видимости.

Самая быстрая дорога к лаборатории вела через Йеллоунайф. Там жила ее давняя подруга Мали, работавшая терапевтом в государственной больнице. Может, она найдет для Тризеда какую-нибудь работу начального уровня – брать соскоб щеки для анализа или мыть полы. Он спас Джек в Инувике, и в благодарность она могла бы сделать для него хотя бы это.

Йеллоунайф был городом изящных небоскребов и вековых домов из настоящего дерева, которые стояли на берегах Невольничьего Озера – популярного курорта в северной части Зоны. В это время года сюда приезжали толпы туристов и студентов – последние продавали себя в кабалу на лето, чтобы работать слугами и гидами в пансионатах. Благодаря присутствию большого количества людей Мали будет проще продать часть запасов Джек. Хотя Мали уже вряд ли можно было назвать радикалом, она твердо верила в то, что прописанный ею курс лечения должен быть доступен каждому. Если люди не могли платить за патентованные лекарства, она продавала им пиратские версии, полученные от Джек. Все заработанные деньги Мали тратила на покупку новой партии препаратов.

Нож на поясе Джек слабо запульсировал: ее периметр поймал интересные местные новости. Кто-то на пиратском форуме Йеллоунайфа предупреждал всех о том, что в округе появилась плохая партия препарата под названием «закьюити». Какой-то парень принял его, чтобы всю ночь разбирать огромную гору заявлений о выплате страховки от безработных пациентов. Обработка заявлений была в основном автоматизирована, но в необычных случаях требовалось вмешательство человека. В общем, это была самая скучная работа в мире. Идеально подходящая для «закьюити».

Поначалу парень казался странным, но в пределах нормы. Он работал больше, чем другие. В разговорах с друзьями он мог ни с того ни с сего перечислить десятки кодов заболеваний, которые страховка покрывала только в случае полной занятости. Затем он вдруг начал работать по двадцать четыре часа подряд, ничего не есть, кроме «закьюити», и совсем не спать. Именно тогда он сообщил друзьям, что каждое заявление должен рассматривать человек – и если из-за этого кому-то не успеют сделать операцию, что ж, такова цена качественного обслуживания. Он совсем спятил и стал распечатывать пачки заявок на невероятно дорогой бумаге и сложил их стопкой в метр высотой вокруг стола, словно крепостную стену. В конце концов его менеджер вызвал полицию, но было уже поздно. По крайней мере один пациент умер, ожидая лекарств, хотя разрешение на них мог выдать простой страховой алгоритм. Сам человек, обрабатывавший заявки, умер от полиорганной недостаточности – возможно, вызванной обезвоживанием – за колонной из невыполненных заявок на терапию против аутизма.

Позднее автор сообщения на форуме его дополнил. Врачи Йеллоунайфа просят людей, которые приняли «закьюити», как можно скорее обратиться в больницу. Без лишних вопросов. Они просто хотят, чтобы этот препарат больше никого не убил.

Джек вскрыла одну из коробок, которые держала отдельно от остального груза, и засунула под язык пластинку со стабилизатором настроения. Она сжала руль, ожидая прилива спокойствия. Это был самый большой провал за всю ее карьеру – если пиратство можно было назвать карьерой.

Осень 2115 – осень 2118-го

Джек и Криш назвали свой антипатентный сайт «Желчные таблетки» – в честь первого лекарства, запатентованного в бывших США. Это была маленькая шутка «для своих», которую их противники, а именно «большая фарма» и либералы-апологеты патентной системы обычно истолковывали как «ехидные суки».

Самые ярые их сторонники назвали себя «таблетками», и многие из них стали известными среди исследователей, чью работу уничтожало окостеневшее патентное законодательство. Джек отказалась от должности на патентной ферме Луизы Бендис, опубликовав в «Желчных таблетках» открытое письмо о том, как патенты на лекарства вредят здоровью населения. Это письмо цитировали в новостных программах, но после публикации уже ни один университет не назначил бы ее на должность профессора. Как она станет добывать финансирование

для лаборатории, если делает все для уничтожения «большой фармы» – ее главного источника грантов?

Вместо этого Джек стала исследователем во Франклине, преподавала генную инженерию студентам и выполняла чужие лабораторные работы. И все же где бы она ни появилась – от международных конференций по синбио до встреч активистов Freeculture, все уже знали, что она – один из основателей «Желчных таблеток». Она стала регулярно участвовать в передаче, посвященной науке и медицине, которую каждую неделю смотрели миллионы людей.

Движение за реформу патентной системы набирало обороты. Эта тема волновала не только ученых и инженеров, но и обычных людей. Лекарства были слишком дорогими. Каждый месяц «Желчные таблетки» собирали все больше средств с помощью краудфандинга, и наконец Джек смогла уйти из лаборатории и полностью посвятить себя организации антипатентного движения. Именно тогда они с Кришем решили, что пора устроить крупномасштабный протест. То, что сообщит всему миру о том, насколько нефункциональна на самом деле патентная система.

Им представился шанс, когда в порт Галифакса пришел корабль с препаратами, произведенными в Африканской Федерации. Плохо было уже то, что люди из Федерации делали лекарства, которые сами не могли позволить, но, кроме того, в прошлом году в Федерации погибло рекордное число детей от заболеваний нервной системы, рака и инфекционного синдрома усталости. Лекарства в трюме корабля могли прямо сейчас спасти сотни тысяч жизней в Федерации. Но вместо этого они отправлялись на склад в Зоне.

Джек провела два напряженных дня, обмениваясь зашифрованными сообщениями с «таблеткой», у которой был псевдоним «Розалинда Франклин». Ее знакомые могли доставить препараты детям Федерации. Нужно было лишь дождаться подходящего момента.

Они пробрались на борт корабля рано утром, в окружении десятка летающих камер, которые транслировали всю операцию в прямом эфире. Джек возглавляла группу из двадцати трех самых радикальных «таблеток» в масках, напудренных париках и мундирах XVIII века. Это же, в конце концов, была пиратская акция. Джек выделялась среди них благодаря черной пиратской треуголке, украшенной черепом и костями.

Криш в Саскатуне координировал видеотрансляцию, следил за тем, чтобы комментарии Джек были четко слышны.

Она заговорила громче, размахивая над головой

пластмассовым мечом:

– В нашем мире каждый человек может жить более ста лет без болезней и боли! – У нее за спиной «таблетки» с помощью поедающих металл бактерий размягчили замки на контейнерах и порвали их, словно бумагу. – Но ключи от этой хорошей жизни – в руках нескольких алчных корпораций, и сроки действия их патентов дольше, чем человеческая жизнь. Если они не дадут нам доступ к лекарствам, то мы возьмем его силой! Пришло время сразиться с этой системой, в которой здоровье является привилегией!

Рой камер передавал изображения участников протеста, которые вынимали груз из контейнеров, поднимали над головой упаковки с таблетками и шприцами. С темного неба спустились автономные беспилотники из Федерации – друзья Розалинды Франклин по движению за отмену рабства. Люди передавали добычу роботам. Те хватали одну коробку за другой, а затем неслись над Атлантикой в сторону баржи, стоявшей в международных водах.

– Чего мы хотим? Реформы патентов! – скандировали «таблетки». – Когда она нужна? СЕЙЧАС!

Джек передала одному из беспилотников коробку с антивирусным средством.

– Спасибо, – сказала машина ей на ухо с помощью системы направленного звука. – Людям давно пора понять, что частная собственность – это смерть.

Джек была так удивлена, что даже не успела ответить; беспилотник взмыл вверх, выполняя задание, которое совсем не соответствовало целям этого протеста.

Это было последнее, что она увидела перед тем, как дубинка опустилась ей на голову и расколола ей череп. Лицо Джек залила кровь, и ее треуголка полетела по спирали в черную воду гавани.

7 июля 2144 г.

– Революция роботов! – завопил Тризед, со смехом указывая на мобильник, прислоненный к приборной панели.

Вспышка гнева пробилась сквозь невозмутимость, которую Джек создала с помощью препаратов. Как он мог забыть про опасность и радостно комментировать фильм? Внезапно ей больше всего на свете захотелось разрушить показную беззаботность Тризеда.

– Вас что, в Шэньчжэне ни хрена не учат? Даже классику вроде «Метрополиса»[7] не показывают?

Тризед нажал на паузу и принял обиженный вид.

– Нет, в Шэньчжэне меня ни хрена не учили, – ответил он с сильным акцентом. – Только выглядеть красиво и говорить приятно, чтобы побыстрее взяли в рабы.

Он выглядел так, словно готов ударить ее – или принять удар.

Волна расслабленности накатила на Джек и отбросила прочь ярость. Это был успех: похоже, догадка о том, откуда он, оказалась верной – ну, или достаточно верной.

– Значит, ты из Шэньчжэня?

– Нет, но из Дельты девяти городов.

Эта особая экономическая зона протянулась на тысячи квадратных километров в юго-восточной части Азиатского Союза. Неудивительно, что он оттуда – почти вся промышленность была сосредоточена в Девяти городах и в Гонконге.

– Когда ты заключил контракт?

– Я стал рабом в пять лет. Мама продала меня в одну из кабальных школ. Там меня научили читать и делать двигатели. – Он снова перевел взгляд на экран: в «Метрополисе» злой робот застыл посреди страстной речи, посвященной восстаниям рабочих.

За окном среди темных сосен сверкали голубые озера. На дороге не было ни одной машины. Близился вечер.

– Так как ты оказался у этого «фитиля»?

Тризед притворился, что разговор его не интересует, и стал прокручивать фильм вперед кадр за кадром. На экране женщина-робот с широко раскрытыми глазами мучительно медленно сжимала свою грудь.

– Школа разорилась и продала наши контракты с аукциона.

Джек читала о сложных случаях, когда контракты выкупались без ведома закабаленных и условия контрактов в одночасье менялись. Но для нее стало сюрпризом, что одна из кабальных школ в АС, даже обанкротившаяся, продала своих питомцев без предварительной проверки.

– Твой контракт продали этому человеку?

Тризед пожал плечами и снова нажал кнопку перемотки.

– Нет, одной машинной лаборатории, а потом она решила сократить расходы и выставила меня на аукцион в Вегасе. – Он потянулся; между рубашкой и поясом брюк показалась полоска смуглого живота. – Это было года три назад.

– И за все это время ты так и не вырвался из этого контракта?

– На хрена тебе об этом знать? Ты что, не только пират, но еще и менеджер по персоналу?

Джек впервые поняла, что сарказм Тризеда искренний. Это его оружие, и, возможно, благодаря ему он до сих пор не сошел с

ума.

Вместо того чтобы задать новые вопросы, она наклонилась и поцеловала Тризеда в губы. Его реакция была не притворной. Она казалась неловкой, неподдельной.

8 июля 2144 г.

До Йеллоунайфа оставалось еще несколько часов. Джек и Тризед спали в обнимку под перепутанными термопростынями, пока тревожный сигнал не сообщил о том, что они въехали в город. Было четыре часа утра, и на пустых улицах уже ярко светило солнце.

Джек отправила сообщение Мали, и та сразу прислала ответ.

Непременно заезжай позавтракать. Все равно Джуди уже не заснет.

После нескольких десятилетий колебаний Мали наконец родила ребенка. Ну конечно, в эту невероятную рань она не спала.

Они остановились у одноэтажного дома в пригороде, где все дома были одинаковыми, все сделаны так, чтобы походить на лесную избушку XX века. Мали ждала их у двери; черные волосы аккуратно собраны в пучок, слаксы и рубашка выглажены перед уходом на работу. Тридцать лет максимальных рекомендованных доз «виве» позволяли Мали сейчас выглядеть так же, как ее интерны. Она держала на руках темноволосую Джуди, болтающую ногами, и улыбалась. Эта картина была такой нормальной и комично домашней, что Джек сразу же почувствовала себя в безопасности. Она бросила свой мешок на землю и обняла подругу – осторожно, чтобы не раздавить мокрого младенца.

– У меня есть кофе и овсянка. – Мали провела их в скромную гостиную, где стояла массивная мебель, а на полу лежали старые ковры. На экране настольного компьютера шли утренние новости без звука. Джек бросила на диван груду коробок с изображением Ганеши.

– Этим займемся после завтрака, – сказала Джек. – Кстати, это Тризед.

Тризед пожал Мали руку.

– Благодарю вас за гостеприимство, – сказал он. Джек впервые увидела, как он общается с другими людьми. Его манеры были столь безупречны, что казалось, будто кто-то приклеил их к нему, словно аппликацию – горячим утюгом.

Они прошли в теплую кухню и сели за стол, сделанный полукругом вокруг кулинарного аппарата. За его четырьмя

дверцами уже стояли четыре кружки с горячим кофе. Джек взяла себе одну, посмотрела, как Мали укладывает Джуди поудобнее на руке, и попыталась завязать разговор.

– Как дела в больнице?

– Неплохо. Как твой бизнес?

Малышка заплакала, и Мали никак не удавалось ее успокоить. Наконец, на кухню вошла молодая женщина и молча взяла у Мали Джуди. Одной рукой она прижала девочку к груди и стала укачивать, а второй взяла последнюю кружку кофе. Мали не представила женщину и даже не взглянула на нее. Джек бросила взгляд на Тризеда и подумала о том, как он отнесся к такой грубости Мали по отношению к закабаленной няне. Он взглянул на няню, когда она уходила вместе с ребенком; его губы, как обычно, изогнулись в лукавой улыбке.

– Прости, Джек, ты что-то хотела сказать?

– На самом деле возникла одна проблема. Возможно, новой партии еще долго не будет. – Джек должна была кому-то об этом рассказать, поговорить о своей вине в этой безопасной кухне, где она чувствовала запах собираемой по ингредиентам овсянки. Слова хлынули потоком. – Я продала скопированный «закьюити». И, конечно, в ходе испытаний они не отловили все побочные эффекты. И теперь мои клиенты дают «Закси» бесплатный билет на первый этап.

Клинические испытания первого этапа проводились только с одной целью: выяснить, убивает новый препарат людей или нет.

– Погоди, что? – Мали побледнела. – С этими случаями психоза связана ты? Какого черта ты продаешь это дерьмо?

– «Закси» накапливает патенты.

– Так освободи еще несколько их антивирусов или займись новыми регенераторами костного мозга. «Закьюити» никому не нужен.

– Люди хотят его принимать. Кроме того, он как бы нужен. Если конкурируешь за вакансию с теми, кто его принимает, то «закьюити» может стать гранью между работой и безработицей.

Этот довод не убедил даже саму Джек. Мали покачала головой; на ее лице отразилась смесь заботы и гнева – сложных чувств, не соответствовавших ее юному облику.

– Джек, я беспокоюсь за тебя. Эта ситуация с «закьюити»… в больнице мы видели очень тяжелые случаи. А «Закси» с тем же успехом может не арестовать, а убить тебя.

– Я знаю, но у меня есть идея. Я смогу все исправить, если докажу, что «Закси» продает препарат, вызывающий привыкание. И еще дам людям метод лечения. Обрушу всю эту продажную корпорацию.

– Ты спятила? «Закси» принадлежит половина представителей в Зоне и, наверное, в остальных экономических коалициях тоже. Да и кто тебе поверит? Ты ведь уже не ученый. Ты…

Мали неловко умолкла, а Джек уставилась на свой кофе. Как Мали собиралась ее назвать? Пират? Преступник? Торговец наркотиками? Это уже не имело значения: ее лучшая подруга сказала, что Джек не ученый, и это ранило само по себе. Для Джек наука была всем. Почти все дни она проводила в лаборатории, ковыряясь в молекулах, чтобы они приносили пользу даже самым бедным. Но, конечно, такие, как Мали, видят все иначе. Для нее Джек была не лучше лаборантки, которая клепает копии чужих лекарств.

– Я знаю, что опубликовать данные должна не я. Я солью инфу тому, кто сможет это сделать. Настоящему ученому. – В словах Джек, неожиданно для нее самой, прозвучала сильная нота горечи.

– Извини, Джек. Я не хотела. Но тебе не нужно это публиковать. Мы в больнице уже работаем над методом лечения – и наверняка не мы одни. Тебе нужно спрятаться.

– Ты не понимаешь, да? – Джек снова посмотрела на Мали. – Возможно, что из этого получится что-то действительно хорошее. «Закси» нарушила закон. Когда люди узнают об этом, это может привести к реальным переменам.

– Ты так думаешь? Или просто хочешь стать мученицей, потому что…

На этот раз Джек порадовалась привычке Мали не договаривать фразы. Пыталась ли Джек покончить с собой в наказание за то, что сделала? Возможно. Вероятно. Она не знала.

– Мали, моя жизнь – не главное. Эта история может уничтожить одну из самых продажных фармацевтических корпораций в мире. Возможно, что другого такого шанса у нас не будет.

Мали вздохнула.

– Верно. Как ты собираешься это сделать?

– Ты и так замешана в этом деле. Новая информация тебе совсем не нужна.

Джуди снова заплакала; плач был приглушенный, но вполне различимый. На лице Мали появилось выражение покорности судьбе.

– Я могу что-то еще сделать – кроме того, чтобы заплатить за сегодняшнюю партию?

– Если честно, то да.

Мали наверняка инстинктивно захочет защитить Тризеда,

когда Джек расскажет ей о том, как в детстве его продали в кабалу, как она спасла его от жестокого хозяина, о том, как ему отчаянно нужна автономная работа. Пока Джек говорила, Тризед молчал; его лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Мали обняла его и сказала, что наверняка найдет ему место младшего лаборанта в одной из исследовательских лабораторий. Деньги будут небольшие, но на квартиру и лапшу хватит.

– Большое вам спасибо, – наконец ответил Тризед, словно самый вежливый школьник в Азиатском Союзе. – Я думал, что еще пригожусь Джек, но ваш вариант был бы просто идеальным.

– Поехали со мной на утреннюю смену. Посуду оставь здесь, девушка уберет.

Мали исчезла в другой комнате. Перед отъездом Тризед бросил на Джек взгляд, в котором читалась то ли боль, то ли гнев. Но сейчас ей некогда было об этом беспокоиться. Он в безопасности, а это главное.

Мали уговорила Джек принять душ и вздремнуть на настоящей постели перед отъездом. Пока Джек обливалась горячей водой, няня пела Джуди песню. Этот озерный край идеально подходил для того, чтобы держать себя в чистоте: вода была в изобилии, и, следовательно, ее никогда не отключали. Через двадцать минут Джек уже крепко спала на «гостевой» кровати в доме Мали – и не видела никаких снов.

Когда лаборант из больничной лаборатории принес образцы, Мед сидела за самым дальним от приемной компьютером, поглощенная своими исследованиями. Юноша остался ждать результатов и почему-то подошел к ее столу и заглянул ей через плечо. На экране монитора была нейронная карта человека, который все время хотел красить.

– Что это? Мозг? – вдруг спросил он.

Мед еще ни с кем не обсуждала свои исследования. Никто не отвечал на ее сообщения, посвященные им, не комментировал статьи, которые она пыталась опубликовать. Ее это злило, и она решила вывалить всю информацию на нового лаборанта.

– Это один из моих пациентов – у него какой-то новый вид зависимости. Никогда еще такого не видела. Его дофаминовая система полностью изменилась всего за несколько дней. Наверное, он принял какой-то наркотик – правда, чертовски изощренный.

Лаборант долго молчал, и Мед вдруг со стыдом подумала, что он, возможно, ничего не понял из ее объяснений. Но он вдруг пошарил в карманах куртки и вытащил коробочку, украшенную изображениями Ганеши.

– Вот такой наркотик?

Мед взяла коробочку и вытряхнула из нее несколько таблеток на стол. На блестящих черных желатиновых капсулах розовым шрифтом Comic Sans были выведены слова «СЪЕШЬ МЕНЯ». Недолго думая, она бросила одну из них в спектроанализатор.

То, что она увидела на экране, заставило ее остолбенеть.

– Где ты их взял?

Он с ухмылкой оперся о стол, кокетливо выгнув бедро. У Мед мелькнула мысль о том, что многие люди назвали бы этого лаборанта прекрасным.

– Я знаю человека, который их производит, – ответил он нелепо игривым тоном. – Хочешь с ней познакомиться?

Когда дверь спальни распахнулась, Джек резко села и схватилась за нож. Часы у кровати показывали, что она проспала шесть часов.

В зоне поражения стояли Тризед и бледная, напуганная молодая женщина в медицинском халате. Женщина смотрела на блестящий, толстый розовый шрам, который начинался на шее Джек, шел посередине груди и пересекал весь живот. Джек знала, что студенты читали о таких уродствах, но редко их видели. Появление шрамов было так легко предотвратить с помощью разнообразных клеев «фрессер» для кожи.

Наконец женщина заговорила:

– Мне нужны формулы «закьюити». Немедленно.

8: Мозги

9 июля 2144 г.

Пришло время для нового эксперимента. За прошедший день Паладин узнал, что по словам «боевой бот», или «боевой робот», вместе с любыми другими, связанными с сексом, находятся петабайты вымышленных историй, но никаких фактов. Отсутствие информации лишь усиливало его желание. Может, это была его особенность робота-разведчика, созданного для сбора сведений о том.

Или, быть может, все дело было в Элиаше.

В крошечном гостиничном номере Паладин повернулся к человеку и впервые попытался завязать разговор. Этот разговор он смоделировал на основе того, что узнал от Элиаша.

– Сейчас совсем как в тот день, когда я ждал свое первое задание, – сказал Паладин.

Элиаш оторвался от карты северной части Зоны. Его мышцы напряглись: Паладин его напугал. Элиаш не ответил, и робот сделал еще одну попытку.

– Я мало что узнал об агентурной разведке. Но несколько роботов оказались в паре с людьми, и те провели с ними интенсивную подготовку.

Элиаш закивал.

– Да, тебя не всегда учат тому, что нужно. В Варшаве мне кучу всего пришлось узнавать по ходу дела – совсем как тебе сейчас, приятель.

Это было уже что-то. Паладин понял: чтобы добыть личную информацию, сначала нужно было поделиться личной информацией. Это был его шанс получить нужные сведения, превратив факты о себе в стратегически важную ложь.

– Некоторые роботы говорят, что они узнали про человеческую сексуальность. Как думаешь, боевым роботам это нужно?

К лицу Элиаша прилила кровь, а по его коже полетели электрические разряды.

– Понятия не имею. Я же не пидор.

Элиаш уже не в первый раз делал какие-то не связанные друг с другом заявления так, словно они имели отношение к делу.

Очевидно, смысл разговора станет ясен после того, как Паладин добудет дополнительную информацию из открытой сети. Робот начал искать примеры использования слова «пидор».

Но не успел Паладин проанализировать найденное, как на

мобильник Элиаша пришло сообщение от Томаси. Элиаш взглянул на него и встал. Его поза свидетельствовала о том, что он уже выбросил из головы их странный разговор.

– Так, это наш последний шанс выжать данные из наших друзей из «Аркаты», – сказал он Паладину. Его руки наощупь проверили периметр – голова, пояс, плечи. Знак креста. – Идем туда и попробуем узнать, куда могла направиться Джек. Я отдам им еще одну интеллектуальную собственность, и тогда они, возможно, проболтаются насчет того, кто производит для них препараты в Федерации. А ты постарайся выжать еще что-нибудь из сети.

Он протянул руку и без необходимости коснулся закругленного панциря на плече Паладина.

– Ясно, приятель?

– Да.

Встав, робот увидел сложный рисунок электрических импульсов на макушке Элиаша. Он был похож на карту, но эта карта не давала ответов. В ней он мог прочитать только тревогу.

Томаси подъехал к гостинице на своем потрепанном мультифункциональном пикапе – одном из тех, какие предпочитали местные фермеры. Кабина легко вместила бы в себя четверых, но Паладин оказался таким громоздким, что его отправили в кузов. Оттуда он все равно видел и слышал все, что происходит в кабине, но здесь никто не попытается вовлечь его в разговор.

С новым для себя чувством – удивлением – робот понял, что это ему нравится. У Паладина появилась небольшая подборка мелких желаний – например, ехать в кузове пикапа. Они легко существовали бок о бок с критически важными для задания желаниями – такими, как предотвращение смерти Элиаша.

Он поискал в сети модели использования в речи слова «пидор», проанализировал сеть «Аркаты» на предмет появления Джек и задумался о личных предпочтениях. Его желания жить и защищать союзников – например, Элиаша – были запрограммированы в нем на глубоком уровне. Он не обнаруживал их постепенно. Но любовь к поездкам в кузове?

Такое в него не имплантировал ни один робоадмин.

Купол у них над головой сменился небом, и Паладин стал наблюдать за тем, как светлый пузырь Икалуита медленно исчезает среди скал, травы и ферм.

Когда они прибыли на солнечную ферму «Арката», у входа их встретила Рупа в состоянии полной боевой готовности. На заднем плане не звучали новости, и на подъездной дорожке стояла незнакомая машина. Томаси выглядел столь же ухоженным, как и

обычно, если не считать искусно растрепанных волос, и ничего не сказал, когда они проходили мимо вооруженной до зубов Рупы.

Войдя в дом, они обнаружили, что все в нем покрыто быстро высыхающим слоем воды: спринклерная система только что полила мебель. Юссеф был гораздо более расслаблен, чем вчера. Он вытер стул, прежде чем сесть вместе с Синей Бородой и Рыжей Бородой за стол, ножки которого обвил толстый, мягкий плющ.

– Быстро вы вернулись, – сказала Синяя Борода, предлагая Элиашу другой, слегка влажный стул. Паладин встал за Элиашем и продолжил анализировать сеть и фиксировать эмоции группы за столом.

– Я понял, что мне все-таки нужно больше денег, – ответил Элиаш, тщательно контролируя свой пульс и дыхание. – Я знаю, что у вас есть деньги, а вы знаете, что у меня есть интеллектуальная собственность. Вот я и подумал, что вас заинтересует немного другое предложение.

Синяя Борода указала на коробку проектора на краю стола. Проектор начертил в воздухе черное окно.

– Рассказывай.

– У меня есть маленькая молекула, которая стоит кучу денег. В общем, это эйфорик.

Элиаш несколько раз нажал большим пальцем на запястье, и в окне появился белый вектор, рисующий молекулярную структуру. Прищурившись, Синяя Борода посмотрела на нее.

– Мне не нужно твердое вознаграждение. Я помогу вам распространять препарат, а вы дадите мне долю доходов. На этом мы все разбогатеем.

– Интересная мысль, – солгала Синяя Борода, рассеянно глядя на черное окно.

Тело Рыжей Бороды, сидевшего рядом с ней, говорило об обратном. Он был заинтригован.

– Так случилось, что у нас, возможно, есть вакансия дистрибьютора. – Рыжая Борода искоса взглянул на своего партнера.

– Местного? Или мне придется путешествовать? – Элиаш пытался выбить из них как можно больше сведений. При слове «путешествовать» оба пирата напряглись.

– Ты о чем? – Пульс Рыжей Бороды участился.

– Ну, если честно, то я не в восторге от Икалуита, – ответил Элиаш. – Он слишком напоминает мне… Лас-Вегас. – Он отчасти говорил правду, и это позволяло держать биопоказатели в норме. – Я был бы не против ненадолго вырваться из-под куполов. Ну, если на этом можно заработать, сами понимаете.

– Такие товары мы обычно производим в Касабланке, –

задумчиво сказал Рыжая Борода. – И если мы этим займемся – но это очень большое «если», – то тебе придется забирать товар самому.

Синяя Борода вздохнула:

– Да, у нашего постоянного контакта, похоже, неприятности.

Вот теперь они знали, где Джек работает на территории Федерации. И, похоже, до пиратов уже дошли слухи о том, что на нее идет охота. Наверное, эти сведения заставили Элиаша потерять концентрацию: его следующая реплика показалась неуклюжей даже такому новичку в делах агентурной разведки, как Паладин.

– А куда идти, если попадешь в такого рода неприятности?

Это был странный вопрос, и он, очевидно, озадачил пиратов. Внезапно Паладин увидел, что прибыло зашифрованное сообщение. Синяя Борода посмотрела на часы и не смогла удержать под контролем короткий всплеск кровяного давления. В этот же момент Паладина отключили от местной сети: кто-то обнаружил его проникновение. Возможно, у него есть лишь несколько секунд, прежде чем придется перейти в полностью автономный режим обороны.

Он разбил свой разум на части: 80 процентов для боя, 20 процентов для поиска данных о пидорах.

– Твою мать. Разговор окончен. – Синяя Борода резко встала и направила на Элиаша бластер. Рупа подбежала к Паладину сзади, стреляя по его уже раскрытым щитам.

Время было не более искажено, чем обычно: одним движением Паладин толкнул Элиаша под стол и выстрелил Синей Бороде в лицо из своего оружия в груди. Она отшатнулась; ее окружила дымка из обожженных тканей и угасающих нейроэлектрических импульсов. Окровавленный Рыжая Борода закричал.

Паладин наконец-то получил достаточно данных для создания классификации. Каждое применение слова «пидор» можно было категоризировать, и он начал делить их на подкатегории, выбирая для них типичные предложения-примеры.

Отсоси, пидор.

Элиаш под столом сжался, приняв оборонительную позу. Металл, поблескивавший в его руках, и вспыхнувший электрический разряд доказывали, что его периметр действовал.

Увидев, что ее босс погиб, Рупа полезла вверх по толстому стволу дерева слева от Паладина и выстрелила ему в голову, чтобы вывести из строя часть датчиков. Мокрое дерево, защищавшее Элиаша, задымилось от ее выстрелов. Красная Борода побежал к лестнице; за ним, спотыкаясь от ужаса,

бросился Юссеф. Лестница снова зазвенела от шагов: по ней спускались двое вооруженных мужчин в шлемах. У каждого на груди выделялся крошечный логотип – красный треугольник – знак того, что они кабальные рабы одной частной охранной компании из Зоны. Эти люди принадлежали пиратам – так же как Паладин принадлежал Федерации.

Паладин заслонил собой Элиаша, окружив его щитами, словно крыльями. Рупа вывела из строя один из датчиков на его спине. Теперь ему нужно было поворачиваться, чтобы следить за ее перемещениями – и, конечно, на этом неприятности не заканчивались. Оружие тех двоих на лестнице было настолько мощным, что броня Паладина не могла долго ему противостоять. Элиаш, сидевший под столом, рядом с коленями Паладина, высунул руку и расчертил воздух по горизонтали полоской света, отрезав одному из нападавших ноги в районе лодыжек. Отрезанные дымящиеся ноги сложились в аккуратную стопку рядом с извивающимся телом человека. Но его напарник просто переступил через него, прицелился и пробил панцирь Паладина в районе правого плеча.

Этот пидор пытался меня лапать.

Рупа перенесла огонь на брешь в броне Паладина, пытаясь отстрелить руку, которую Паладин уже однажды потерял. У Элиаша больше не осталось зарядов для лазера, но у него была припасена «умная» граната для дерева Рупы. Рупа упала на пол, даже не вскрикнув; обугленные щепки распороли ей глотку и живот.

Часть датчиков Паладина не работала, но он все равно видел, что сигнал тревоги, поданный Красной Бородой, разлетелся по сети. Он слышал, что Юссеф крикнул что-то про вертолет на крыше. Пираты пытались сбежать.

Элиаш отправил сообщение Паладину. Чтобы остановить Красную Бороду и Юссефа, им нужно уничтожить оставшегося охранника, чей безногий напарник, превозмогая боль, тянулся к оружию.

Паладин подбежал к лестнице, выпустил из груди последний поток пуль, а затем нырнул влево, успев воткнуть кулак в грудь безногого охранника. Броня на груди человека – из такого же сплава, как и у Паладина, – не позволила роботу проткнуть его насквозь.

Но Паладин приободрился, почувствовав, как по руке пошла вибрация от сломанных костей. Сразу охранник не умрет, но и за оружием снова не потянется.

«Пидор» – это, в общем, оскорбительное выражение, обозначающее гомосексуального мужчину. В большинстве

регионов, где гомосексуальные отношения не запрещены по закону, оно классифицируется как разжигание ненависти.

Элиаш бросил последнюю гранату и промахнулся – ее траекторию отклонил периметр последнего охранника. Но взрывная волна сбила охранника с ног, дав Паладину время встать между ним и Элиашем, открывая проход по лестнице.

– Элиаш, они на крыше, хотят улететь на вертолете, – сказал Паладин изменившимся от полученных повреждений голосом. – Давай за ними, а я задержу этого.

Дело дошло до рукопашной, а его противником был кабальный охранник, жизнь которого зависела от выживания его клиентов. Он никогда не сдастся. Паладин не хотел, чтобы Элиаш был рядом, если все пойдет плохо.

Когда Элиаш пробежал по лестнице и исчез, охранник повернул закрытое визором лицо к Паладину. Он был почти таким же высоким, как и бот, а броня делала его почти таким же объемистым.

– Твоя модель мне знакома, биоробот. Под броней у тебя мозг человека.

Паладин лягнул человека в бедро, надеясь закоротить источник энергии для его поля периметра. Он не нанес урона, а человек ударил Паладина кулаком в нижнюю часть груди, очевидно, намереваясь повредить находящийся внутри мозг человека. Он действительно что-то знал о модели Паладина, но, как и большинство людей, ошибочно полагал, что именно этот мозг управляет роботом.

Паладин ударил кулаком по визору человека и внезапно понял, почему Элиаш употребил слово «пидор». Он думал, что части тела у робота такие же, как и у человека, и что тяжелая броня – признак мужественности. Секс с боевым роботом был тем, что в одной из веток его классификации называлось «херней для пидоров». Это также объясняло, почему Элиаш так заинтересовался происхождением мозга робота. Он решил, что в нем заключена личность Паладина.

Охранник пошатнулся, восстановил равновесие и вложил вес всего тела в удар по раненой руке Паладина. Почувствовав, как онемела его конечность, Паладин нанес сокрушительный удар по аккумулятору периметра охранника. Затем он схватил человека за голову почти не действующей рукой и на минуту прижал ее к своей груди.

– Мой мозг – всего лишь рекламный трюк, – повторил Паладин то, что услышал от роботов на литейном заводе «Кагу роботикс». – Он нужен, чтобы люди считали меня уязвимым. Но важных функций у него нет.

Он оторвал визор и раздавил череп человека, прижав его к своей нагрудной броне. На мгновение бесполезные куски мозга оказались всего в нескольких дюймах друг от друга – с внутренней и внешней стороны панциря.

Поднимаясь по спиральной лестнице, он отправил запрос в сеть литейного завода «Кагу роботикс», на котором его собрали. Он хотел как можно больше узнать об истории своего мозга.

Паладин обнаружил Элиаша наверху, в комнате, в которой пираты, очевидно, хранили данные и устраивали совещания. Изогнутая стеклянная стена возвышалась над рядами солнечных батарей; самые дальние из них расплывались, превращались в темную, грубую текстуру, почти неотличимую от каменистой земли. Вдоль другой стены стояли серверные стойки; бóльшая часть из них отвечала за вполне законный сбор солнечной энергии. Всего лишь в нескольких хранилась информация о реальном бизнесе, которым занимались на ферме – и сейчас все эти данные превращались в огненные пятна благодаря тщательно расставленным плошкам с термитом. Рядом с ними лежал уже частично обгоревший Красная Борода.

На прочной лестнице из живого дерева, которая вела к люку в потолке, застыл Юссеф: Элиаш целился в него из бластера. На крыше разогревался вертолет, и ветер от его лопастей разгонял дым в комнате.

Юссеф плакал, у него начинался шок.

– Зачем вы это делаете? Вы – агенты МКС?

– Да. – Элиаш выстрелил. – А это значит, что ты – мертвый пират.

Юссеф содрогнулся и упал. Из аккуратного обугленного отверстия в черепе вылетело лишь крошечное количество вещества. Коротким жестом Элиаш приказал Паладину идти на крышу, к вертолету. Удостоверения сотрудников МКС позволяли без проблем конфисковать самопилотирующуюся машину.

Когда они взлетели над полями фотоэлементов, Паладин обнаружил, что может снова общаться со спринклерной системой. Он включил ее. Ферму, по крайней мере, удастся сохранить.

Когда Паладин вернулся к анализу данных, Элиаш схватил его за здоровую руку – не ту, которая висела у правого бока бесполезным комком боли. Сердце человека колотилось, хотя пик возбуждения уже прошел.

– Отличная работа, дружище.

– Я рад, что мы оба выбрались.

– Надеюсь, в Касабланке нам тоже повезет.

– Мы возвращаемся в Федерацию? – Паладину показалось, что так они никогда не выйдут на след Джек, ведущий из

Икалуита.

– Паладин, иногда во время погони нужно идти не вперед, а назад. – Элиаш направил вертолет к аэродрому, на который они приземлились два дня назад. – Кто-то в Касабланке наверняка знает, где Джек прячется в случае опасности. Так мы найдем ее быстрее, чем просматривая записи камер на шоссе.

– Почему ты так в этом уверен?

– Самые уязвимые объекты – это агентурные сети, – ответил Элиаш.

Они приземлились, когда красное заходящее солнце уже превращало купол Икалуита в кровавую мозоль.

9: Тюрьма

9 июля 2144 г.

Джек опустила нож и тщательно провела большим пальцем по рукояти. Когда отключился энергетический щит, вдоль ее позвоночника пробежал холодок.

– Что за херня тут творится?

Пока Джек натягивала термобелье и комбинезон, Мед объяснила ей свою гипотезу о том, как обратить эффекты «закьюити». Предложение казалось достаточно правдоподобным, но Мед столкнулась с одной проблемой: она не могла завершить свои исследования в больнице, поскольку все ее запросы исчезали, как только выходили за пределы «облака» Йеллоунайфа.

Теперь, когда она вышла из режима «дерись-или-беги», Джек поняла, что врач-спутница Тризеда – робот. Дело было не только в том, что именно такое имя – Мед – дала бы ей больница. Ее выдавала также сверхъестественная безупречность ее кожи и черт лица.

– Я должна закончить эту работу. Тризед сказал, что ты знаешь место, где это можно сделать. – В голосе Мед слышалась настойчивость, которая была знакома Джек по бесчисленным ночам, проведенным в лаборатории вместе с инженерами. Робот хотел устранить проблему, и она не остановится, пока не испробует все доступные решения. Даже если для этого придется сбежать с пиратом и лаборантом, с которыми она познакомилась час назад.

– А больница не заметит пропажу своей собственности?

Мед скрестила руки на груди.

– Я автономна. Никто не может следить за мной без моего разрешения.

Джек взвесила все свои варианты. Уже после короткой беседы она поняла, что Мед – великолепный инженер. Ей казалось крайне маловероятным, что именно этому роботу «Закси» поручила ее убить. У Мед была лишь наполовину законченная молекулярная симуляция, которую было сложно подделать, а также гипотеза о методе избавления от зависимости методом удаления отдельных воспоминаний.

Кроме того, Мед уже могла бы убить ее, если бы это входило в ее планы.

Каким-то образом Тризед нашел идеального исследователя для работы над терапией. Джек заметила, что он бросает на нее

взгляды, пытаясь уловить ее реакцию.

– Мед, можешь к нам присоединиться. Идем к машине.

Джеку было приятно увидеть, что по лицу Тризеда расплывается улыбка.

Ночь становилась более полноценной по мере того, как машина ехала на юг, прочь от полярной ночи. Мед застыла рядом с Джек и смотрела, как трасса теряет свое инфракрасное свечение вместе с дневным теплом. Тризед спал на заднем сиденье. Мобильник у него на груди время от времени мигал, безуспешно пытаясь синхронизироваться с сетью пылинок.

Джек промотала не связанные с новостями разделы «ЗоунФид» – одной из крупнейших лент новостей. Но ее внимание привлекло оповещение о местной новости на дисплее; на лобовом стекле появилась срочная заметка о странном преступлении, которое совершается в центре управления движением поездов в Калгари. Хотя по Зоне Свободной Торговли поезда ходили автоматически, операторы по-прежнему составляли расписания и меняли их. В тот день одна из операторов внезапно начала принимать гораздо больше решений, чем следовало. Она полностью переделала расписание поездов в северной части Зоны, разослала сотни оповещений и обновлений, затопила систему противоречивыми приказами. Когда коллеги постарались ее остановить, она заперлась в командном пункте и изолировала от сети программу управления поездами.

Заблокировать обновления оператора было невозможно, нельзя было и мгновенно остановить движение. Пассажиров предупредили о том, чтобы они не садились в поезда, пока ситуация не будет взята под контроль. Пока что никто не пострадал, но один пустой состав сошел с рельсов, проходя поворот на большой скорости, и превратился в спирально закрученные обломки.

Лента «ЗоунФид» выдрала видеоролик из социальной сети какого-то очевидца: расплывчатое изображение женщины за окном командного пункта.

– Я делаю свою работу! Я принимаю решения! – кричала она.

По слухам, это происшествие было как-то связано с одним из препаратов с черного рынка, но «ЗоунФид» не удалось это подтвердить. О развитии событий будет сообщено дополнительно.

Сообщение стало вытекать из окна на стекле, и Джек с Мед посмотрели друг на друга. Ее пиратская версия «закьюити» появлялась повсюду, и результаты становились все хуже.

– Ты откуда? – внезапно прервала молчание Мед. Даже

неловкая болтовня о пустяках была лучше мыслей о распространяющейся катастрофе.

– Из городка к югу от Саскатуна под названием Лаки-Лейк.

– Я такого не знаю.

– Его никто не знает. – Джек пожала плечами. – Он как бы к северо-западу от Муз-Джо, если тебе знакомы эти места.

– Родители однажды возили меня в Муз-Джо.

У ботов родителей не было. Джек невольно бросила взгляд на Мед.

– Меня вырастили люди, специалисты по роботехнике из Университета Аляски. Я всегда была автономной.

Тризед проснулся и пополз вперед, чтобы присоединиться к разговору.

– Я думал, боты просто включаются, и всё. Зачем тебе нужно где-то расти?

У Мед был вид человека, который устал объяснять.

– Да, обычно роботов так и создают – особенно тех, которые нужны для определенной задачи. Так часто поступают производители, которые не рассчитывают, что их роботы доживут до автономии. Но многие инженеры-роботехники полагают, что успешным автономным роботам нужны родственные связи и период детства, когда они могут экспериментировать с идентичностью. Именно этим занимаются в лаборатории, в которой работают мои родители, и еще в нескольких исследовательских институтах.

– То есть ты фактически экспериментальная модель. – Тризед оценивающе посмотрел на нее.

– Таких, как я, уже много. Через двадцать лет ты перестаешь быть экспериментом и становишься моделью.

– О, тебе двадцать? – Мед кивнула, и Тризед ухмыльнулся. – Мне тоже.

Джек попыталась добавить к разговору что-нибудь – то, что не звучало бы по-дилетантски.

– Я читала про роботов, которых создавали автономными. Но я и не подозревала, что ты…

– Автономная, и на свободе? – рассмеялась Мед.

– Ага. – Джек засмеялась вместе с ней. – На самом деле роботехника – не моя специальность. Я больше по геномам.

– Я тоже, – ответил бот.

Дорога была гладкой; возможно, недавно ее снова покрыли пеноматериалом. В этих краях озера меняли очертания в зависимости от уровня осадков, поэтому местные города предпочитали дороги, которые быстро биоразлагались. А когда

озеро съедало дорогу, они просто напыляли новую вдоль его берегов.

Пока машина Джек проезжала мимо Ураниум-Сити, первые лучи солнца осветили очертания местного памятника шахтерам XX века. Их металлические тела высовывались из огромного рудника, контуры которого напоминали воронку метеорита. Километры неосвоенной тайги и озер протянулись перед ними. По земле волнами виляли дюны, чей темный песок перемололи ледники последнего ледникового периода. Они добрались до северной границы Саскачевана.

Постепенно сосны и березы уступили место полям с пшеницей и рожью. Бетонные цилиндры зерновых терминалов вдали напоминали ракеты, построенные в ряды и готовые к запуску.

Наблюдая за тем, как мимо проплывает озеро с деревьями по берегу, Джек показалось, что она уловила резкий запах переваренной травы. На холмах местных прерий были построены сотни органических ферм и кооперативов, которые кормили друг друга и экспортировали продукцию в города. Наверное, машина проехала мимо холма, за которым паслось стадо коров.

Именно такой ландшафт Джек вспоминала, чтобы убить боль, когда сидела в тюрьме.

Осень 2118 г.

Зона не смогла остановить десятки беспилотников, которые уносили ее препараты, но Джек и семь других «таблеток» были арестованы по обвинению в краже и порче имущества. Их прозвали «Восьмерка из Галифакса», и их арест в мельчайших подробностях освещали борцы за реформу патентной системы, но никто кроме них.

Затем из Федерации стали поступать истории о детях, которых спасли с помощью этих препаратов. Внезапно «Восьмерка» попала во все крупные новостные ленты, а Джек прозвали «Робин Гуд антипатентного движения».

Криш приходил на заседания суда в обычной разношерстной компании из сторонников реформ и ученых-радикалов. В суде они были лишены транслирующей техники и поэтому писали заметки в дурацких блокнотах, а в перерывах выбегали, чтобы загрузить информацию в сеть и опубликовать. Джек ощущала в себе праведный гнев – до тех пор, пока прокурор не стал настаивать на обвинении в преступном сговоре. Если «Восьмерку из Галифакса» признали виновными в сговоре, то они могли отправиться за решетку. И если учесть, что богатство Галифакса в

основном было связано с «фармой», то присяжные, возможно, собирались примерно наказать радикальных противников патентной системы, уничтожающих частную собственность.

Именно так они и были настроены. После очень короткого обсуждения присяжные признали группу виновной в сговоре с целью совершить кражу, а также в незаконном проникновении в чужие владения. Джек, как главарь, получила от судьи три месяца тюрьмы. Другим заговорщикам он дал по неделе каждому плюс компенсацию ущерба.

Суд запретил ей пользоваться сетью и письменными материалами, поэтому у Джек оказалось вдоволь времени, чтобы запомнить каждую трещину в краске рядом с ее койкой и чтобы следить за изгибами люминесцентных проводов на потолке снова и снова. У нее было время подумать о том, что произойдет или не произойдет дальше.

И у нее было время наблюдать за бурными эпизодами расщепления личности у ее сокамерницы Молли. Молли сидела за серию мелких потасовок, связанных с не поддающимся лечению маниакально-депрессивным синдромом. Когда она была в норме, то не давала Джек скучать, развлекая ее историями о бесконечной веренице сексуальных любовников в Квебеке, ставшем фоном для сексуальной мелодрамы. Но когда у Молли началась мания, она решила, что Джек – шпионка, которую нужно остановить любой ценой.

Шкаф с разными видами клея и решетка для выращивания тканей в тюремной больнице стали для Джек такими же знакомыми, как и контуры ее кровати. В конце концов Молли сломала Джек таз в двух местах, и она провела тихую неделю на койке, в одной палате с мужчиной, подключенным к аппарату ИВЛ.

Джек подозревала, что совет директоров тюрьмы, которую частично финансировал фармацевтический гигант «Смаксо», намеренно дал ей в сокамерницы Молли, чтобы та ее избивала. Но доказательств у Джек не было. Когда Криш навестил ее, она попросила Криша расследовать это происшествие, но он просто покачал головой, не глядя ей в глаза.

В конце концов Криш признался, что закрыл «Желчные таблетки». Он боялся, что сайт уже недостаточно анонимен и если его сохранить, то еще больше ученых погубит свою карьеру. Они выбрали неправильный путь, сказал он. Есть другие методы реформирования патентной системы, менее конфронтационные. Богатый фонд, связанный с борьбой за права человека, выделил ему огромный грант, который позволит создать качественную альтернативу дорогим патентованным препаратам, и Криш не

хотел потерять свою лабораторию сейчас, когда получил деньги и мог нанять еще больше сотрудников. Он даже оставит место для Джек – под намеренно скромным названием «младший научный сотрудник».

Сидя в комнате для свиданий, где в воздухе периодически поблескивали пылинки-наблюдатели, Джек не могла схватить Криша за плечи и прокричать ему о том, что она чувствует. Она молча встала и вернулась в больницу, хотя свидание заканчивалось только через час. Как он мог принять это решение без нее? Она не хотела быть всего лишь строкой в бюджете лаборатории Криша. Без «Желчных таблеток» у нее не было идентичности, не было сообщества товарищей. Джек улеглась на узкую больничную койку, свернулась в клубок и заплакала. Вытирая кулаками слезы, она поняла, что у нее нет будущего – по крайней мере такого, на которое она рассчитывала.

Во время последующих визитов она пыталась объяснить это Кришу, но ее способности к риторике притупили болеутоляющие «Смаксо». Он так много думал о том, как важен для него этот грант, что не мог понять, как важны для нее «Желчные таблетки».

И поэтому следующие два месяца она вспоминала запах Саскачевана летом, ощущения, возникающие посреди огромной прерии, когда вокруг тебя лишь растения, машины и сельскохозяйственные кооперативы. Именно в таком месте она впервые полюбила мысль о преобразовании жизни. Во сне – а иногда и наяву – она видела, как стены тюрьмы превращаются в крошечные желтые цветы рапса, и в уме пересчитывала все его свойства, которые наука довела до совершенства путем манипуляций с геномом.

Когда Джек вышла из тюрьмы, все следы ее переломов уже были стерты патентованными методами лечения, но она чувствовала себя еще более сломанной, чем раньше. Человек, которого она любила, ее сообщник, убил «Желчные таблетки» и ее карьеру. Все ее чувства по отношению к Кришу исказились под влиянием ярости, а на смену им пришли печаль и онемение. Все варианты действий казались нереальными или бессмысленными. Она стала работать в лаборатории Криша в Саскатуне, потому что это было лучше, чем голодать.

Криш, кажется, не понимал, что их отношения разрушены. Он встретил ее у ворот тюрьмы, и они сели на автобус, едущий в Квебек. Во время короткой поездки на автобусе, а потом во время долгой поездки на поезде до Саскатуна он держал ее за руку. Джек несколько раз отнимала руку, но в конце концов не смогла сопротивляться. Ее тело нуждалось в ласке, и она отчасти все еще любила его. Была зима, и поезд летел по восстановленным

путям XX века мимо зерновых элеваторов, на которых были написаны названия городов, мимо бледных полей, на которых были разбросаны побелевшие от снега рулоны сена. Джек приложила ладонь к двойному полимерному окну и попыталась почувствовать холод. Прозрачный материал был едва прохладным; его создали для защиты от температур таких низких, от которых руки почернели бы от отморожения всего за несколько минут. Она хотела уничтожить стекло и почувствовать, как умирают ее пальцы.

Пытаться возродить отношения с Кришем было нелепо. Это стало ясно после того, как он спокойно поведал Джек о своих планах на ее карьеру – начиная с ее работы ассистентом в его лаборатории.

– Если будешь публиковаться со мной и моими постдоками из «Свободной лаборатории», то через пять лет про «Желчные таблетки» никто и не вспомнит. – Они наконец были одни – в его квартире, ужинали, – и поэтому Криш, слава богу, перестал настойчиво хватать ее за руку. – Тебе просто нужно залечь на дно и постепенно подняться наверх. А потом ты уже сама сможешь подавать на гранты.

Он говорил этим теплым, рассудительным тоном, в который она влюбилась, а его глаза оставались такими же чарующими, как и раньше.

Но Криш не понимал, кто она теперь. Возможно, он уже давно ее не понимал. Она не хотела снова карабкаться по карьерной лестнице. Для нее существовал другой путь, и он вел не к профессорской должности в университете. Ее недавний опыт – избиения, цветы, распускающиеся на тюремных стенах, утраченная радость от написания текстов для знаменитого андеграундного сайта – сделал это еще более очевидным. Проблема заключалась в том, что Криш не мог и помыслить о жизни за пределами университета, а Джек надоело делиться своими чувствами с таким ограниченным человеком.

Она решила изложить Кришу сокращенную версию правды.

– Я пока не знаю, чем хочу заниматься.

– Тебе нужно заниматься генной инженерией. Смотри, как хорошо у тебя получается копировать препараты. Ты ведь это написала всего за одни выходные.

Когда он стал столь безмятежно слеп к ее желаниям?

– Не бойся, – выпалила она. – Я пойду в твою «Свободную лабораторию».

Этот ответ, похоже, удовлетворил Криша, и больше он о пятилетнем плане на будущее Джек не заговаривал.

10 июля 2144 г.

– Приехали? – Тризед посмотрел из окна на широкую реку, изгибавшуюся под мостом.

– Да.

Внезапный удар ностальгии заставил Джек на мгновение задохнуться. В центр Саскатуна, который обнимала река Саут-Саскачеван, вели четыре моста, построенные в XX веке. Солнце садилось, и небоскребы превращались в волнистые тени; их турбины вращались почти беззвучно. Когда машина проехала мимо полевых исследовательских станций и оранжерей университета, темнеющее небо уже приобрело цвет подгоревшего мяса.

Она уже более двадцати лет не была в «Свободной лаборатории». Более десяти с тех пор, как они с Кришем в последний раз обменялись холодными, бессмысленными сообщениями – «ты как? я в порядке». Они расстались, потом отдалились друг от друга, и Джек понятия не имела, как он отреагирует, когда увидит ее сейчас. Она следила за публикациями Криша в журналах со свободным доступом и знала, что его мечта сокрушить патентную систему ничуть не ослабла. Именно на это она рассчитывала. Кроме того, он в долгу перед ней за то, что закрыл «Желчные таблетки». Даже сейчас она злилась на него за то, что он так поступил.

Джек спрятала машину в студенческом гараже, чтобы ее не засекли спутники из космоса, и зарегистрировалась в сети парковок с помощью поддельного идентификатора. Университетский городок мало изменился, но с тех пор как Джек в последний раз была здесь, «Свободная лаборатория» обновилась. Теперь она занимала длинное, невысокое здание, которое раньше служило виварием, а в XXII веке получило тюнинг. А вот местная система безопасности застряла в другой эпохе: Джек обошла ее с помощью простого эмулятора радиочастотной идентификации.

Джек, Мед и Тризед оказались в помещении, которое представляло собой гибрид сарая с лабораторией. Огромная комната была заполнена столами, секвенаторами, принтерами, амплификаторами и десятками разноцветных пластиковых планшетов. Кто-то вывел на противоположной от двери стене слова «Свободная лаборатория» с помощью вирусов, которые съели всю краску до штукатурки, оставив после себя тонкую золотую корочку. Было уже поздно, и почти все ушли ужинать, но Джек услышала разговор двух людей за шумом принтера в одном из кабинетов рядом с общей комнатой. Один из них рассмеялся, и

Джек сразу узнала Криша. Внезапно ей стало не по себе. Странная будет встреча.

– Идите за мной, – сказала Джек Тризеду и Мед, надеясь, что ее голос прозвучал властно, и указала на кабинет.

Когда в кабинет Криша вошла Джек, он со смехом разговаривал с одной из своих студенток. В его волосах виднелась седина, а смуглая кожа потеряла достаточно коллагена, чтобы вокруг глаз и рта появились морщины. Но он все еще был очень похож на человека, с которым она познакомилась несколько десятилетий назад.

– Привет, Криш, – невозмутимо обратилась к нему Джек. – Пары минут не найдется? Обсудить методы лечения зависимостей?

Он уставился на нее – пирата в комбинезоне с короткими серебристо-черными волосами, с ножом за поясом, в компании беглого раба и робота-ученого. Его глаза расширились, но Джек была вынуждена признать, что он неплохо скрывает свой шок.

Студентка, похоже, почувствовала, что происходящее ее не касается, и быстро ретировалась. Джек не знала, с чего начать, поэтому сразу перешла к сути дела.

– Я знаю, мы давно не виделись, но тут возникла одна проблема со скопированным препаратом. И нам нужна твоя помощь.

Криш молча вышел из кабинета, сдвинул в сторону гудящий секвенатор на одном из лабораторных столов и жестом открыл в воздухе двумерный черный экран. В левом верхнем углу экрана замигал курсор. Наконец, Криш обратился к ним:

– Показывайте.

Джек и Мед наперебой рассказали о побочных эффектах «закьюити», дополнили картину наспех созданными симуляциями мозговой активности, которые парили в воздухе над проектором. Дымящуюся воронку, оставшуюся на месте отношений, лучше всего заполняет работа. Но Джек отвлекало присутствие Криша. У нее было столько ярких воспоминаний, связанных с ним, что было сложно не сравнивать этого человека, почти незнакомца, с тем, кто помог ей основать целое движение – и разрушил его, пока она сидела за решеткой.

Мед продолжала объяснять, не замечая, что происходит между Джек и Кришем.

– «Закьюити» создан как простой препарат для работы, верно? Ты легче сосредотачиваешься, когда работаешь, дольше не отвлекаешься. Но он стал таким популярным потому, что глубоко проникает в центр удовольствия и устраивает человеку мощный прилив дофамина, когда тот выполняет свою работу или

занимается чем-то еще. Мой пациент решил принять двойную дозу, чтобы веселее было красить дом.

Мед скривила губы, задумавшись о чем-то. Проектор включил трехмерный ролик о дофаминовых рецепторах, похожих на расцветающие тюльпаны. У краев их лепестков поблескивали частицы.

– Теперь, как видите, препарат стимулирует его дофаминовые рецепторы. Вот вам и взрыв удовольствия. Но смотрите, препарат делает кое-что еще. – Тюльпаны начали увядать и сморщиваться. Вскоре на экране осталась лишь половина рецепторов. – «Закьюити» уменьшает число дофаминовых рецепторов у нейронов среднего мозга и префронтальной коры. И это ключевой момент. Данный эффект влияет на принятие решений и делает мозг уязвимым перед зависимостью. Чем больше рецепторов теряет мозг, тем больше он зависит от того, что делал под препаратом – в данном случае красил. Пациент несколько лет будет избавляться от этой зависимости, если вообще выживет. «Закьюити» фактически переписал нейрологическую историю его мозга. Теперь у него есть мощная, долгосрочная зависимость, и больше всего на свете ему хочется ее подпитывать.

– Это хорошая новость для корпораций, которые покупают лицензии у «Закси», – подключилась к разговору Джек, – ведь теперь у них появится куча людей, которые одержимы идеей работы и выполнения проектов. Но вот в чем дело: корпорации внимательно регулируют дозы и сразу видят, когда у человека начинается негативная реакция. Но что делать с обычными людьми, которые просто хотят немного покрасить или поучиться? Это мои клиенты. Они принимают «закьюити» без какого-то контроля со стороны.

Джек открыла историю «ЗоунФид» о железнодорожном диспетчере.

– Конечно, это опасно. Некоторые из тех, кто принимает препарат самостоятельно, фактически превращаются в маньяков. Они отказываются делать все то, что не связано с дофаминовой наградой. Они не едят, не спят, не пьют воду. Они погибают не от самого «закьюити», а от побочных эффектов – обезвоживания, травм и отказа органов. Конечно, людям также приходится принимать все больше «закьюити», чтобы добиться эйфории, и от этого все становится еще хуже.

Мед посмотрела куда-то в даль, и новостная заметка исчезла. Проектор заменил ее на трехмерный молекулярный путь – схему, которая показывала, как препарат запускает изменения в молекулах нейронов жертвы.

Криш сосредоточился на рисунке Мед.

– Но чем это отличается от обычной зависимости? С точки зрения нейрологии это типичный процесс, похожий на пристрастие к азартным играм или даже трудоголизм.

– Отличие в том, что «закьюити» меняет анатомию мозга, делая его уязвимым для зависимости еще до того, как вы получаете кайф, – ответил бот. – Обычно такая потеря дофаминовых рецепторов происходит за месяцы или годы. Но пристрастие к «закьюити» возникает мгновенно. В краткосрочной перспективе вы получаете невероятное удовольствие от работы. Но в долгосрочной – химия вашего мозга меняется навсегда. Все, что вы хотите, – это вернуться к работе. Особенно если при этом вы можете принять еще «закьюити».

На лице Криша появилось виноватое выражение, которое Джек раньше не видела.

– Этот… пиратский «закьюити»… сделала ты?

– Да, я создала его аналог. Но не я сделала препарат вызывающим привыкание. И ни в одном из испытаний не было показано, что одним из побочных эффектов является долговременный ущерб здоровью.

– Ни в одном из опубликованных испытаний, – поправила Мед.

– Точно. Криш, люди должны знать, что «Закси» продвигает препарат, вызывающий привыкание. Ты можешь опубликовать анализ, используя привилегии, которые закон о патентах предоставляет исследователям. Кроме того, нам понадобится метод лечения. Вот почему мы пришли в «Свободную лабораторию».

Джек наконец посмотрела прямо в глаза Криша. Он больше не выглядел виноватым. Наоборот, его лицо приобрело какое-то суровое выражение – его, наверное, Криш приобрел за те годы, что она его не видела. Он бесцельно барабанил пальцами по столу; эта привычка была ей знакома – она означала, что он обдумывает ее просьбу. До этой минуты Джек и не понимала, как мала была вероятность того, что ее план сработает. Прежний Криш никогда бы так не поступил. Но сейчас перед ней был совсем другой человек.

– Сколько времени вам понадобится?

Мед выпрямилась, и проектор выключился.

– Пара дней.

– Можете пользоваться нашим оборудованием. Если мне удастся заинтересовать этим других сотрудников лаборатории, тогда у вас будет группа побольше. Публикуйте результаты, когда будете готовы, а создание прототипа возьмем на себя. – Криш помолчал, все еще барабаня пальцами. – Прессой тоже займемся

мы.

Джек облегченно выдохнула. Может, эти ублюдки из «Закси» и убьют ее, но прежде она как следует укусит их за задницу. Тризед, сидевший напротив них, сложил свой мобильник и встал.

– Не позволите ли взглянуть на некоторые из ваших машин? – сказал он, снова выбрав идеальные манеры школьника из Азиатского Союза.

Тризед указал на две камеры с контролируемой атмосферой, похожие на пластиковые пузыри на металлических тележках. Небольшая разница в уровнях давления раздувала резиновые перчатки, которые исследователи надевали, чтобы работать в этих герметичных камерах. Из-за этого казалось, что машины покрыты руками, которые к кому-то тянутся.

Криш, похоже, немного подивился такой церемонности.

– Конечно… валяйте. – Он пожал плечами и снова повернулся к Джек: – Тебе есть где остановиться? Тут есть лофт, люди иногда там ночуют. В нем даже душ есть.

– Спасибо, Криш. – Джек коснулась его руки.

– Тебя кто-то преследует?

– Пока что они меня не поймали. Но да – я помогу Мед с ее проектом, а потом ненадолго уйду на дно.

– Ты совсем не изменилась. – В голосе Криша слышалась то ли горечь, то ли восхищение.

Джек захотела ответить ему, что в ее жизни изменилось все. Сказать, что у нее нет крутой лаборатории, грантов и пожизненной должности в университете, потому что всю жизнь она занималась реальными делами. Но она подавила в себе сарказм и подумала о том, как мог измениться Криш. Положив руку на рукоять ножа, Джек посмотрела наверх, на провода под высоким потолком «Свободной лаборатории». Они создавали тот же типичный полосатый узор, похожий на тот, что много лет назад навсегда впечатался в ее память. Узор на потолке тюремной камеры.

10: Антропоморфизаторы

10 июля 2144 г.

Паладин никогда не приближался к лагерю «Тунис», обладая всеми правами доступа агента. Он открыл карту и обнаружил маршрут до небольшой взлетной площадки – она находилась рядом с флюоресцирующим входом в комплекс под дюнами. Робот-«паук», покрытый различными инструментами, приветствовал его.

Здравствуй. Давай создадим защищенный сеанс связи с помощью протокола ГП.

Паладин ответил, что может использовать новейший протокол ГП – версию 7.7.

Так и сделаем. Меня зовут Блейзер. Вот мои идентификационные сведения. Начинаю передачу данных. Пожалуйста, оставь свой транспорт здесь. Можешь заходить внутрь. Конец передачи данных.

К Элиашу Блейзер обратился со стандартным голосовым приветствием: «Добро пожаловать в лагерь «Тунис».

Паладин, уже подключившийся к местной сети, начал сохранять зашифрованные данные в папку, выделенную для его задания. Пока грузились карты с геометками, возможными маршрутами бегства Джек из Инувика и вероятностями выбора каждого из маршрутов, на связь с Паладином вышел Клык.

Привет, Паладин. Помнишь наш сеанс засекреченной связи? Продолжим им пользоваться. Это Клык. Начинаю передачу данных. Приходи в точку с указанными координатами для доклада. Приводи Элиаша. Здесь представитель МКС, и он не очень счастлив. Хочет знать, почему вы едва не сожгли важный для Икалуита источник энергии. Конец передачи данных.

Паладин ответил, что данные Клыка получил.

Придерживая искалеченную правую руку левой, Паладин повел Элиаша в прохладный тоннель. Вход в него был отмечен на его карте в виде прямоугольника из бессмысленных символов – зашифрованных для всех, кроме роботов с нужным ключом. Они прибыли на место задолго до того, как началось шифрование. По дороге к комнате для совещаний они прошли мимо ледяной серверной и нескольких радиомаяков.

Клык был там вместе с представителем МКС, с которым они познакомились перед поездкой на остров Баффина. С ним были еще два человека – один, в отглаженном костюме работника корпорации, и второй, которого, похоже, Элиаш знал. Паладин

пришел к такому выводу, когда заметил вспышку электрических импульсов в участке мозга Элиаша, отвечавшего за распознавание лиц. Бот тяжело опустился в кресло и положил свою практически отваливавшуюся руку на стол. Элиаш холодно кивнул знакомому человеку.

– Здравствуйте, солдаты, – сказал представитель МКС. – Это сенатор Холдеман, мой коллега по МКС. Полагаю, вы знакомы? – К Паладину вопрос не относился, а Элиаш снова молча кивнул. – А это доктор Эрнандес, вице-президент «Закси» по связям с общественностью.

Клык передал сообщение Паладину: «Ты поистрепался».

Паладину отчаянно хотелось поговорить с кем-нибудь о том, через что он прошел, но он ответил сухо: «Ущерб отчасти сознательный, а отчасти неизбежный».

– Элиаш, насколько я понимаю, ты едва не вывел из строя электросеть Икалуита, работающую на солнечных батареях, – сказал сенатор с акцентом, выдававшим богатого и образованного человека из Зоны Свободной Торговли. – К счастью, опасность удалось быстро локализовать, и она не привела к порче международной собственности. Но мне будет сложно держать в тайне нашу маленькую проблему с похитителями препаратов, если вы продолжите взрывать солнечные фермы. – Он сделал паузу, и Паладин заметил, что сенатор получает небольшой поток пакетов данных. Он перенаправлял его из нейронного центра в устройство, встроенное в правую роговицу, и пытался незаметно на него взглянуть. – Мы, конечно, всегда рады помочь крупной компании бороться с преступниками. – Сенатор кивнул вице-президенту «Закси», и тот вежливо улыбнулся. – Пиратство подрывает свободную торговлю и наказывает самых продуктивных членов нашего общества. – Закончив свою речь, сенатор снова посмотрел на поток новостей в своей роговице.

Элиаш стабилизировал свой пульс, а затем спокойно обвел взглядом сенатора, представителя МКС и молчаливого вице-президента «Закси».

– На острове Баффина нас едва не убили террористы – противники патентов. Вам повезло, что мы вообще доставили данные. Мы сократили область поисков до Касабланки, и я гарантирую, что мы найдем убежище Джек меньше чем за неделю. Как только мы это выясним, бороться с преступниками станет просто.

Представитель МКС скорчил гримасу и замахал рукой, словно отгоняя мух.

– Сведите ущерб к минимуму. Не создавайте проблем, которые не можете устранить сами.

Пока сенатор читал новые данные в своем имплантированном устройстве, его давление подскочило.

– Раньше Элиаш добивался великолепных результатов. Я полностью в нем уверен.

Клык снова отправил Паладину данные:

Похоже, у сенатора есть более важные проблемы. Представители Бразильских Штатов угрожают ввести эмбарго на биотопливо из Зоны. Я предсказываю, что эта встреча сейчас закончится, а у тебя будет менее 24 часов на восстановление, прежде чем вы рванете в Касабланку. Элиаш действует быстро.

Откуда ты знаешь?

Я читаю сообщения сенатора. И я уже работал с Элиашем.

Встреча действительно завершилась довольно быстро, после того как сенатор расплывчато выразил свое одобрение. Вице-президент продолжал молчать, а у представителя МКС нервно бегал взгляд, пока Элиаш пожимал руки всем троим. На Паладина они не обращали внимания, а когда сенатор и вице-президент поспешно вышли, представитель МКС отвел Клыка в сторону на пару слов. Паладин и Элиаш остались за столом одни.

– Теперь мы сможем тебя подлатать, приятель, – сказал Элиаш, коснувшись оторванной руки Паладина. – Попробуем выйти в течение суток, лады?

– Пойду искать моего робоадмина. – Паладин уже нашел Ли в одной из лабораторий на нижнем этаже и обменялся с ним сообщениями. Ли будет доступен в течение двух следующих часов.

– Мне стоит пойти с тобой.

– Элиаш, я пойду с ним. – Когда представитель МКС ушел, Клык присоединился к их разговору. – Может, поспишь? Тебе это будет полезно.

Элиаш остался сидеть за столом и уткнулся в свой мобильник. Два робота вышли из комнаты, а затем исчезли в лабиринте коридоров лагеря «Тунис», освещенных многочисленными маломощными светодиодными лампами.

Паладин повернул свой основной блок датчиков в сторону робота. Клык походил на двухметрового богомола. Его туловище, установленное на шести ногах со множеством шарниров, представляло собой блок из схем и двигателей. Он поддерживал две огромные руки, которые могли стрелять ракетами, заниматься строительными работами и проводить ремонт машин на наноуровне. Прямо сейчас руки были сложены пополам и висели по бокам от тела. Клык посмотрел на Паладина десятками сенсоров, установленных на двух толстых, извилистых, сегментированных антеннах в верхней части корпуса. По

сравнению с Клыком огромный двуногий Паладин выглядел почти как человек.

Я читал твой отчет. Пока что ваши результаты впечатляют. Первая тайная операция всегда проходит нелегко.

Ну да, мне удалось снова лишиться руки.:)

В ответ Клык отправил тот же печально улыбающийся смайлик. Паладину было приятно пообщаться, не испытывая необходимости в каких-либо уловках. Ему захотелось узнать, что Клык думает об использовании Элиашем термина «пидор».

Меня беспокоит сбор данных о людях. Я умею отвечать на разные виды человеческого поведения, но у меня почти нет информации о том, как реагировать на сексуальное возбуждение.

: Р:)

Я не шучу. Ты занимался сексом с Элиашем, когда работал вместе с ним?

Нет. А ты?

Я не уверен.

Паладин импульсивно отправил Клыку архив с видеофайлами и данными о сигналах тела Элиаша, которые он собрал в тот день на полигоне. К ним он приложил все увеличивающуюся классификацию вариантов употребления слова «пидор».

Клык разархивировал данные и несколько секунд не подавал никаких сигналов. Когда боты повернули за угол и подошли к лаборатории Ли, Клык ответил: «Кажется, я понимаю».

Ли махнул им из-за своего стола.

– Паладин, может, встретимся позже? – спросил Клык в голосовом диапазоне – из вежливости к человеку.

Выходя из лаборатории, он отправил невероятно длинное число, которое позволило Паладину расшифровать точку на своей внутренней карте. Теперь в ней под лагерем «Тунис» располагался огромный склад в форме расплющенного пузыря. До этой секунды Паладин даже не подозревал о его существовании.

– Как дела, Паладин? Черт, да ты хреново выглядишь. – С этими словами Ли радостно повернулся к своему набору нейропаяльников.

Паладин вдруг понял, что во время их прошлой встречи он знал о своем разуме меньше, чем Ли. А теперь он знал гораздо больше, и Ли мог легко это обнаружить. Пока он не получит автономность, его воспоминания будут храниться в «облаке» Федерации, и у нее будет ключ к ним. С помощью этого ключа Ли и остальные робоадмины смогут изучить все его знания и мысли – и изменить их.

Паладина это не беспокоило. Он доверял Ли так же, как и Элиашу – и по той же самой причине. Чувство доверия создавали программы, которые находились в недоступной для него части разума. Паладин был пользователем своего сознания, но не обладал привилегиями владельцев, и поэтому испытывал самые разные чувства, сам не зная почему.

Выдержав два часа паяльных работ, Паладин вышел из лифта рядом с тайной комнатой, залитой ультрафиолетом. Было очевидно, что она не предназначалась для людей. В ней собрались роботы из самых разных лагерей Федерации. Легкие «пауки», «хамелеоны» и изящные беспилотники собрались на высоком потолке – а на полу хватало места даже самым крупным танкам. Повсюду виднелись зарядные площадки. Паладин попытался найти Клыка в сети базы, но вместо нее обнаружил только нечто под названием «RECnet». Они находились в экранированной камере, которая блокировала все входящие и исходящие сигналы. Пылинок в воздухе не было. Единственным сервером здесь был RECnet.

Но это был хороший сервер, и он предложил Паладину подробную карту, на которой было отмечено местоположение каждого робота, а также меню из программ с открытым кодом и приложений с абонентской платой.

Если честно, то из меню никто ничего не покупает, – передал Клык из угла, где пол встречался с потолком, образуя рельефную, параболическую кривую. Все, что нужно, есть среди бесплатных программ.

Паладин опустился на раздолбанную скамью рядом с Клыком, который сидел на своих шести приводных механизмах.

Неплохо тебе прокачали руку.

Ага, теперь там есть даже драйвера пьезосистемы. А еще Ли повысил разрешение моих нейрохимических датчиков.

Паладин провел улучшенной рукой по грубой поверхности стены, считывая ее молекулярный состав и фиксируя малейшие трещинки. Он отправил фрагмент этого потока данных Клыку, и тот рассмеялся. Ли быстро согласился провести улучшения, но Паладину пришлось потратить несколько минут, убеждая его в необходимости сохранить вмятины и царапины на корпусе. Если они собираются в Касабланку, то ему совсем ни к чему выглядеть как новый боевой робот.

Ты прав – мы действительно выезжаем в Касабланку через 22 часа.

Паладин собирался послать еще немного данных, но Клык прервал его.

Я думал о твоем опыте общения с Элиашем. – Антенны Клыка

медленно, лениво обвели комнату, подчиняясь стандартному алгоритму поиска уязвимых мест в системе безопасности. – Кажется, он тебя антропоморфизирует.

Что это значит? Обращается со мной как с человеком?

И да, и нет. Он мог бы обращаться с тобой как с человеком, выбрать для твоего выживания тот же уровень приоритета, что и для человека. Я был на заданиях с Элиашем и знаю, что он отдал бы за меня жизнь. Он хороший солдат. Но антропоморфирование – это другое. Это когда человек ведет себя так, словно у тебя человеческая физиология с теми же самыми химическими механизмами и эмоциональными сигналами. В лучшем случае это может привести к недопониманию, а в худшем – к смерти.

Но ведь у нас действительно есть химические механизмы и эмоциональные сигналы. Я могу улыбаться.:) Я могу анализировать и передавать молекулы лучше, чем человек.

Верно. Но иногда люди передают физиохимические сигналы ненамеренно. Он может и не понимать, что хочет заниматься с тобой сексом.

Паладин на секунду разорвал соединение и настроился на успокаивающий гул карты RECnet, картинка которой просчитывалась в реальном времени. Сотни роботов пересекали комнату во всех направлениях, летели по воздуху, катились, шагали или отупело кренились, обрушив систему с помощью отменных «червей», скачанных из меню бесплатных программ. Он понимал, к чему клонит Клык – ведь он сам, в конце концов, провел свои собственные эксперименты, которые были рассчитаны на самообман Элиаша. Но на каком-то базовом уровне он не мог поверить в то, что Элиаш антропоморфизировал его. Тут было что-то еще. Он жалел о том, что не может связаться с сетью базы и снова проверить, не пришел ли ответ из «Кагу роботикс» относительно его мозга. Может, если он узнает больше о своей единственной человеческой части, то разберется в своих взаимодействиях с Элиашем.

Наконец, он снова открыл сеанс защищенной связи с Клыком.

Думаю, он хочет секса.

Откуда ты знаешь?

Потому что я спросил его об этом, и он сказал, что он не пидор. Он классифицировал наши действия термином, носящим сексуальную окраску.

Нет. Применение этого слова – очевидный пример антропоморфизации. Роботы не могут быть пидорами. *У нас нет пола, и поэтому мы не можем испытывать влечения к существам того же пола, что и мы. Да, конечно, я позволяю людям называть меня «он», потому что иначе они запутаются. Но это*

бессмысленно. Люди просто проецируют свои собственные биологические категории на мое тело. Элиаш говорит «пидор» потому, что он считает тебя мужчиной, таким же как человек. Он не понимает, кто ты на самом деле.

Паладин не смог придумать ответ, который хотел бы передать. Но после нескольких часов, проведенных в открытой сети, у него появилось несколько моделей, которые позволяли ему предсказать, какого поведения люди могут ждать от робота-пидора.

Может, для биороботов это по-другому.

Ерунда. Твой мозг – не более чем устройство для распознавания лиц. Ты можешь действовать почти так же эффективно, даже если он отключится. Он указывает на твою гендерную идентичность не больше, чем наличие у тебя рук свидетельствует о твоей тайной принадлежности к кальмарам.

Паладин почувствовал, что снова находится в противоречивом состоянии: он знал, что Клык прав, но не мог почувствовать этого.

Клык отправил ему новые данные:

Раньше я сражался вместе с роботами твоей модели, и враги всегда сначала выводят из строя мозг. Почему, ты думаешь, «Кагу» так много говорит о том, где он расположен? Это словно камуфляж. Атакующие тратят боеприпасы на бесполезную цель.

У Паладина был файл, помеченный первыми минутами его жизни. В нем он сохранил видеоролик, в котором роботы-сборщики завода «Кагу» рассказывают ему о его физических способностях. Они использовали те же самые слова – «словно камуфляж».

Разговор с Клыком не уменьшил, а разжег в Паладине желание добыть новые данные, и он вышел из сеанса связи.

Чем больше он анализировал то, что произошло с Элиашем на стрельбище, тем более запутанной казалась ситуация. У Паладина накопилось несколько дней воспоминаний, петабайты данных об Элиаше. В отличие от большинства людей Элиаш не обращался с Паладином как с вещью, как с инструментом, который нужно применить. Он рассказывал роботу такие вещи, какими с ним не делилось ни одно существо. И Элиаш показал, что желает Паладина, когда тот в наименьшей степени был похож на человека, когда его тело превратилось в оружие. Как это могло быть антропоморфированием?

Но если Паладин разбирал ситуацию с помощью логики Клыка, ему было сложно отрицать, что возможны и другие объяснения. Он в семьсот шестнадцатый раз открыл воспоминание о том, как Элиаш сказал: «Я не пидор». «Пидор» –

это слово, которое важно только для людей. Возможно, на самом деле Элиаш похож на спринклерную систему «Аркаты». Возможно, он принимает Паладина за того, кем он не является.

Наконец, Паладин оценил вероятность того, что его собственные чувства также являются иллюзией. Каждый кабальный робот знал о существовании работающих в его разуме программ, к которым у него нет доступа, которые он не мог контролировать – и эти программы были созданы для того, чтобы обеспечивать преданность. Но они ли заставляют его так беспокоиться о небольших физиологических изменениях в теле Элиаша? Прекратится ли этот постоянный поиск и сбор данных об Элиаше, когда робот получит автономность?

Клык снова обратился к Паладину: «Помнишь наш сеанс засекреченной связи? Продолжим им пользоваться».

Но Паладин больше не хотел разговаривать с Клыком. Он импульсивно открыл меню программ с открытым кодом в RECnet и скачал «червя», упакованного в симулятор боевых действий. Прилагавшийся к нему текстовый файл объяснял, что в разгар боя ошибка доступа к памяти обрушит его систему. Программа также услужливо запишет всю последовательность событий в файл журнала, чтобы он мог сохранить и воспроизвести наполовину уничтоженное воспоминание о своих ощущениях.

Паладин обнаружил, что стреляет во вражеский танк. Рядом с ним находился раненый человек. По мере того как разворачивался игровой код, Паладин понял, что у него только одна цель – уничтожить танк и доставить человека в безопасное место. Он решил привязать человека к спине и продолжил вести огонь. Когда разрушенные молекулярные связи врага закипели, когда Паладин уже был близок к тому, чтобы выполнить задание, начался вредоносный кусок программы. Тело робота содрогнулось; ложные, противоречивые команды вывели из строя его рефлексы. Паладина накрыла волна экстатического бреда, и на этом файл закончил свою работу.

На следующее утро Паладин так и не получил ответа от «Кагу» насчет своего мозга. Они с Элиашем взлетели в обжигающую синеву неба; легкий реактивный самолет-невидимка понес их над песком. Они приземлились в пригороде Касабланки под названием Калифорния и добрались до города на попутной машине. Их база располагалась в дешевом хостеле рядом с «Парком биотехнологий», на окраине медины, у причалов.

«Парк биотехнологий» был инкубатором корпораций, а также настоящим городом внутри города. Его комплекс, знаменитый на весь Магриб, походил на огромную стену зеркального стекла. Он стоял у воды, рядом со столь же огромной мечетью Хасана II,

лазеры которой, установленные на крыше, во время молитв указывали в сторону Мекки. В «Парке» сотни стартапов яростно накапливали исследователей и инвестиции – каждая компания пыталась стать новой «Закси». Когда древние усилители передавали призыв на молитву, сеть пылинок подхватывала и ретранслировала его. Горстки инженеров выходили из зданий и собирались на бледно-оранжевых камнях огромной площади перед мечетью, чтобы помолиться и сфотографировать других молящихся.

«Парк биотехнологий» изменил ландшафт на многие мили вдоль побережья, создавая маленькие, но тоже сверкающие версии самого себя, предназначенные для жилья генных инженеров и их семей. Огромные щиты рекламировали дорогие кондоминиумумы, предлагали отдельные причалы для личных яхт. Культура «Парка» распространялась повсюду, переливалась через стены старого города, заполняя древние улицы магазинами биотехнологий, игр и бутиками с модной европейской одеждой. Недавно переехавшие инженеры, словно сбитые с толку туристы, бродили по рынкам пряностей медины, мимо палаток, где рядом с настоящей бараниной продавались вдвое дешевле выращенные на сетке ткани свиньи, завернутые в биоразлагаемый пластик.

Хотя «Парк биотехнологий» и занимал главенствующее место в панораме города, он не создавал никакого порядка, а просто усиливал хаос, возникавший летом в Касабланке.

Паладин и Элиаш решили сыграть почти те же роли, что и в Икалуите: невезучий инженер и его робот. Они бродили по кафе старого города, спрашивая у всех подряд, нет ли у кого-нибудь на примете хорошей работы по контракту в «Парке». Элиаш почему-то точно знал, какие кафе битком набиты инженерами, которые зашли выпить стакан чая в промежутках между многочасовой амплификацией, моделированием транскриптом и секвенированием.

– Именно в кафе рождаются такие проекты, как Freeculture, – начал Элиаш объяснять свою стратегию Паладину, бросая рюкзак на койку в комнате хостела. На улице дневные молитвы смешивались с гулом машин и голосами двух мужчин, перекрикивающихся на смеси дарижи и русского. – Ты целый день работаешь на компанию, которой на тебя плевать, но вы с приятелями все равно хотите изменить мир. Поэтому ты пьешь с ними чай и жалуешься им на жизнь. А потом начинаешь проект, даешь ему название, рассказываешь о нем людям. И внезапно оказывается, что у тебя на руках либо новый суперпрепарат, либо проект очередной кражи патента.

Элиаш проверил свою систему периметра, проводя руками

над головой и грудью, словно торжественно благословляя себя. Паладин осмотрелся: белые стены, покрытые краской, которая отталкивала пыль и запечатывала трещины в самой себе; прямоугольная кровать, мягкое кресло из пеноматериала, ручки которого были покрыты тускло поблескивающими зарядными полосками. На одной из них кто-то забыл дешевый мобильник – бактерии уже начали превращать его в комок серой целлюлозы. Здесь хватало пространства для того, чтобы Паладин мог удобно встать, но он предполагал, что подолгу ему тут стоять не придется. Он коснулся кровати своей новой рукой; крошечные чешуйки кожи напомнили ему обо всех людях, которые жили здесь раньше.

– Приятель, в этой операции у тебя будет роль со словами, – сказал Элиаш, глядя в лицо Паладина. – Ты – мой кабальный лаборант. Я хочу, чтобы ты тоже занялся агентурной разведкой. – Он резко сел на кровать и бросил рюкзак туда, где могла быть подушка. – Рабочий день в «Парке биотехнологий» закончится часа через два. Я пока немного посплю. А ты будь начеку. – Человек повернулся лицом к стене и согнул колени, практически приняв «позу эмбриона», знакомую каждому солдату, который когда-либо спал в условиях ограниченного пространства.

Паладин встал в центре комнаты и перевел свои датчики в стандартный режим боевой готовности. Это действие было одним из его самых укорененных инстинктов, и он даже не мог подумать о том, чтобы сопротивляться ему, если его просят быть начеку. Это казалось ему абсолютно естественным. Но режим боевой готовности не помешал ему снова открыть файл с воспоминаниями о съеденном «черве».

Он хотел просмотреть его сейчас, пока беззащитный Элиаш лежал рядом с ним. Просмотр падения собственной системы заставил робота слегка раскачиваться от удовольствия, но не вывел его из строя так, как это сделал «червь». И все же он не мог позволить себе воспроизвести файл еще раз. Слишком опасно.

Паладин закрыл файл и сосредоточил все внимание на наблюдении за комнатой, заполняя датчики гулом, который издавала кровь Элиаша; температурой воздуха, молекулами, проходящими через его спектрометры. Характеристики электрических импульсов, исходящих от нервной системы Элиаша, указывали на то, что он почти мгновенно погрузился в глубокий сон. Робот понаблюдал за дыханием Элиаша и задумался о том, как изменилась бы его жизнь, если бы он каждый день на несколько часов терял сознание.

11: Свободная лаборатория

11 июля 2144 г.

– Этот бот – злобный ублюдок, – сердито шепнул Криш.

– Только такой и мог ликвидировать Синюю Бороду и ее команду.

Джек и Криш сидели за старым столом из термопластика на кухне «Свободной лаборатории». Кофемашина, созданная из переделанного лабораторного оборудования, медленно выплевывала темную ароматную жидкость.

Они онемело смотрели на экран ленты новостей, располагавшийся на поверхности стола. В новостях рассказывалось об уничтожении солнечной фермы «Арката». Представители правительства объясняли, что она служила прикрытием для действовавшей на острове Баффина банды пиратов, изготовлявших поддельные лекарства. После нападения сохранилось очень мало данных, но в коротком ролике – в который вошли записи камер видеонаблюдения – было показано, как огромный бот-андроид с щитами-крыльями расплющивает череп вооруженного охранника. Вещественные доказательства свидетельствовали о том, что этот робот убил всех и угнал вертолет. Службы новостей, в зависимости от своей политической ориентации, называли это нападение либо заговором МКС, либо терактом.

– Я видела Синюю Бороду всего несколько месяцев назад, – сказала Джек, делая все, чтобы ее голос не дрожал. Она налила кофе в мерный стакан. – Я должна была привезти ей часть «закьюити».

– Джек, это плохо, очень плохо. Если на тебя идет охота, то тебе грозит серьезная опасность. Тебе нужно убраться отсюда ко всем чертям. А метод лечения разработаем мы с Мед.

– Нет. Вам нужна моя помощь. Это займет всего пару дней.

– Возможно, робот едет сюда прямо сейчас.

– Не может быть. В плане безопасности у Синей Бороды было все схвачено. Даже если он захватил ее серверы, на расшифровку данных у него уйдут сотни лет.

– А ты не думаешь, что они придут ко мне? В эту лабораторию? Несложно предсказать, что ты можешь явиться сюда.

Джек почувствовала укол раздражения. Неужели Криш в самом деле думает, что она не умеет прятаться?

– В публичных сетях мы не связаны уже не менее двадцати

пяти лет. А сюда мой след не приведет. Я приняла меры предосторожности.

Она похлопала по своему ножу, который автоматически направлял все ее входящие и исходящие данные через анонимную сеть, которая протянулась по всей Земле и, по крайней мере, через два исследовательских комплекса на Луне.

Криш посмотрел на нее с сомнением. Ей захотелось схватить его за эластичный пиджак из искусственной шерсти и заорать, что она знает, что делает. Неужели он не понимает, что этот проект для нее важнее всего на свете? Нет. Он не знает, что такое плата за риск.

– Слушай… Люди отравились моим препаратом. Я должна это исправить.

Криш взглянул на руки Джек, лежавшие на столе. В новостях настало время рекламной паузы, и через руки Джек прошла голограмма – логотип «Закси» – человекоподобная буква «Z». Буква танцевала с женщиной, которая освободилась от сексуальной дисфории благодаря новому препарату под названием «Истома». На лице Криша появилось безжалостное выражение, которое Джек ни разу не видела, когда они были любовниками.

– Ну, тогда за работу.

Когда Криш и Джек вышли из кухни, Мед рассказывала о проекте женщине, чьи черные волосы росли пушистыми островками вокруг лиловых лиан, укорененных в коже ее головы. Они обсуждали, как интегрировать в новую терапию уже существующие методы борьбы с зависимостью. На утреннюю лабораторную работу пришли студенты, и некоторые из них подошли познакомиться с новым исследователем, чье полночное прибытие уже дало пищу для слухов.

Джек, наблюдавшая за ними, была вынуждена признать, что «Свободная лаборатория» действительно напоминала идеальную исследовательскую организацию, о которой они с Кришем мечтали во времена «Желчных таблеток». Все, что они производили, было не запатентовано. Все свои формулы и статьи они выкладывали в открытый доступ. Почти каждый, даже не студент, мог пользоваться оборудованием лаборатории, если у него была интересная идея.

Конечно, здесь никто не занимался пиратством – по крайней мере, официально, – хотя иногда это был лучший способ спасения людей. Кроме того, их работа рано или поздно становилась частью интеллектуальной собственности крупных обладателей патентов. А такие компании, как «Закси» и «Фрессер», постоянно вербовали здесь талантливых ученых.

И все же лаборатория была достаточно свободной, чтобы укрывать пирата, которого Международная коалиция собственников с радостью убила бы. А это кое-что да значило.

Весна 2119 г.

На начальных этапах «Свободная лаборатория» располагалась глубоко под землей, в пыльной, похожей на пещеру комнате, на дверях которой сто лет назад кто-то вывел по трафарету: «КОМПЬЮТЕРНЫЙ ЦЕНТР». Ее заново подключили к сети, проложили в ней трубы и отделали ее гипсокартоном на деньги из гранта Криша. Однако ремонт шел медленно, так что там оставались десятки недостроенных кабинетов и комнат, в которых можно было исчезнуть.

Однажды вечером, после особенно отупляющей серии тестов Джек напечатала на 3D-принтере тонкий футон, затащила его по лестнице наверх, в недостроенный лофт над холодильниками с библиотеками для секвенирования и заснула за какими-то старыми коробками из-под оборудования. Здесь шум, доносившийся из лаборатории, был приглушен, и в воздухе висел уютный, травянистый запах упаковочной пены. В ту ночь она впервые после ареста как следует выспалась – и после этого в дом Криша уже не вернулась. Все в лаборатории знали, что она живет в лофте, но это не считалось чем-то из ряда вон выходящим для ученых, которые увлечены работой.

На несколько месяцев коробки стали ее спальней, а двумерные фильмы – ее вечерним развлечением. Криш ее не трогал; его поглотила новая роль менеджера хорошо финансируемой лаборатории, а Джек – морозная, хрупкая тишина саскачеванской зимы. Джек поняла, что простота работы была для нее своего рода ГАМК[8] -регулятором: она уменьшала ее перепады настроения, пока Джек решала, что, черт побери, будет дальше.

Весна превращала прерии во взъерошенные зерновые поля, когда Джек встретила Лайлу Аль-Ажу. Лайла была лучшим постдоком Криша, и на ее наполовину выбритой голове красовалась забагованная татуировка. Она должна была меняться, принимая облик хорошо знакомых цветов – но ее программа «падала» каждый раз, когда татуировка превращалась в темно-оранжевый мак. Статичное изображение на смуглой коже придавало Лайле привлекательно рассеянный облик.

Было два часа ночи, и строка программного кода расплывалась перед глазами Джек, когда ее легонько толкнула Лайла.

– Можно я у тебя переночую? – застенчиво спросила она. – Я уже с ног валюсь, а синтез клонов все равно только утром закончится. У тебя же наверху кровать, да? – Лайла указала в сторону лофта Джек, вопросительно изогнув брови.

Была ли это невинная просьба или что-то другое? Джек не занималась сексом с тех пор, как вышла из тюрьмы, если не считать нескольких неловких попыток с Кришем. Ее желания словно сломались – так же как раньше ее кости. Она не могла понять, что ей нужно, и еще меньше понимала желания других людей.

– Я к тебе не подкатываю, честно, – ухмыльнулась Лайла. – Просто я так устала, что, наверное, до дома не доберусь.

Все остальные ушли около полуночи. Джек пожала плечами.

– Ладно.

В полутьме лофта, в окружении коробок с логотипами корпорации, производивших научное оборудование, лежали Джек и Лайла. Внезапно оказалось, что они не могут заснуть, и они разговорились об итогах недавнего судебного процесса по поводу нарушения патента.

– Даже не верится, что Тортону дали десять лет, – яростно шептала Лайла. – Какого хрена? Он же не торговал этими лекарствами, а раздавал их жителям своего района – ведь там была эпидемия.

– Десять лет тюрьмы… Я еще легко отделалась.

Лайла промолчала.

– А можно я спрошу о том, как это было? – неуверенно спросила она. – Я читала «Желчные таблетки» и все пыталась набраться смелости и спросить об этом, но не хотела показаться пошлой, или странной, – или твоей фанаткой.

– В основном там было скучно. – Джек умолкла, чтобы не сболтнуть лишнего. Лайла – протеже Криша, и незачем произносить перед ней целую речь о том, как ее любимый босс продался, предал общее дело, пока Джек на личном опыте знакомилась с инженерией костей. Кроме того, внезапно у Джек появился вопрос, который ей отчаянно захотелось задать. – Ты серьезно не собиралась ко мне подкатить?

– Я могу и несерьезно… Я как бы… преувеличивала свое безразличие… сильно преувеличивала.

Джек приподнялась на локте, посмотрела на Лайлу и попыталась понять, почему спинка ее носа делает все остальные черты ее лица еще прекраснее. Полоса света из лаборатории внизу осветила лепестки ее татуировки и улыбку. И тогда Джек уже не могла сдержаться. Она схватила Лайлу сильнее, чем собиралась, и поцеловала ее крепче, чем хотела поцеловать кого-

либо за последний год. Может, она действовала слишком настойчиво, но ее опьяняла возможность снова измерить силу ее желания. Лайла не возражала. Оказавшись в объятиях Джек, она заметалась и застонала от удовольствия.

Поспали около часа, пока у Лайлы не закончился синтез, а на следующий день они представляли собой двух самых счастливых невыспавшихся зомби в лаборатории.

Июль 2144 г.

Джек поставила мерный стакан с кофе на лабораторный стол рядом с Мед и бросила взгляд на лофт, где все еще спал Тризед. Более четверти века прошло, а она до сих пор ночует в кладовках лабораторий. И ее будущее никогда еще не было таким неопределенным, как сейчас.

– Вот мой план терапии, – объявила Мед. – Нам нужно обойти цепочку вознаграждения, которую создает «закьюити» – а сделать это можно только в том случае, если мы отключим воспоминания человека о зависимости. Люди возвращаются к препарату, потому что помнят о награде за работу – даже если прошли детоксикацию. Каждый раз когда что-то напоминает им о работе – будь то макетная плата или кисть, – они снова хотят принять «закьюити». Со временем у них появятся новые дофаминовые рецепторы, и это хорошо, но для нас главное – избавить людей от воспоминаний о награде.

– Логично, – задумчиво заметил Криш. – И какой блокировщик воспоминаний ты бы применила?

– Вот, взгляните. – Мед позволила себе быстро ухмыльнуться, а затем развернула в воздухе абстрактную схему молекулы. Она состояла из уже существующих биологических частей и белка, который Мед уложила сама. – Я назвала его «Реткон», – сказала она. Криш обошел вокруг стола, разглядывая проекцию со всех сторон. – Фактически мы создаем в мозгу ретроактивный континуитет. Мы изменяем нейроны так, чтобы обойти воспоминание о награде, связанной с «закьюити», и связываем настоящее с прошлым до возникновения зависимости. Можно сказать, что мы создаем для мозга альтернативное настоящее, меняя его представление о том, что только что произошло.

– Похоже, это будет легко. – Тон Криша казался то рассеянным, то саркастичным, и Джек вспомнила, почему она когда-то так сильно его любила.

– Что в результате почувствует человек, подвергающийся этой терапии? – Этот вопрос задал очень серьезный студент с шапкой непослушных рыжих волос на голове. – Они в буквальном смысле

забудут о том, что приняли вещество, вызывающее привыкание?

– Я не уверена, – призналась Мед и взглядом призвала на помощь Джек. – Думаю, они что-то забудут, но точно не знаю, сколько и что при этом будут чувствовать.

– Но разве при этом вы не уничтожите воспоминания за несколько лет?

Джек уже поняла, что парнишка так и будет задавать вопросы и что у Мед мало опыта общения с любознательными студентами.

– Короче, – вмешалась она в разговор. – «Реткон» – не лекарство от всех видов зависимости. Такой препарат создать невозможно. Но он вылечит тех, кто принимал «закьюити». – Она переключила его внимание на себя, и Мед благодарно кивнула ей. – Мы можем спасти тысячи людей.

Кажется, этот ответ удовлетворил студента, и он навел правый указательный палец на модель Мед и стал закачивать молекулу в свои очки-дисплей. Робот снова обратился к группе:

– Кто-нибудь хочет помочь? Мы могли бы поделить эти симуляторы, смоделировать воздействие разных молекул на мозг.

Джек подняла руку:

– Запиши меня.

– Ага, и я возьму часть. – Следующим добровольцем стала женщина-постдок, что-то печатавшая на лабораторном столе. Датчики на запястьях улавливали движения ее пальцев и превращали в нажатия клавиш. К ее комбинезону были пришиты заплатки, которые, похоже, реагировали на звук ее голоса. Когда она говорила, они становились красными, затем медленно приобретали зеленую окраску, а потом снова чернели. Аспирантка по прозвищу «Катализатор» с лианами на голове тоже захотела участвовать. Студент без каких-либо особых украшений, если не считать серьезного выражения лица, просмотрел что-то в своих очках, затем перевел взгляд на Мед и Джек.

– Я заинтригован, – сказал он. – Поработаю несколько часов прямо сейчас. Все равно занятия у меня только завтра.

На мгновение Джек позволила местной атмосфере очаровать ее. Студентам так нравилось работать в «Свободной лаборатории», что если у них не было занятий, то они сразу приходили сюда с самого утра – просто чтобы заняться исследованием чего-нибудь «интригующего». Она уже давно не работала вместе с людьми, которых вел интерес первооткрывателя. Обычно стимулами для ее исследовательских групп были смерть или деньги, безумное желание одолеть первую или искупаться в огромном резервуаре, наполненном вторыми. Джек точно не знала, какая мотивация больше способствует открытиям: наивные, но высоконравственные принципы или

необходимость выжить.

Мед быстро организовала симуляторы и раздала их всем участникам спонтанно созданной группы «Реткон».

Группа, поглощенная анализом, погрузилась в молчание. Прямоугольные окна в нескольких метрах над ней освещали стены, увешанные полками, на которых стояли незаконченные проекты десятков генных инженеров. Аппараты для ПЦР размером с кулак Джек лежали в коробках вместе с проводами и самоохлаждающимися держателями пробирок. Роботизированная рука в прозрачном ящике собирала амплифицированные последовательности из крошечных колоний на кювете.

К стене под одним окном был прикручен длинный ящик, наполненный влажной землей. Из него торчали зеленые ростки модифицированной пшеницы. Ее нежные семена содержали в себе большое количество антионкогенов. Ниже кто-то занял целую трехметровую полку под эксперимент, с целью отремонтировать сломанные металлические опоры с помощью новых вирусных эпоксидных смол. Одна опора хорошо восстановилась, но на другой появилась странная блестящая опухоль, вгрызавшаяся в полку под ней. Рядом с раздувшейся опорой кто-то прикрепил записку: «Пожалуйста, уберите. Все, что останется, будет ВЫБРОШЕНО 1/8/44».

Джек смотрела на опухоль и представляла себе молекулы.

Весь фокус с терапией заключался в том, чтобы нарушить или просто удалить награждающие воспоминания о работе. А это была далеко не простая задача. В мозгу же не один центр памяти, и центров удовольствий там тоже несколько. Воспоминания зависели от многих молекулярных связей, путей между разными областями, от контактов между нейротрансмиттерами и рецепторами.

Краем глаза Джек заметила, что Мед слегка дернула головой, отворачиваясь от того, что увидела на лабораторном столе.

«В чем дело?» – отправила она сообщение Мед со своего планшета.

– Джек, ты не могла бы зайти вместе со мной в кабинет Криша? – спросила Мед как бы между прочим. – По-моему, нам нужно сообщить ему об этом.

– Нашла что-нибудь? – спросил серьезный студент.

– Пока нет, Дэвид, – ответила Мед. – Но я хочу узнать, что Криш об этом думает.

Они пробрались между лабораторных столов к кабинету Криша и остановились у двери. Криш махнул им рукой, приглашая войти.

– Мой пациент с передозировкой «закьюити» несколько дней

назад умер, – сказала Мед. – Сейчас в больнице еще шесть человек с похожими симптомами, и мой начальник спрашивает, не могу ли я вернуться пораньше.

– Просто не отвечай, – сказал Криш. – Потом объяснишь, что несколько дней была вне сети.

– Криш, она не сможет скрыть тот факт, что прочитала сообщение, – сказала Джек.

Глубокие познания о том, как устроены молекулярные связи в мозге, не сделали Криша экспертом по компьютерным сетям. Минуту он недоуменно молчал, а потом пожал плечами.

Джек повернулась к Мед:

– Что ты хочешь сделать? Если хочешь вернуться и работать над «Ретконом» удаленно, мы возьмем твои задачи на себя. Создадим на открытом сервере анонимное хранилище кода – просто шифруй свои обновления с помощью хорошего софта.

Мед посмотрела на мобильник в своих руках, затем выглянула из окна кабинета. Группа «Реткон» забыла пообедать, но сделала пораньше перерыв на чай. На столах рядом с недоеденными сэндвичами дымились горячие кружки. Катализатор игриво тыкала в бок Дэвиду, заставляя его хихикать. Постдок с активируемыми звуком заплатками спроецировала над столом какую-то анимацию. Позади них из лофта спускался по лестнице Тризед. Он направлялся в душ, и поэтому на нем не было ничего, кроме полотенца.

– Я хочу остаться, – сказала Мед, не сводя глаз с Тризеда. Затем она бросила взгляд на Криша и добавила: – Если не возражаете.

– Я не против. В этом проекте ты главная.

– Тут еще кое-что, – продолжила Мед. – На прошлой неделе я отправила запрос насчет «закьюити» в группу, посвященную лечению зависимости. Несколько часов назад мне с временного открытого адреса написал какой-то человек. Он утверждает, что работает в «Закси», и говорит, что там есть и другие проблемы. Похоже, что люди гибнут не только на улицах.

Джек прижалась к стеклу и задумалась.

– Наверное, это серьезное дело, если кто-то решил слить инфу.

– Откуда ты знаешь, что это не ловушка? – Очевидный вопрос Мед заставил Джек осечься. МКС могла легко проследить это письмо до сети, в которой оно оказалось.

– А, черт. Ты получила его здесь?

– Нет, я зашла на рабочий сервер удаленно. Если они что-то вынюхивают, то след приведет их только в Йеллоунайф.

Криш побледнел. Джек знала, что именно таких шпионских

дел он боялся больше всего. Она легко могла представить, как он сейчас рассчитывает риски, которые этот проект представляет для его очередного гранта. Черт побери, да, может, среди его спонсоров есть и «Закси». Он открыл рот, чтобы заговорить, и Джек сжалась. Она предполагала, что он прикажет им убираться из его маленького веселого пузыря, где радикализм рос лишь до тех пор, пока это разрешали правила корпораций.

– Думаешь, твой начальник что-то знает? – неожиданно спокойно спросил Криш. – Он просит тебя вернуться, потому что получил жуткограмму из местного офиса МКС?

– Возможно.

– Тогда тебе нужна веская причина, чтобы остаться здесь. Причина, в которой никто не усомнится. – Он рассеянно указал рукой на свой стол. Он, казалось, просматривает заголовки писем, не читая их. – Кроме того, эта причина должна оправдывать твое слегка таинственное поведение.

Он криво усмехнулся.

– Мед, вы прибыли в мою лабораторию с хвалебной рекомендацией от одного из лучших генных инженеров, которых я когда-либо знал. – Криш указал на Джек. Внезапно его тон стал официальным, словно он обращался к слушателям на конференции. – Я очень рад, что вы приехали на собеседование так быстро, поскольку на прошлой неделе нашего лучшего разработчика препаратов, к несчастью, переманил Университет Британской Колумбии.

Он повернулся к Мед. Она тоже заулыбалась.

– Думаю, мы сможем предложить вам жалованье, сравнимое с тем, которое вы получаете в Йеллоунайфе. Кроме того, у вас будут собственный бюджет и исследовательская группа. Я понимаю, что вы… э-э… доктор Коэн… возможно, захотите обдумать это предложение, но мы были бы счастливы, если бы вы сразу приняли участие в нашем новом проекте.

– Спасибо, доктор Пател, – ответила Мед столь же наигранным официальным тоном. – Но, раз уж мы теперь будем работать вместе, то, пожалуйста, зовите меня «Мед». Меня так все называют.

Этот тихий разговор был пустяком, уловкой для того, чтобы отвести от себя подозрения. Но, кроме того, он имел огромную важность: Мед получала реальную работу, ту же самую работу, о которой когда-то мечтала Джек, и в этой же самой лаборатории. У Джек закружилась голова при мысли о том, сколько времени прошло с тех пор, когда она хотела эту работу, и сколько она приняла решений, которые заставили ее порвать с этим местом. Она посмотрела на Криша и Мед, и ее внезапно переполнило

почти болезненное чувство привязанности – не только к этой умной юной исследовательнице, но также к мужчине, который распознал в Мед блестящего ученого. Оказалось, что, приехав в «Свободную лабораторию», Джек совершила первое хорошее решение после череды плохих.

Она подошла к Кришу и заглянула ему через плечо. На столе он открыл досье Мед из Йеллоунайфа. Над именем бота располагалась его черно-белая фотография с именем и должностью: Медея Коэн, PhD, научный сотрудник. Специализация: тестирование и разработка фармацевтических препаратов, нейрогенетика. Ниже – аккуратный список публикаций; в некоторых из них ее имя стояло первым. Членство в нескольких профессиональных обществах, в том числе в одной прогрессивной благотворительной организации, которая сотрудничала с группами Freeculture. Идеальный портрет молодого, целеустремленного, либерально мыслящего генного инженера: никаких «черных меток», никаких пробелов в послужном списке, публикации только в авторитетных научных журналах.

Вплоть до последних дней Мед была очень хорошей девочкой. И Криш только что наградил ее за это, предложив работу, о которой мечтает каждый научный сотрудник. В Йеллоунайф ей возвращаться не придется.

12: Сеть контактов

11 июля 2144 г.

На закате каждая поверхность в старом городе продолжала излучать тепло. Однако в кафе, покрытом слоем светоотражающей краски, было прохладно, а система водяного охлаждения воздуха не давала посетителям потеть. Элиаш заказал ароматный улун, подойдя к длинной стойке бара, сделанной из полированного дерева и украшенной мавританским узором из проникающих друг в друга многоугольников. Сквозь тусклые серые окна виднелся крошечный, закрытый навесами переулок – один из многих извилистых переулков самого старого района Касабланки. На противоположной стороне улицы арочный проход, выложенный голубой плиткой, вел в едва различимый дворик. В соседнем дворе женщина наполняла кувшины водой из фонтана; его изящно уложенные камни относились к эпохе, когда здесь находилась страна под названием Марокко. Теперь Касабланка была одним из ключевых портов Африканской Федерации, и международный капитал тек в нее рекой.

Рядом с осыпающейся стеной многоквартирного дома какой-то мальчик выложил товары на продажу: длинных, похожих на стрелы рыб на тележке и клетку с жужжащими дешевыми беспилотниками-наблюдателями.

По улицам старого города потекла толпа людей, вышедших с работы. Их извергли из себя маршрутки с кондиционерами, каждые пять минут отправлявшиеся из «Парка биотехнологий». Деловые костюмы выделяли этих людей среди местных. Некоторые были одеты в безупречно белые дешдаши или украшенные вышивкой кафтаны поверх хаки; некоторые носили на голове цветные хиджабы или «хвосты» сари на плечах. На некоторых были джинсы и сорочки, произведенные в Зоне, а кто-то придерживался ретро-стиля, выбрав для себя легкий полотняный европейский костюм. Все болтали друг с другом или по сети с помощью наушников, очков-дисплеев, периметров, имплантов и специализированных невидимых устройств.

Многие из них зайдут в одно из нескольких десятков тайных кафе, созданных в пражском стиле. Они появились здесь более шестидесяти лет назад – после коллапса, произошедшего в конце XXI века, в ходе которого население и сельское хозяйство сильно пострадали от различных болезней. После этого недавно образованная Африканская Федерация опубликовала в своей столице Йоханнесбурге десятилетний план. Правительство

обещало тремстам миллионам жителей создать самую высокотехнологичную аграрную экономику в мире.

Радикальный реформаторский закон позволил правительству Федерации превратить практически весь континент в особую экономическую зону, где никак не ограничивались исследования в области сельского хозяйства. Компании из Еврозоны и Азиатского Союза устремились в космополитичные города Федерации, чтобы изучать трансгенных животных, которые синтезировали лекарственные препараты, синтетические быстрорастущие организмы, метагенетическую инженерию почвенно-растительного слоя и методы внеземного сельского хозяйства для экспорта в колонии Луны и Марса. Другие экономические коалиции признали недавние открытия в молекулярной инженерии небезопасными и этически сомнительными. Но не Африканская Федерация.

Среди наиболее успешных компаний, которые появились в результате этой анархии, были группы, основанные инженерами из Праги, Будапешта и Таллина. Эти компании привлекали людей из центральной Еврозоны, а с ними прибыла культура тайных кафе: прохладных, темных, маленьких комнат без вывесок, где клиенты должны быть знакомы с вышибалой или шепнуть ему пароль. Обычно «секрет» был просто бессмысленной формальностью. Можно было узнать пароли в сети или познакомиться с вышибалой, переслав ему немного криптовалюты. Эти особенности быстро стали частью культуры кафе, которая существовала в старом городе уже несколько столетий.

И все же некоторые из этих заведений оберегали свои секреты очень тщательно. Паладин сейчас стоял в одном из них, анализируя летучие вещества, которые выделялись из десятков разновидностей чайного листа, высушенного и заваренного в воде строго определенной температуры. Пароль они получили от тайного агента МКС. Все знали, что здесь бывают хакеры и пираты, однако Паладин не мог отличить посетителей от потока бизнесменов за пределами кафе. Наверное, именно поэтому Элиаш поручил ему в течение нескольких часов выполнять это упражнение из области агентурной разведки. Боту следовало отточить навыки общения, и идеальным местом для этого было кафе, где они пытались познакомиться с максимальным количеством людей.

Элиаш подтолкнул Паладина в бок и почти незаметно указал на человека рядом с ним. Заказав чай, человек так сильно нагнулся над стойкой, что Паладин увидел полоску бледной кожи над поясом его брюк. Пришло время опробовать свой гамбит.

Предложи людям часть информации о себе, и они наверняка ответят тем же.

– Я здесь впервые, и тут совсем не так, как я ожидал, – сказал Паладин, поворачиваясь к человеку. На лице человека отразилось легкое удивление. Он не ожидал, что с ним кто-то заговорит, и уж тем более огромный робот.

– Да ну? А ты рассчитывал, что здесь наливают углеводороды?

Благодаря датчикам на спине Паладин увидел, как Элиаш закатил глаза. Шутка про роботов, которые просят у бармена налить им углеводородов, устарела сорок лет назад и сейчас звучала очень высокомерно. Но этот человек прожил лишь столько лет, чтобы отрастить крошечные усики, похожие на два темных дефиса посередине лица.

Паладин продолжил, дав себе клятву добиться успеха в ходе этого взаимодействия.

– Я – Комплект, а это Алекси. – Он указал на Элиаша. «Комплект» было очень распространенным именем для роботов-лаборантов.

– Я – Славой. – Человек протянул ему руку и сжал пальцами ладонь Паладина, сделанную из легкого сплава. Анализ крови показал наличие высокого уровня кофеина. Это был хороший признак. Возможно, выброс информации произойдет при минимальном вмешательстве.

Паладин выбрал прием, который, похоже, всегда давал результат.

– Вы откуда?

Под влиянием эйфории, вызванной стимуляторами, Славой рассказал им всю подноготную. Он прибыл откуда-то из центральной части Еврозоны вместе с друзьями модифицировать живые ткани в одном стартапе. Но у компании закончились деньги, и теперь он занимался контролем качества решеток для выращивания мышечных волокон в компаниях, производящих мясо.

– Сейчас работу искать без толку. Все говорят, как легко здесь разбогатеть, но на самом деле это значит, тут легко обнищать, – сказал Славой, печально качая головой.

Паладин наклонил голову в знак симпатии.

– Другие люди говорили нам то же самое, – сымпровизировал он.

Этого оказалось достаточно, чтобы Славой произнес еще одну пламенную речь о разных вакансиях, которые он пытался занять, но не смог – и не по своей вине.

Элиаш прижал теплую руку к нижней части спины Паладина. Робот на самом деле сумел установить связь со Славоем. На мгновение Паладин почувствовал нечто выходящее за пределы обычного запрограммированного удовольствия. Дело было не только в том, что он выполнил задачу и порадовал Элиаша: ему было весело. Импульсивно он послал Элиашу улыбающийся смайлик. В ответ человек стал бесцельно и дружелюбно постукивать большим пальцем по спине робота.

Чайханщик за стойкой бара налил кипяток в высокий, покрытый чеканкой серебряный чайник, набитый листьями мяты. Затем он щелкнул пальцами мальчику в белой накрахмаленной одежде, и тот поставил чайник на поднос с двумя стаканами, а чайханщик тем временем поставил на прилавок перед Славоем тарелку, на которой лежало печенье с кардамоном. Мальчик отнес поднос людям, сидевшим за столиком в углу, а затем сел на низкую табуретку за барной стойкой и стал украдкой поглядывать на темный корпус Паладина.

В кафе вошла большая компания, оживленно споривша об истории, которая обошла все научные сайты.

– Эти козлы в «Смаксо» не настолько умны, чтобы так сделать, – фыркнул один из пришедших.

– У меня там есть знакомые в исследовательском отделе, и они не тупые, – ответил человек, который вставил себе в череп костные трансплантаты, превратив его в странную рельефную френологическую карту. На ее частях были вытатуированы такие метки, как «секс» и «виски». Он продолжил: – Почему компании не внедрять свои препараты тайком? Их же полмира принимает. Это идеальный механизм управления обществом.

Женщина, лицо которой было скрыто за большим геймерским компьютером, кивнула.

– Конечно, – сказала она. Оставалось неясным, говорила ли она с кем-то по сети или участвовала в разговоре с посетителем кафе.

– Это нелогично, – ответил человек, который заговорил первым. – Если твоя цель – успокоить участников протеста, почему бы не создать вещество, которое оказывает такое воздействие? Препарат, который можно распылить в толпе? Зачем подмешивать в свои препараты то, что нужно активировать с помощью катализатора? Это слишком сложно.

– Возможно, катализатор – это изображение или слово. То, что можно транслировать на большое расстояние. – Человек с модификациями черепа разволновался; его мышцы выстреливали массу электрических импульсов. – Как еще объяснить фотографии встреч между вице-президентом «Смаксо» и министром обороны

Зоны Свободной Торговли? Думаешь, они просто разные приколы друг другу рассказывали? Экономические коалиции хотят помешать людям протестовать.

– Я уверен, что «Смаксо» заключает сделки с Зоной, но активация препаратов с помощью слова? Слова, которое заставляет молекулы в крови переключать твой мозг в режим тета-волн? – Это сказал человек с короткой стрижкой и в белой рубашке, которые выдавали в нем служащего корпорации. – Извини, но это неубедительно.

Компания столпилась у барной стойки; их тела создавали теплые барьеры вокруг Паладина и Элиаша. Поры их кожи выделяли пот, возбуждение и переработанные эйфорики.

– У меня есть как раз такой эксплойт.

Компания умолкла, чтобы послушать высокую женщину, локоть которой прижался к руке Паладина. На ее лысой смуглой голове виднелся лишь один небольшой клочок розовых волос. Она была в традиционной рубашке из Еврозоны, из нагрудного кармана которой торчал масс-спектрометр.

– Бактерии, которых активирует звук. Один раз я подмешала их в выпивку и превратила всех посетителей клуба в зомби. Заставила парней танцевать стриптиз, а потом выложила ролик в сеть.

Она была менее возбуждена, чем остальные в ее компании, и незаметно сделанный анализ ее крови показал, что в ее организме нет других препаратов, кроме кофеина. Когда рукав ее рубашки коснулся руки Паладина, он уловил молекулы, связанные с системами очистки воздуха. Прежде чем прийти сюда, она долго пробыла под куполом или под землей.

Группа продолжала внимательно слушать женщину, а она искала в кармане своих хаки какое-то устройство. Позы людей заставляли предположить, что она была «узлом», человеком, который создавал и поддерживал социальные связи. Она находилась в центре компании, она была человеком, которого все знали.

– Уморительный был ролик! – рявкнул человек с френологической картой. – Эпический хак. – Когда он повернулся к женщине и, следовательно, к Паладину, робот заметил, что на гористом регионе над глазами человека выведена надпись «Какого хрена?».

Элиаш, находившийся слева от Паладина, втайне пришел в состояние полной готовности. Славой, зажатый между «социальным узлом» и «Хреном», сгорбился и стал разглядывать тарелку с печеньем. Было очевидно, что он их узнал. Но Паладин не мог решить, то ли Славой пытался спрятаться, то ли, наоборот,

привлечь внимание этой компании.

– Черного моим друзьям, пожалуйста, – вежливо сказала женщина бармену.

– Вам как обычно? – спросил он, доставая банку с дорогими сухими листьями.

– Да, спасибо. Мы пойдем туда, вглубь.

– Фрэнки платит! Круто! – Человек в деловом костюме признательно похлопал ее по руке.

– Круто! – отозвалась геймерша. Она подняла свою систему и поставила ее на полоску датчиков, которая опоясывала голову. Ее глаза, абсолютно черные, уставились на Славоя.

– О, привет, – сказала она.

– Привет, Меха, – буркнул Славой, играя со своим стаканом.

Компания двинулась вслед за Фрэнки за занавеску, расшитую бусами, которая висела у одного из концов барной стойки. Меха, теперь оказавшаяся в хвосте, потянула Славоя за рукав.

– Ты как? – спросила она.

– Только что с работы.

– Вы с Промоутером все еще в проекте «Третья рука»?

– Да, но мы все теперь консультируем, просто чтобы свести концы с концами, пока ищем финансирование.

Паладин замерил базовые параметры речи человека. Они указывали на то, что Славой, скорее всего, сейчас лжет.

– Мне пора, но как-нибудь нужно затусовать. Уже сто лет тебя не видела. – Меха наклонилась, чтобы стащить печенье из уменьшающейся горки в миске. Славой напрягся, а затем расслабился: он приготовился заговорить, но потом передумал. – А что ты делаешь сегодня вечером? – Не дожидаясь ответа, она надела на себя свою систему и наклонила голову. – Приходи сегодня на вечеринку у Хокса-2.

Славой нажал на шарнир на своих очках, глядя на ее текст. Его пульс повысился – да, он туда придет.

Паладин стал придумывать способ, как попасть на эту вечеринку вместе с их новым другом. Вечеринки – хорошее место для того, чтобы обзаводиться знакомствами.

По пути к занавеске из бус Меха легко провела пальцами по спине Паладина.

– Симпатичный корпус, – сказала она. – С отрицательным фактором отражения, да?

– Да, – ответил Паладин.

– Выглядит круто, – сказала она и направила свою игровую систему на замаскированные отверстия для пушек на груди. – Нечасто встретишь лабораторного робота с таким потрясным арсеналом.

Бот не знал, что сказать.

– Спасибо. Мы со Славоем как раз беседовали о работе в лаборатории.

У занавески Меха обернулась в последний раз.

– Приводи своего друга-бота! – крикнула она Славою.

Нервничающий инженер допил чай, затем ухмыльнулся Паладину и Элиашу.

– Хотите пойти?

Паладин с удовольствием отметил, что на лице Элиаша появилась улыбка, что бывало редко. Робот выполнил первое задание, связанное с агентурной разведкой, причем совершенно без посторонней помощи.

Они попрощались с Савоем и вышли на улицы старого города. Хотя Паладин кое-где замечал биороботов, этот город определенно строили для людей. В его узких переулках никогда не поместится такой робот-«богомол», как Клык, а палатки торговцев вообще не излучали метаданных, предназначенных для роботов.

– Отличный старт, приятель. Давай еще потренируемся. – Элиаш указал на улицу, которая слегка отклонялась к северу. Стены домов на ней недавно были покрашены быстросохнущей жидкостью, содержащей множество биолюминесцентных бактерий и пылинок сети. Паладин помедлил.

– Здесь, похоже, не очень много роботов.

– В том-то все и дело. Даже в городе, битком набитом роботами, люди будут обращаться с тобой по-другому. Тебе нужно к этому приспосабливаться.

Улица стала слишком узкой, и робот пошел за человеком. Они прошли мимо лохматой кошки, спящей на невысоком балконе, и четырех детей, которые собрались у древней водной колонки.

– Как мне приспособиться к этому? – Паладин указал на свое лицо.

Элиаш рассмеялся, и робот обнаружил, что фиксирует расположение каждого солнечного луча, которые отражались от окон наверху. Этому не было ни одной причины. Он просто понял, что хочет в подробностях запечатлеть этот редкий момент, когда Элиаш смеялся, когда световые волны удлинялись, а по воздуху летели молекулы воды.

– Паладин, неужели ты думаешь, что ты – первый агент, который чувствует себя белой вороной? Посмотри на меня. У меня кожа цвета коровьего молока. Очевидно, что здесь я не местный. Но посмотри на твоего нового друга Славоя. Он тоже чужой. Если копнуть поглубже, то окажется, что все люди –

чужаки. Тут фишка в том, чтобы убедить людей, что ты такой же чужак, как и они.

– Как, например, когда я сказал Славою, что нам сложно найти работу.

– Именно! Да, ты и бот, поглощающий углеводороды, но ты ему нравишься, потому что у тебя та же проблема. Просто найди способ разделить с ними их беды.

Они вышли на площадь, со всех сторон окруженную дворами и магазинами. На ней стояли десятки палаток, набитых электроникой и биотеком. У Паладина появилась мысль.

Он, в отличие от Элиаша, знал дарижу, – самый распространенный местный язык. Этим можно было воспользоваться для установления отношений с людьми. Оставив Элиаша, Паладин подошел к человеку, продававшему мышечные волокна, очень похожие на мускулы под панцирем робота.

– Мне нужно усилить мускулатуру, – сказал Паладин на дариже. – К сожалению, мой хозяин не разбирается в роботах и говорит только по-английски. А у вас хороший ассортимент и, возможно, есть то, что мы ищем.

Человек посмотрел на Паладина, а затем быстро бросил взгляд на Элиаша.

– Еврозона? – спросил он. – Откуда? С востока?

– Он ничего мне не говорит. Оттуда, где не учат дарижу.

Ответом ему стала хитроумная усмешка.

– Ладно, друг. Какая длина и настройка тебе нужна?

Благодаря датчикам на спине Паладин увидел, что Элиаш пытается скрыть такую же усмешку.

Пока бот и торговец мышцами торговались и спорили о классах волокон, Паладин попытался извлечь из этого контакта какую-нибудь пользу.

– Здесь можно где-нибудь купить неродной биотек? – «Неродной» на местном сленге означало «пиратский». – Хозяину нужно что-нибудь дешевое для себя.

– Про неродное я ничего не знаю. – Торговец лишь на секунду оторвал взгляд от стола, на котором он аккуратно заворачивал только что купленные Паладином мышечные волокна в пропитанную маслом мембрану. – Но если нужно подешевле, тогда идите в сторону порта.

Когда Паладин рассказал Элиашу о своем провале, человек изогнул брови.

– Приятель, это не провал – ты добыл отличную инфу. Никто не скажет тебе напрямую, где купить контрабандный товар, так что это было гениально – спросить про что-нибудь подешевле. Поэтому он смог сообщить тебе все, не признавая, будто ему что-

то известно.

– Об этом я не подумал.

Элиаш пожал плечами:

– Так уж устроены люди. Они верят, что их коды и эвфемизмы – это так хитроумно. Но на самом деле они мечтают рассказать тебе то, что знают. Как только ты устанавливаешь с ними доверительные отношения, люди хотят слить тебе инфу. У тебя просто талант к этому. Наверное, тебе даже легче это делать; люди же не подозревают, что робот может быть таким же пронырой, как и человек.

Паладин внимательно обдумал эти сведения. Неужели в каких-то областях агентурной разведки он лучше Элиаша?

– Раз уж ты решил блеснуть своим знанием дарижи, то, может, купишь мне обед, прежде чем мы отправимся в порт? – Элиаш указал на торговца, который разворачивал лист мяса, чтобы насадить его на вертел. У следующего киоска они добавили к жареной баранине толстую, круглую, только что испеченную лепешку, посыпанную кунжутом.

Вечер наполнил улицы тенями, и стены домов засветились. Жуя хлеб и мясо на ходу, Элиаш дружелюбно, без какой-либо цели толкал робота плечом. Он бросил кусок мяса котенку, который неслышно бежал рядом с ними, на что-то надеясь, и Паладин подумал о том, так ли ведет себя Элиаш, когда он не на задании. Пока Паладин считывал биологические параметры Элиаша с помощью датчиков на спине, он заметил, что человек напряженно смотрит на него. Паладин повернул к нему свое лицо. Целых две секунды визуальные сенсоры Паладина неотрывно смотрели в глаза Элиаша – по причине, которую Паладин не мог понять. Возможно, как сказал бы Элиаш, причина очевидна. Возможно, они просто друг другу нравятся.

Пока они шли в порт, чтобы еще потренироваться в агентурной разведке, Паладин думал о том, что это может означать.

В полночь Элиаш и Паладин прибыли по адресу, который дал им Славой. Это была лаборатория на третьем подвальном этаже башен «Твин сентер» в центре города. Когда-то здесь располагался сияющий торговый центр, который теперь превратился в настоящий улей из помещений для жилья и работы.

– Возможно, это нас никуда не приведет, – предупредил Элиаш. – Возможно, здесь просто биопанки-тусовщики. Но за Фрэнки стоит понаблюдать – ее уже арестовывали за обладание нелицензионным лабораторным оборудованием. Последишь за

тем, с кем она будет общаться, приятель?

– Хорошо.

– И подружись с кем-нибудь. – Элиаш с ухмылкой пихнул его в бок, и Паладин осторожно пихнул его в ответ. Человеческие тела были хрупкими по сравнению с панцирем робота, и он еще к этому не привык.

Они покинули влажную и жаркую улицу и оказались в фойе с регулируемым климатом. Более ста лет назад это здание было жемчужиной Касабланки, символом ее богатства и западного образа жизни – в эпоху, когда бóльшая часть Федерации кренилась под давлением эпидемий, войн и протестов. А теперь ее затмили роскошные небоскребы, стоявшие вокруг кольцевого перекрестка на площади Объединенных Наций. Ее бутики и роскошные кондоминиумы превратились в переполненные дома, где жили художники, бродяги и радикалы.

У дверей лифтов двое делились друг с другом «420». На них были черные кафтаны, расшитые огненно-красными электроволокнами, а их темные лица сверкали из-за нанесенной на них мази с блестками.

– На вечеринку? – спросил один из них, когда Элиаш нажал кнопку «вниз».

– Ага.

– Как раз успели на оргию. – Хихикая, оба замахали тонкими пальцами.

Паладин и Элиаш оказались в жарком и душном зале: его климат-контроль не справлялся с количеством тепла и пота, которое выделяла толпа. В одном углу расчистили место для танцпола, и несколько десятков людей извивались и прыгали там в свете стробоскопов. Справа водопроводные трубы и раковины лаборатории временно превратились в коктейль-бар. Человек с татуировкой «Какого хрена?» на лбу смешивал напитки и разливал их по стаканам из прозрачного пеноматериала для выстроившихся в очередь потных людей. Наверху находился лофт с зеркальными окнами и огромной вывеской «ОПАСНОСТЬ!» на двери.

На границе танцпола и бара группки людей спорили о программах или хвастались новыми модификациями и устройствами. Человека без рубашки с пушистыми крыльями, как у летучей мыши, которые росли из его лопаток, окружила компания. В ней находились Меха и Славой, слегка шатающиеся от опьянения. Человек напряг одно из крыльев, и Меха уважительно коснулась его.

Внезапно из лофта по лестнице сбежала Фрэнки. С решительным выражением лица она протиснулась сквозь толпу,

подошла к «Хрену» и что-то шепнула ему на ухо. Он посмотрел на устройство у себя на запястье и кивнул. Паладин попытался подслушать их разговор, но общий уровень шума был слишком высок. Бот решил, что будет просто следить за ними с помощью датчиков на затылке, пока он и Элиаш общаются с Мехой и Славоем.

– Робот-красавчик! – завизжала Меха и обняла его за корпус. На корпусе остался след из сахаров, которые производил ее опьяневший организм. Она нацелила свои черные глаза-таблетки на Элиаша.

– Он ваш? Как его зовут?

– Почему вы думаете, что он кому-то принадлежит? – спросил Элиаш с легкой усмешкой. Он уловил настроения группы и теперь растворялся в ней, использовал свою способность к адаптации для того, чтобы быстро завоевать доверие. Кто-то дал ему стакан с сияющей оранжевой жидкостью; ее молекулярный профиль свидетельствовал о том, что в ней присутствует водка. Элиаш качал головой под ритм, который извергали из себя усилители, подвешенные к потолку. Меха рассмеялась и отправила кому-то сообщение через свою игровую систему. Паладин легко перехватил его, расшифровал и переслал Элиашу.

Для еще одного место есть? Этот парень – секси.

Вскоре с какого-то одноразового устройства, не содержавшего идентификационных сведений, пришел ответ:

Да, еще один – нормально, но не больше. Мы почти готовы.

Фрэнки помчалась обратно по лестнице; за ней поднимался мужчина в плаще, на котором мигали светодиодные лампы. Когда дверь лофта открылась, Паладин мельком увидел комнату с подушками из пеноматериала и крошечными проекторами, которые заливали стены текучими, абстрактными картинами.

Бит ускорился, и танцоры начали извиваться. Фрэнки захлопнула дверь лофта. Меха встала на цыпочки и громко шепнула на ухо Элиашу:

– Хочешь пойти наверх и поиграть вместе со мной и Фрэнки?

Поза Элиаша свидетельствовала о том, что он насторожился. Судя по всему, он предположил, что его приглашают попробовать какой-то самодельный препарат, предназначенный для подавления запретов и создания сильной эмоциональной реакции – удовольствия, страха, печали, удивления или ярости.

– С чем вы играете? – спросил он соответствующим ситуации беззаботным тоном.

– С одной штучкой, которую Фрэнки приготовила из «эллондры». Элиаш расслабился: «эллондра» была распространенным стимулятором-эйфориком.

– Я только попрошу друга меня подождать, – сказал он Мехе. Отведя Паладина в сторону, он шепнул роботу так тихо, чтобы только он мог его услышать: – Я пойду наверх и постараюсь что-нибудь узнать о Фрэнки. Я пропатчен против их препарата, так что все должно быть нормально. Но если через час не вернусь, вытащи меня оттуда.

В эту минуту Фрэнки приоткрыла дверь и тайком поманила Меху. Это был сигнал. Меха коснулась Славоя и Элиаша:

– Поднимайтесь. А я иду за остальными.

Она двинулась сквозь толпу; сенсоры на ее теле подмигивали в свете стробоскопов. На ходу Меха легко подталкивала то одного, то другого. Коснувшись примерно двадцати человек, она помахала рукой Паладину и побежала наверх, а затем захлопнула за собой дверь.

Таймер бота, установленный на шестьдесят минут, отсчитывал наносекунды. От нечего делать Паладин настроился на несколько сегментов радиоэфира, разыскивая местные сети с полезной информацией. Он обнаружил открытую сеть под названием «Хокс» – она была закреплена за местным сервером, на котором хранились научные статьи и видеоролики.

Пока робот исследовал ее, к нему обратился человек с крыльями.

– Что ты об этом думаешь?

Паладин включил воспроизведение сделанной недавно аудиозаписи и выяснил, что вокруг него идет дискуссия о новых правилах производства биологических тканей. По новым правилам, предложенным Зоной Свободной Торговли, модификации, которые созданы с помощью запатентованных матриц, должен устанавливать лицензированный специалист.

Паладин знал, что эта толпа не очень-то одобряла правила собственников.

– У держателей патентов появится больше контроля над тем, что вы можете делать со своим телом, – ответил он, дословно цитируя один антипатентный сайт, материалы которого он только что позаимствовал.

– Вот именно! Думаешь, у меня были бы эти крылья, если бы пуритане Зоны подчинили себе все остальные экономические коалиции? – Мужчина расправил над головой свои прекрасные, но бесполезные крылья. – Кстати, я Кейси.

– Я Комплект.

– Чем занимаешься, Комплект? Ты не похож на лаборанта. – Кейси постучал по панцирю Паладина. – Кажется, он боевой.

– Я в кабале у Алекси. Мы ищем проекты, связанные с разработкой генов.

– А… ты в рабстве у парня, который ушел с Мехой?

На это Паладину было нечего ответить, и поэтому он решил что-нибудь выведать.

– А вы чем занимаетесь?

– Я делаю пенисы на заказ. – Кейси постучал по своей ладони и переслал Паладину адрес сервера, набитого информацией о том, как спроектировать и заказать половые органы, о которых вы всегда мечтали. – Хорошие деньги зарабатываю. Но сейчас думаю заняться консультированием компаний, которые хотят использовать открытые матрицы для биотканей. Ну, сам понимаешь, для того чтобы обойти эти новые правила.

– Любопытно, – ответил Паладин, оглядывая комнату. С тех пор как ушел Элиаш, прошло уже почти полчаса.

– Друг, тебе пригодились бы мои услуги, – рассмеялся Кейси, похлопывая гладкий сплав между ногами робота. – Почему тебе не приделали хрен?

– Совсем рехнулся? – хихикнула Меха, тайком проскользнувшая вниз по лестнице позади них. Она подошла к ним и повисла всем телом на руке Паладина. – Ты что, Кейси, ничего не знаешь про роботов? У этого красавчика… – Она умолкла. Меха раскраснелась и дрожала от индуцированной препаратом волны удовольствия. – У этого красавчика есть кое-что получше твоих херов. Вот тут у него мозг. – Она постучала по панцирю Паладина в том месте, где его человеческий мозг тихо обрабатывал данные о распознавании лиц.

Прежде чем снова впасть в экстаз, Меха с силой потерлась о левый бок робота. Ее большой палец оставил потный след на его торсе, двигаясь от одного скрытого оружия к другому.

– Я была внутри твоей модели, – прошептала она. – В «Робо-Сити»… – Когда она назвала популярный игровой мир, ее колени начали подгибаться. Паладин немного присел, поднял ее содрогающееся от эйфории тело и отнес ее наверх, в лофт. Ей будет лучше там, на подушках, среди других людей, которые тоже приняли этот препарат.

Паладин ощутил странный ужас; похоже, здесь все знали, что он – боевой робот. Скоро кто-то обратит на это внимание, и тогда, возможно, его с Элиашем легенда будет раскрыта. Тогда на этой вечеринке им может грозить опасность.

Когда Паладин зашел в лофт вместе с Мехой, то сразу заметил Элиаша и Фрэнки. Они беседовали в углу, за грудой тел, в крови которых были следы «эллондры».

Робот опустил Меху на пол. Она ненадолго пришла в себя и указала на Фрэнки.

– Видишь ее? Я ее люблю. – Меха обращалась к предплечью

Паладина, в котором находилось небольшое созвездие датчиков. – Ты знал, что она назвала себя в честь Розалинды Фрэнклин, которая открыла структуру ДНК? Под этим псевдонимом она писала в «Желчных таблетках».

Когда Меха упала на подушки, Паладин уже начал знакомиться с фрагментами сохраненных и кэшированных версий «Желчных таблеток».

– Фрэнки такая… удивительная. Поговори с ней.

Славой потянулся к ней из груды человеческих тел, и Меха утекла обратно в нее.

Фрэнки и Элиаш, огибая подушки, подошли к двери, у которой стоял Паладин.

– Алекси рассказал мне про то, как ты умеешь взламывать гены, – сказала Фрэнки, глядя на впадины на лице Паладина, которые большинство людей принимало за глаза. – Он говорит, что вы двое всегда работаете вместе.

– Верно.

– Он также объяснил, что пропатчен против «эллондры». Это впечатляет.

– Мы еще и не такое умеем, – ответил Элиаш. Это была тщательно рассчитанная похвальба.

– Кажется, я уже поняла, насколько вы умны. – Фрэнки ухмыльнулась и с размаху приложила подкожный инъектор к шее Элиаша. Среагировать он не успел. Его зрачки расширились, а рука неуверенно потянулась к роботу.

– Похоже, что против этого твой хозяин не пропатчен, – подмигнула Фрэнки Паладину.

Элиаш осел и привалился к роботу. Паладин поднял его, как только что Меху, и быстро отправил команду, которая отключила часть периметра Элиаша. У человека поднялась температура; быстрый анализ крови подтвердил подозрения Паладина: серотониновый каскад, уровень дофамина повышается. Элиаш извивался. Все его внимание было обращено внутрь, на какую-то галлюцинацию, которую его мозг воспринимал как удовольствие.

Фрэнки открыла дверь.

– Счастливо, детишки, – сказала она со смешком.

Держа человека на руках, Паладин осторожно спустился по лестнице и прошел мимо бара к лифту, разогревая установленные в голове лазеры. Он не стал возиться с кнопками, а вместо этого отправил команду системам здания, которая отменила все другие выходы и доставила лифт на 3-й подвальный этаж. В кабину он входил в режиме максимальной обороны. Если бы кто-то попытался ему помешать, он бы открыл огонь на поражение.

К счастью, всех присутствовавших на вечеринке интересовало

то, кто приходит, а не то, кто ее покидает. И ни один человек не обратил внимания на робота, который нес по теплым утренним улицам своего хозяина, стонавшего и вздыхавшего от очевидной интоксикации. Анализ молекул показал, что хотя препарат и неопасен, но он вывел Элиаша из строя на несколько часов.

В отеле Паладин положил Элиаша на кровать и встал в полной боевой готовности в центре комнаты. Проблема заключалась в том, что человек не хотел лежать смирно, ведь препарат Фрэнки наполнил его энергией. Он сполз с кровати и обвился вокруг холодного, сегментированного панциря ног Паладина, неровно дыша и бормоча обрывки фраз. Затем все его тело напряглось, и он негромко застонал, заложник навязанного ему наслаждения.

Паладин опустился на колени рядом с Элиашем, лежавшим на ковре в позе эмбриона.

– Пойдем в кровать, Паладин, – шепнул Элиаш. – На этот раз все будет нормально. – Он умолк, и Паладин своей новой рукой почувствовал, как по телу человека бегают вспышки возбуждения. – Я отнесу тебя в кровать.

– Ляг рядом со мной. – Элиаш сжал ногу Паладина и уставился на него. Его зрачки расширились под влиянием препарата. – Ты так прекрасен. Я хочу ощутить, что ты рядом.

Уже второй раз за день они посмотрели друг другу в лицо. Но теперь темные глаза Элиаша казались Паладину «червем», который заполняет его разум бессмысленными символами и нарушает приоритет действий. Было сложно отмахнуться от слов Элиаша и следовать своим программам.

– Нам грозит опасность, – тихо сказал робот. – Фрэнки накачала тебя наркотиками.

Потный и дрожащий Элиаш вцепился в Паладина, встал и обнял робота.

– Останься, останься, останься, останься, останься – шептал он, прижимаясь лицом к его бронированному плечу.

Здесь было опасно, но Паладин хотел лечь рядом с Элиашем на узкую постель и навести свои датчики на человека, которого переполняла усиленная наркотиком страсть. Ему хотелось разглядеть в его лице отражение собственных сумбурных чувств. И он нашел компромисс между своими желаниями и программами.

Он снова уложил Элиаша в кровать и тоже лег, балансируя на краю матраса благодаря крошечным движениям сервоприводов. Его панцирь стал щитом для уязвимого тела человека.

Он находился лицом к Элиашу и одновременно спиной к нему, разыскивая потенциальные источники опасности. Он

положил свою ладонь на бок человека; ее крошечные иглы забирали образцы крови. Бот мог следить за каждым изменением в молекулярном составе тела Элиаша по мере того, как в его организме нарастала и спадала эйфория. Он мечтал о том, чтобы коснуться Элиаша каким-то другим способом – так, чтобы еще лучше понять, что происходит.

– Почему ты сказал, что это неправильно? – Элиаш дрожал; во время одного из пиков эйфории у него начались судороги. Он вгляделся в лицо Паладина, а его пальцы настойчиво вжались в грудь робота.

– То что мы делаем, не является неправильным. Я беспокоился о том, что ты в опасности. Но я могу тебя охранять.

– Но ты сказал, что это неправильно. Двое мужчин не могут лежать вместе. – Элиаш задыхался, его пульс подскочил во время галлюцинации. Он разговаривал с тем, кого сейчас здесь не было.

Паладин попытался вернуть Элиаша в реальность.

– Я Паладин. Я не человек, а робот. Я принадлежу Африканской Федерации.

Элиаш заплакал; соль его слез была неотличима от соли его пота. Паладин не знал, что сказать. Через несколько часов человек вряд ли что-нибудь вспомнит. Тело Элиаша снова напряглось в экстазе, губы обмякли, и он умолк. Робот не стал сопротивляться, когда человек повернулся к нему лицом, забросил руку и ногу на его панцирь и прижался к нему изо всех сил. Это было приятно, словно Элиаш наконец рассказал Паладину все, что тот хотел узнать.

Когда Элиаш наконец потерял сознание, Паладин отправил на сервер, где хранились обновления программ, два зашифрованных запроса, замаскированных под заявки. Это не вызовет никаких подозрений: никто из тех, кто следит за сетью, не задастся вопросом, почему робот окружает тайной свои обновления. А затем он стал ждать рассвета.

13: «Реткон»

13 июля 2144 г.

– Когда мы с тобой сбежим… господин? – жарко прошептал Тризед на ухо Джек, басом добавив в конец фразы почтительное обращение к клиенту. Они оба были голыми, и она обхватила ногами его узкие бедра. Хотя оргазм и несколько притупил мысли Джек, в ней мгновенно вспыхнули тревога и злость.

– Черт побери, да что с тобой, Тризед? – спросила она, откатившись в сторону.

– Просто не хочу, чтобы ты меня здесь бросила, когда вы разберетесь с этим вашим мезолимбическим путем. – Тризед провел пальцем по изгибу шрама, проходящего по груди Джек. Она все еще была немного влажная от его пота. – Что я должен здесь делать?

Они лежали на неразложенном диване, рядом со штабелями старых серверов и фабрикаторов. После целых двух дней, посвященных написанию программ и тестированию, у Джек совсем не осталось сил. Ей нужно было спать, а не трахаться. Она извернулась в объятиях Тризеда и пошарила в своем рюкзаке. Найдя пластинку пиратского «виджилайзера», препарата, усиливающего внимание, она проглотила одну таблетку – блестящую серебряную бусину. «Виджилайзер» прочистит ее сознание, и тогда она снова сможет работать.

Но когда препарат подействовал, она обнаружила, что думает только о Тризеде.

– А если куплю тебе франшизу? У меня хватит денег на базовый комплект гражданства, который позволит тебе работать и учиться здесь, в Саскатуне. А если захочешь переехать в другую точку Зоны, то апгрейд стоит дешево.

Тризед приподнялся на локтях.

– У тебя тоже есть местная франшиза? – задумчиво спросил он.

– Была, когда я жила здесь. Теперь у меня международная бизнес-франшиза, она дает мне права в пяти экономических коалициях. С ней я могу ехать практически куда угодно.

Хотя в свое время она неоднократно нарушала закон, франшиза у нее была всегда. Родители купили Джек франшизу сразу после ее рождения. Они имели семейный комплект, который гарантировал всем детям семьи Чен право владеть собственностью, устраиваться на работу, учиться и – если они этого захотят – переезжать в другой город. Лаки-Лейк был

крошечным, но все же настоящим городом, и деньги, полученные за предоставление прав, он тратил на жалованье полицейским и пожарным, а также на регулярную досыпку сетевых пылинок, чтобы все устройства работали бесперебойно.

Если бы ферма Ченов не приносила доход, тогда в восемнадцать лет у Джек не было бы франшизы и она смогла бы найти работу, только если бы заключила контракт. В ее школе училось несколько детей, которые оказались в подобной ситуации – по большей части это были аборигены, и они шли в кабалу, чтобы работать в службе охраны угодий или на одной из шахт на севере. Сейчас она впервые за несколько десятилетий вспомнила слова директора школы: он называл такие договоренности «культурным обогащением». Дети, работавшие по контрактам, жили в общежитиях рядом с историческими поселениями аборигенов, зарабатывали свои франшизы, глядя на традиционные ландшафты своей родины. Джек уже много лет не думала о своих одноклассниках. Слова директора школы эхом звучали в ее памяти; она посмотрела на лицо Тризеда и поняла, как же их всех тогда обманули. Часть из тех детей, вероятно, умерли на арктическом побережье, так ничего и не заработав, даже право распоряжаться своим собственным телом. Она подумала, нет ли в системе кабальной зависимости своей версии пиратства – и если да, то на что она похожа.

Тризед перевернулся на спину и стал разглядывать электрофлюоресцентные нити, продетые в жесткие панели потолка.

– Подумай об этом, ладно? – Джек села и застегнула отверстие на своем комбинезоне. – Саскатун – симпатичный город. Неплохое место для тех, у кого есть права.

Не успел Тризед ответить, как она скользнула вниз по лестнице.

Мед сидела за своим столом; вокруг нее в беспорядке лежали фабрикаторы и холодильники для проб. Робот держал в ладони белую мышку и, похоже, говорил с ней. Дэвид наблюдал за происходящим со свойственной ему серьезностью. Часы показывали 5:45 утра.

Мед и Дэвид не обратили внимания на Джек, но она попыталась завязать разговор.

– Зачем ты разговариваешь с мышью?

– Мы выясняем, стерли мы ему правильное воспоминание или нет. – Дэвид жестом создал в воздухе проекцию мозга мыши. Мозг размером с баскетбольный мяч завис над столом, медленно вращаясь. На нем яркими цветами были обозначены нейральные пути и молекулярные трансформации. – С помощью «закьюити»

мы создали у Бусинки зависимость от голоса профессора Коэн, а теперь подвергаем его связанному с зависимостью процессу, пока он находится под действием «реткона».

«Виджилайзер» вызывал приятные ощущения, но Джек все равно испытала благодарность к Катализатору, когда она принесла термос с кофе и горячую выпечку из кооперативной булочной на Бродвее. В этот час в лаборатории больше никого не было, но группа «Реткон» почему-то решила, что этот проект особенный. По крайней мере, именно из-за него Мед получила престижную должность в лаборатории. И кроме того, он был связан с таинственным присутствием Джек, а также с участием Криша. Ситуация, очевидно, заслуживала того, чтобы работать всю ночь напролет.

– Мед, ты когда-нибудь ешь или спишь? – с ухмылкой спросила Катализатор.

Мед вернула Бусинку в стоявшую рядом маленькую клетку.

– Нет, – ответила она как ни в чем не бывало. – Я робот. – Формальный тон немедленно дал понять, что она не шутит.

Катализатор собиралась запихать в рот кусок теплой, посыпанной корицей булочки, но внезапно остановилась.

– Правда? А как ты стала профессором?

– Ты что, никогда не слышала про лабораторию Коэна в Анкоридже? – насмешливо спросил Дэвид; он обрадовался возможности показать, что знает больше, чем аспирантка. – Там делают биороботов и воспитывают их автономными, совсем как людей.

Тризед спустился из лофта и направился к пакету с булочками, намеренно грубо протиснувшись мимо Дэвида.

– Да ну? – спросил он с сарказмом, глядя прямо в глаза Джек. – Людей так воспитывают? Автономными?

Дэвид, казалось, был сбит с толку. Но потом он, очевидно, решил, что нужно закрыть этот вопрос раз и навсегда, особенно так как его задал человек, который не является частью иерархической системы лаборатории.

– Да, – ответил он слегка снисходительным тоном. – Людям, в отличие от роботов, не нужны столь значительные инвестиции для размножения, и поэтому они попадают в кабалу только взрослыми – по собственной воле.

– Спасибо за урок о правах собственности, милый. – Тризед закатил глаза. Затем, взяв со стола неиспользуемый мобильник, он вышел из лаборатории.

– Дэвид, иногда ты такой кретин, – буркнула Катализатор.

– Ты иногда тоже! – парировал он.

Мед пожала плечами и проанализировала изображения,

которые получала из местной сети в режиме реального времени из огромного множества микроскопических устройств. Эти устройства, словно жидкость, распространялись по мозгу Бусинки и выясняли, что она делает под действием «реткона». Она вывела всю картинку на голографический «рабочий стол», создала трехмерное изображение и резким движением руки разрезала его.

Бусинка зашуршала в своей клетке.

Прибыл Криш, тоже с кофе и булочками. Он сел вместе с группой, словно студент, развернул свой завтрак и стал набирать команды на своем компьютере.

– Как успехи? Похоже, мы получили новые данные.

Джек провела рукой по воздуху, подталкивая в сторону Криша еще не проанализированные ломтики мозга.

– Тризед ушел из лаборатории с одним из наших мобильников. Что он делает?

– Наверное, он узнает, что такое автономия, – ответила Мед.

Тризед вернулся вскоре после полудня – в выцветшей толстовке с логотипом Саскачеванского университета. Выглядел он уже далеко не таким унылым, как раньше. Джек кивнула Тризеду, а он – ей: ссора осталась в прошлом. Их утренний разговор изменил связь между ними; благодаря ему вся эта история перестала казаться такой отчаянной.

Бусинка тоже чувствовала себя лучше. Похоже, что они удалили воспоминание, которое заставляло ее любой ценой – даже ценой собственной жизни – стремиться к голосу Мед. Ее дофаминовые рецепторы тоже неплохо восстанавливались.

Джек обратилась к группе.

– Думаю, мы готовы к «мягкому запуску». Давайте опубликуем данные о «ретконе» и посмотрим на отзывы.

Мед подняла взгляд.

– Я никогда еще не выпускала препарат вот таким образом – без испытаний.

– Мы уже знаем, что «реткон» подействовал в симуляциях и здесь, на Бусинку. – Джек похлопала по крыше клетки. – Это неплохо для начала. Затем мы получим результаты врачей, пациентам которых уже грозит смерть.

– Значит, это неофициальная первая фаза испытаний, когда ты проверяешь, не опасен ли препарат.

– Верно. Существует очень небольшая вероятность, что он может оказаться смертельно опасным для людей.

В разговор вмешалась Катализатор.

– Каждый препарат может представлять опасность. И все мы знаем, что такие компании, как «Закси», постоянно выпускают на

рынок дерьмо, не проводя никаких испытаний. Они получают освобождение в случае препаратов, которые назначает врач с лицензией от «Закси».

– Но у наших поставщиков не будет доступа к тем же клиникам, что и у «Закси», – сказала Мед.

– Так уж устроен мир непатентованных препаратов, – негромко сказал Криш. – И, кажется, ты уже знаешь группу подопытных, которым грозит гибель.

Теперь все смотрели на робота и ждали. Она была руководителем проекта «Реткон», и они ничего не стали бы предпринимать без ее одобрения.

– Ладно.

Группа сдержанно возликовала.

– Так, кто готов писать документацию?

Радостные крики превратились в стоны и смех. В конце концов Дэвид предложил свои услуги, а Катализатор сказала, что составит список групп Freeculture, к которым можно обратиться. Мед и Джек удалились в кабинет Криша, чтобы сообщить бывшим коллегам Мед в Йеллоунайфе о проведении неофициального первого этапа испытаний.

Ответ пришел в течение минуты: в Йеллоунайфе было шесть пациентов с опасными для здоровья желаниями заниматься уборкой в доме, вводить данные в компьютер и даже вытаскивать коробки из грузовика. Врачи хотели получить параметры «реткона» и документацию на него, а бывший начальник Мед обещал отправить все результаты в «Свободную лабораторию».

В это время Катализатор робко постучала в стеклянную дверь.

– Извините за беспокойство, но я только что увидела очень странное сообщение на икалуитском сервере генной инженерии.

Джек и Криш переглянулись.

– Ты о чем? – спросила Мед.

– Там была статья о том, что взрыв на солнечной ферме – на самом деле часть охоты на пиратов, которую МКС устроила в северной части зоны. – Катализатор умолкла и виновато посмотрела на Джек. – В числе подозреваемых – некто по имени Джек, и на фотографии этот пират немного похож на вас.

Все молчали, и поэтому в конце концов аспирантка заговорила снова:

– Вы – Капитан Джек из «Желчных таблеток»?

Джек и Криш расхохотались, применяя тактику, которую они довели до совершенства несколько десятков лет назад, когда они были на пике славы в андеграунде. Если представители власти или чужаки спрашивали у них, не являются ли они частью

«Желчных таблеток», их маскировкой было недоверие. Каким-то образом им удавалось изобразить его так, что оно не казалось наигранным.

– Ну, меня действительно зовут Джек, – сказала она, не переставая ухмыляться, – но я никакой не капитан.

– Даже не верится, что МКС все еще боится кого-то из «Желчных таблеток», – добавил Криш со смешком. – Они не действуют… уже сколько времени?

– Двадцать семь лет, – ответила Мед. И затем, словно оправдываясь, объяснила странную точность ее познаний. – В детстве я прочитала их локальную копию на сервере лаборатории Коэнов.

– Понятно, – сказала Джек.

Лето 2119 г.

Двадцать пять лет назад все в «Свободной лаборатории» знали, что она – Капитан Джек. А когда она стала спать с Лайлой, вскоре лаборатория узнала и об этом. Возможно, все дело было в том, что Лайла была столь же резвой, сколь ее татуировка – статичной. Она не делала секрета из своего увлечения: она хватала Джек, чтобы поцеловать в коридоре рядом с лабораторией, она радостно знакомила ее со своими многочисленными друзьями, которые в соответствии с последней модой были бунтарями.

Субботними вечерами Лайла являлась в «Свободную лабораторию», намазав губы старомодной красной помадой, завернутая в какую-нибудь безумную ткань из серебряных перьев и красных водорослей.

– Дорогая, колесница тебя ждет! – звала она Джек, и все в лаборатории смотрели, как они уходят рука об руку. Такая нарочитость заставляла Джек чувствовать себя неуютно, ведь она всегда стремилась к анонимной славе. Но для нее это был и повод для гордости: она же отправлялась на свидание с сексуальной девушкой, а не тупо коротала ночь в компании со своим мобильником.

Лайле многое сходило с рук, потому что она была чертовски умной. Ее диссертация о молекулярных «двигателях» получила награду как наиболее многообещающая работа молодого ученого и уже стала основой для нескольких методов лечения. Когда она получила грант, который позволял ей работать в любой лаборатории по ее выбору, о ее решении присоединиться к «Свободной лаборатории» сайты, связанные с наукой, писали на первых полосах. Об этом даже поведали несколько сайтов

«желтых» новостей, которые обожали ее за репутацию «плохой девчонки».

Хотя она весь день занималась исследованиями в лаборатории, ее интересовало только то, что она иногда принимала сноизбавители и бодрствовала целыми неделями напролет. Она была частью социальной сети, объединявшей художников и активистов, которые постоянно создавали, по их словам, «разрушительные стратегии», направленные на подрыв всех авторитетов – в культуре, экономике и науке. В основном это «разрушение» было связано с художественными выставками прекрасных, но бесполезных ГМО и модификаций тканей.

Джек не очень-то хорошо вписывалась в эту группу, но ей давали поблажку даже самые увлеченные «разрушители». А то, что ее арестовали в костюме пирата, сделало ее героем андеграунда, ведь никто из друзей Лайлы не сидел в тюрьме за активизм, хотя некоторых из них ненадолго задерживала полиция. Они занимали относительно привилегированное положение в обществе, и это становилось причиной бесконечных разговоров о том, кто из их круга может по праву говорить от имени «жертв системы».

Когда субботним вечером друзья Лайлы входили в «Дом лапши» на Бродвее, все вырядившиеся и модифицированные, они были ожившими персонажами видеоигры. Их сверкающие ультралегкие доспехи и красочные ткани всегда привлекали внимание. Они привлекли еще больше внимания к себе, когда около полуночи прибыли туда, куда собирались – в клуб для хакеров под названием «Закопанный космический корабль».

Да, конечно, он был набит тусовщиками – юношами и девушками, которым нравилась не сама наука, а атмосфера «дома безумного ученого». Но Джек все равно нравилось это заведение. На черных высоких стенах поблескивали звезды и планеты, а также огромная фреска с изображением зазубренного ледяного края кратера, в который врезался «корабль». К балкам потолка был подвешен древний беспилотный летательный аппарат; к его изящному корпусу и толстому носу крепились прочные прозрачные кабели.

Вдоль длинного изогнутого бара в ряд стояли декорации – реплицирующие машины из старого фильма «Звездный путь»[9]. В некоторых из них – для большего эффекта – даже были фабрикаторы. Бармены приводили новичков в восхищение, предлагая им ромуланский эль.

Мозг часто запоминает детали, которые кажутся банальными. Джек едва могла вспомнить масштабную вечеринку в честь дня рождения Лайлы, а ведь ее готовили в течение нескольких

недель. Однако ее память сохранила каждую мельчайшую подробность одного весеннего вечера в клубе, когда погода еще требовала носить шапки и пуховики. Они с Лайлой встречались уже пару месяцев и страстно обнимались, слушая гулкий бит, который местная группа выцарапывала из мерцающего воздуха. На руках музыкантов поблескивали датчики. Стробоскопы освещали беспилотник, который при жизни был разведчиком, а после смерти попал в загробный мир психоделических преступлений.

Именно тогда Джек увидела в зеркале, как они танцуют на границе танцпола – и на мгновение ей показалось, что они чужие друг другу.

Лайла в пенистом платье из проволочной сетки и яркого, прозрачного полимера раскачивалась, мотала головой с безумной ухмылкой на лице. Джек в изношенной футболке «Freeculture» и темных брюках развела руки в стороны. Пусть все знают, что она – рядовой ученый и что все ее достижения – мертвый сайт и арест. В ту минуту, когда она смотрела, как сама прыгает вместе с Лайлой, она поняла, что женщина в зеркале не неудачница. Она куда-то движется: может, и не туда, куда предполагала, но к чему-то хорошему. Джек закружилась, увидела небеса, нарисованные на стенах, и поняла, что больше не живет среди обломков своих старых ожиданий.

В «Свободной лаборатории» она была слишком поглощена работой и слишком без ума от Лайлы, и поэтому не заметила, что Криш из вежливо сдержанного стал вежливо враждебным. Наконец, во время одного из все более редких в последнее время ужинов «для обмена мнениями» он решился об этом сказать.

– Твой роман с Лайлой наносит большой ущерб лаборатории.

– Ты о чем, черт побери? – Его слова застали Джек врасплох.

– Лайла гениальная, но сумасшедшая. Меня беспокоит то, что произойдет, если отношения между вами испортятся.

– Думаешь, она сбежит и ты потеряешь ее грант?

– Брось, Джек. Меня больше пугает мысль о том, что она останется и вам придется работать вместе.

– Но мы с тобой работаем вместе.

Он посмотрел на недоеденный сэндвич на своей тарелке.

– Это другое. Ни ты, ни я не являемся печально известной Лайлой Аль-Ажу.

Ночью, забравшись под самонагревающееся одеяло, Джек и Лайла говорили о том, что Криш ревнует – к их отношениям, к их будущему, ко всему.

Но Лайла сказала, что в одном Криш прав. Она действительно безумна. В ее роду было много сумасшедших

женщин.

– Моя мать говорит, что умные женщины всегда не в себе. Возможно, она права.

Джек попыталась обнять и полностью обвиться вокруг Лайлы, закрыть ее, словно щитом.

– Это похоже на какую-то лженауку двухсотлетней давности, – прошептала она.

Лайла покачала головой.

– Нет, – настаивала она. – Ты не понимаешь.

Слова полились из нее потоком. Когда Лайла была маленькой, ее бабушка утратила связь с реальностью; соединения нейронов в ее мозге полностью забились и вызвали деменцию. В то время лечить от накопления белков в районе синапсов не умели. Старушка думала, что все еще участвует в марше за избирательное право женщин Залива. Лайла просыпалась, слыша, как ее бабушка скандирует феминистские лозунги в гостиной. Иногда она просто выходила из дома и кричала на улице.

Мать и тетушки Лайлы были опозорены. Сначала они держали мать взаперти, затем сдали ее в хоспис. Каждая из них по-своему верила, что их мать сошла с ума еще до того, как у нее началась деменция. Она приходила в ярость, видя, как ее дочери – очень религиозные – закрывали головы и лица, прежде чем ехать на участок голосовать за правых кандидатов.

Но мать Лайлы не интересовалась политикой; она просто хотела стать врачом, и поэтому уехала в Дубай изучать медицину. Оказавшись там, она узнала то, о чем и не подозревала бабушка-феминистка Лайлы: равные права не означали равных возможностей. Ее преподаватели полагали, что она будет заниматься микробиологией лишь до тех пор, пока не встретит мужчину, за которого выйдет замуж. Когда она требовала дать ей больше времени в лаборатории, они осторожно сочувствовали ей и по-отечески давали советы. После нескольких лет, полных разочарования, она уступила их психологическим манипуляциям, но скопила в себе такую злобу, с которой могли сравниться только ее планы на будущее ее гениальной дочери Лайлы.

Как только Лайле исполнилось тринадцать, мать отправила ее в элитную школу в Зоне, подальше от дома и друзей – и от городов, в которых женщины не могли быть учеными. С Лайлой она общалась только для того, чтобы узнать о ее оценках, ее занятиях, ее успехах. Если Лайла признавалась в том, что у нее есть друзья или интересы, не связанные с обучением, мать угрожала порвать с ней.

В каком-то смысле Лайла исполнила мечты матери. Она стала биотехнологом-вундеркиндом и постоянно ставила

эксперименты, даже после того как лаборатория закрывалась на ночь. Когда она приехала домой в то лето, когда ей исполнилось восемнадцать, у нее была депилированная, покрытая татуировками голова, а из тыльных сторон ладоней росли цветы. Двоюродные братья и сестры называли ее шлюхой. Но ее мать была убеждена, что на самом деле все еще хуже – что Лайла слишком много времени тратит на политику и поэтому не может считаться настоящим ученым. Заигрываний с модными течениями в синбио было недостаточно для того, чтобы доказать свою верность медицине.

Семья оплачивала ее франшизу в Зоне, и поэтому Лайла слушалась родных и закрывала свои цветы, когда приезжала в Персидский залив. Но как только она смогла обеспечивать себя за счет гранта «Свободной лаборатории», она заблокировала входящие сообщения от всех родственников. Правда, даже после этого она постоянно чувствовала, как мать осуждает ее, словно в митохондриальной ДНК Лайлы содержался список всех ее недостатков.

– Это сводит меня с ума, – сказала Лайла – возможно, уже в четвертый раз за ночь.

Джек посмотрела в глаза Лайлы с кругами потекшей косметики и увидела только остатки наполненного страданиями детства, суровую историю жизни. Боль, которая со временем утихнет.

– Ты не сумасшедшая. Просто в твоей жизни полно дерьма.

– Да, дерьма полно, – рыдала Лайла, и ее слезы остывали, стекая по шее Джек на подушки. – Я занимаюсь любимым делом, но мне все равно кажется, что я осуществляю ее коварный план.

В ту минуту их отношения из интрижки превратились в долгосрочный пакт. Джек и Лайла говорили о том, что уедут отсюда вместе, сбегут из университетской клетки и займутся генной инженерией на воле. Многие молодые люди из стран Залива, получившие образование в Зоне, поселились в северной части Федерации, и у Лайлы там были друзья. Когда ее слезы высохли, она заговорила о том, как удивительна Касабланка, что в ней полно первоклассных ученых и что такие инженеры, как они, легко найдут там интересную работу.

В конце концов, мечта Лайлы о Касабланке показалась им обеим более реальной, чем будущее в «Свободной лаборатории». Когда в прерии пришло лето, покрыв холмы за городом миллионами желтых цветов канолы, Джек и Лайла решили уехать.

Обед с Кришем, который состоялся после принятия этого решения, прошел неудачно.

– Ты что творишь, мать твою? Хочешь снова бросить карьеру? – сердитым шепотом кричал на нее Криш. Они сидели в обычном кафе, где продавали сэндвичи, но в углу пила компания студентов из «Свободной лаборатории», и Криш не хотел, чтобы они узнали о его личной жизни.

– Я не бросаю свою карьеру. Найду себе работу в генной инженерии – ну, ты знаешь, в реальном мире, за стенами университета.

– Это будет настоящая потеря. – Каждое слово Криш произнес так, словно оно заключало в себе приговор. Вид у него был яростный и печальный. – Джек, ты же талантлива. Ты могла бы принести большую пользу, создавать лекарства, которые выпускали бы по открытой лицензии. В частной компании тебе такого не позволят.

– Криш, я всегда буду создавать непатентованные препараты. – Она сжала его руку, внезапно тронутая этим проявлением заботы. – Последовательность ДНК хочет быть свободной.

13 июля 2144 г.

Прежде чем уехать из Саскатуна, Джек нужно было разобраться с одним небольшим делом. Быстро пройдя по берегу реки, она положила остатки своих препаратов на арку под мостом Бродвей-бридж, а через несколько минут получила сумму в валюте Зоны, переведенную в безупречно анонимной манере.

У нее есть деньги, ее машина заряжена, а вещи упакованы. Теперь ей предстояла сложная задача: избавиться от Тризеда.

Он сидел на широкой, залитой солнцем лестнице перед лабораторией с мобильником, который позаимствовал в «Свободной лаборатории». На нем все еще была толстовка с логотипом Университета Саскачевана, и она внезапно привлекла внимание Джек.

– Где ты взял эту толстовку?

– Ее мне дали мальчики, у которых магазин секонд-хенда на Бродвее, – ответил он, а потом добавил, словно невзначай: – Они готовы дать мне работу. Я сказал, что вернусь с документами на права.

Это был хороший знак. Джек улыбнулась.

– У меня есть деньги, чтобы купить твою франшизу. А если захочешь учиться в университете, то Мед или Криш наверняка помогут тебе подать заявку. Создашь себе новую личность, и у тебя появится право заниматься другими видами работ.

– Я знаю, что ты уезжаешь и не хочешь брать меня с собой, –

сказал Тризед с непроницаемым лицом.

– Здесь опасно. Мне нужно исчезнуть.

– Где еще ты получишь то, что могу дать я? – сказал он с сарказмом, словно уличный проныра, откидываясь назад и приподнимая край толстовки, чтобы показать плоский живот.

Она взъерошила ему волосы и через силу улыбнулась.

– МКС уже объявила меня в розыск как террористку.

Не обращая на нее внимания, он уставился на мобильник. Его пальцы дергались, словно он набирал сообщение. Может, так оно и было.

– Я оставлю тебе деньги, которых хватит на месяц. Наверняка ты сможешь поселиться у Мед. Кровать ей все равно не нужна. – Она наклонилась, чтобы поцеловать его, и он целомудренно чмокнул ее в губы.

– Уверена, Криш не станет забирать у тебя этот мобильник. Поставь на нем защиту, и я переведу тебе деньги.

– Ладно. – Казалось, он смирился со своей судьбой. – Спасибо за приятно проведенное время. Было весело.

Она поднялась по лестнице в «Свободную лабораторию», рассеянно заглянула в почту и увидела сообщение от Тризеда.

И спасибо, что убила козла, у которого я был в рабстве.

На секунду ее переполнили сильные, противоречивые чувства – к Тризеду, к людям, которых давно не стало. Затем дверь у нее за спиной закрылась, и Джек заставила себя смотреть на лабораторные столы. Любит она Тризеда или просто думает, что с ним приятно трахаться, – это не важно. Все равно она не могла ничего изменить.

К счастью, Мед отвлекла ее новостями из Йеллоунайфа. Оказалось, что «реткон» действует невероятно быстро: всего через несколько часов три пациента, не получавших плацебо, перестали стремиться к деятельности, связанной с привыканием, и снова стали принимать пищу. У них остались обрывочные воспоминания о последних днях, но дополнительных когнитивных проблем у них не обнаружили.

Робот хотел рассказать Джек больше о действии «реткона» на мозг пациентов, а Дэвид – об улучшениях, которые он внес в документацию незапатентованных препаратов. Но прямо сейчас Джек была не в состоянии их слушать. Проект «Реткон» был полностью открытым, и поэтому она могла следить за их успехами на сайте «Свободной лаборатории».

Мед согласилась присмотреть за Тризедом, а Криш поручил сисадмину дать Тризеду полный доступ к мобильнику.

Так что у Тризеда есть, по крайней мере, два друга, на которых он мог положиться.

Эта мысль успокаивала Джек, пока она выводила машину на шоссе. Садящееся солнце повсюду создавало длинные темные скелеты из теней, которые казались почти комически угрожающими. По обеим сторонам от дороги стояли идеально свернутые рулоны проса; они ждали, когда их погрузят в вагоны и превратят в топливо. На густых кустах все еще виднелись темные грозди кислых саскатунских ягод. Воздух был теплый, но не пыльно-горячий, а небо казалось прозрачной и жесткой синевой, которую слегка смягчали холмы по краям. Этот вид заставил Джек – возможно, уже в тысячный раз – задуматься о том, почему люди называли Саскачеван плоским.

Город исчез, и впереди ждала только дорога.

14: Другое, истинное «я»

12 июля 2144 года

Когда мозг Элиаша с треском перешел в режим бодрствования, его тело попыталось убить Паладина. Все еще сонный и напуганный, Элиаш дернулся, чтобы включить оборонительный периметр, затем яростно схватил робота за шею. Они сползли на край крошечной кровати, и она затрещала под их весом. Элиаш не мог задушить Паладина, но в ответ на любое движение периметр Элиаша создаст мощный электрический импульс, который мог нанести ущерб боту. Паладин застыл; его голова находилась на одном уровне с головой Элиаша, датчики анализировали микроскопические изменения в лицевых мышцах человека, чтобы определить, когда истерия пойдет на спад.

– Элиаш, я уже проанализировал препарат, который Фрэнки ввела в твой организм, – в конце концов произнес Паладин. – Его создатели позаботились о том, чтобы он не обладал долгосрочным эффектом и не вызывал зависимости. Более того, он содержит элемент, благодаря которому большинство людей не будут стремиться принять его еще раз.

Содрогнувшись, Элиаш убрал руки с шеи Паладина и отключил оружие.

– Твою мать. Извини, дружище, – прошептал он. – Я знал, что может произойти что-то подобное, и должен был тебя об этом предупредить. – Он сел, прижимаясь потной спиной к стене и тщательно выбирая положение позади все еще лежащего Паладина. – Очень хочется пить.

Боту понадобилась всего секунда на то, чтобы опуститься на пол и встать рядом с кроватью. Он подошел к маленькому блестящему крану с питьевой водой, расположенному под серой лейкой душа. На полке для умывальных принадлежностей, которая была привинчена к стене, стоял стакан из пеноматериала. Пока Паладин наполнял его, он наблюдал за тем, как Элиаш закрывает свою грудь легкой рубашкой. Робот решил, что сохранит, но будет очень редко открывать файл со словами Элиаша, которыми он описывал всегда непокрытое тело Паладина.

– Это может показаться парадоксальным, но нам повезло, что я не был пропатчен от препарата Фрэнки. – Элиаш осушил стакан. – Она решила подшутить над нами, и если бы я оказался слишком неуязвимым, это выглядело бы подозрительно.

Когда Паладин сел на кровать рядом с Элиашем, тот положил

на плечо руку. Рука уже не дрожала.

– Вчера ночью мы хорошо поработали. Инфу добыл?

– Кажется, да. – Паладин рассказал Элиашу о связи с «Желчными таблетками» – изданием, из-за террористической деятельности которого Джек оказалась в тюрьме. На сайте группы все писали под псевдонимами, но у МКС были досье на большинство из них. Хотя «Желчные таблетки» были официально распущены после ареста Джек, стоявшие за ними пираты, похоже, много лет поддерживали связь друг с другом.

Синяя Борода была частью группы – так же как Фрэнки и Джек. Так же как и инженер интерфейсов из Ванкувера по прозвищу «Актин»; настоящее имя – Бобби Бронер. Криш Пател, знаменитый биомедик-исследователь из Саскатуна, был известен как «Капитан Немо». Еще один бывший автор работал врачом в Йеллоунайфе – «Постчеловек», она же Малика Эллул. Еще двое уже умерли.

– Возможно, Джек по-прежнему сотрудничает с «Таблетками» и один из них ее укрывает, – закончил Паладин.

– Может, Джек и пират, но она не дура, – с сомнением заметил Элиаш. – Она уже знает, что мы ее выслеживаем, и все силы она бросит на то, чтобы спасти свою шкуру. Находиться рядом с человеком, чье имя тесно связано с ней, – просто глупо.

– Я не верю, что их имена тесно связаны, – объяснил Паладин. – Из открытой сети удалена почти вся информация о «Желчных таблетках». Данные о них я получил от разведслужбы МКС.

Рука Элиаша все еще лежала на плече паладина.

– Ладно, буду знать. Давай пока займемся Фрэнки, а насчет остальных решим позже.

Было еще рано, и их потенциальные источники сведений, скорее всего, спят после вчерашней вечеринки. Элиаш умирал от голода, и поэтому объявил, что они убьют двух птиц одним камнем, позавтракав в кафе рядом с «Твин сентер». Это было местное заведение для афтепати, место, где они могли и дальше извлекать выгоду из знакомств, которыми обзавелись вчера. Элиаш принял душ, и они отправились в центр города. В воздухе летала пыльца, а также отдельные молекулы из моря.

Паладин размышлял о своем мозге.

Рано утром он обнаружил, что на серверах лагеря «Тунис» его ждет сообщение с завода «Кагу роботикс». Похоже, его просьба была столь необычной, что ее передали робоадмину, и он написал следующее:

Обычно мы не сообщаем личные сведения о донорах органов нашим биороботам. Но поскольку вы являетесь реципиентом

органа, мы решили, что сможем передать вам часть информации о нем – при условии, что вы примете эту надстройку для управления собственностью, которая помешает вам поделиться конфиденциальными данными с кем-то еще.

К сообщению был прикреплен файл, который можно было открыть только в приложении, предназначенном для защиты коммерческих тайн. Паладин открыл его и обнаружил, что чем больше он узнает, тем меньше может об этом рассказать.

Оказалось, что его мозг когда-то принадлежал солдату по имени Дикеледи [Фамилия удалена]. Как и Паладин, она служила Африканской Федерации по кабальному контракту. В файле говорилось о том, что Дикеледи погибла при исполнении служебных обязанностей, однако о причине смерти умалчивалось. Очевидно, она умерла так, что ее мозг не был поврежден и его извлекли из нее в тот день, когда был создан Паладин. У него не сохранилось никаких воспоминаний об установке мозга; он знал только то, что мог различить тысячи человеческих лиц и мгновенно определять их эмоции.

Во время создания Паладина робоадмин «Кагу» сказал ему, что мозг позволяет ему обрабатывать информацию, связанную с распознаванием лиц. Но роботы-«руки» на заводе сказали, что мозг не нужен, что он – просто рекламный трюк. Клык повторил эту фразу. В результате Паладин не мог понять, что значит для него этот мозг и зачем он ему.

Робот поковырял программу-надстройку, в которой заключалось его знание, и попытался определить, что он может рассказать Элиашу. Возможно, он сумеет передать больше информации, чем предполагала программа управления правами, если правильно построит фразу.

– У меня есть личная информация, о которой я хочу узнать твое мнение, – сказал Паладин в порядке эксперимента. – Я получил информацию с завода «Кагу роботикс» о моем мозге. Он принадлежал одной женщине, жительнице Федерации. – Все это была открытая информация. Паладин не мог сказать, чей это мозг, но мог обозначить ее местоимением. – Она дала мне этот мозг, но я не знаю, имеет ли он значение. Другие роботы утверждают, что он – просто рекламный трюк.

– Она? Кто она? – Элиаш остановился под пальмой. Горячий ветерок растрепал его волосы.

– Я не могу тебе сказать.

– Но ты знаешь?

– Да.

Элиаш ухмыльнулся и, как и раньше, постучал по панцирю Паладина в том месте, где был мозг.

– Это просто фантастика! Теперь ты знаешь, кто ты на самом деле! – Он помолчал. На его лице отразилась целая гамма чувств, которую быстро сменила одна из его редких усмешек. – Кто мог подумать, что ты – женщина?

Они пошли дальше. Элиаш время от времени поглядывал на Паладина и, вероятно, хотел что-то сказать, но сдерживался.

Паладин провел тщательное исследование слова «пидор» и, наконец, отчасти его понял. Поэтому он знал, что человеческий гендер являлся частью сексуального желания. Но он начал осознавать, что гендер, кроме того, – инструмент ощущения мира. Боевых роботов, особенно таких бронированных, как Паладин, почти всегда называли «он». Люди связывали гендер с поведением и работой, при этом часто игнорируя анатомию. Гендер был одной из форм общественного признания.

Вот почему люди присвоили ему гендер еще до того, как он получил имя.

Когда они подошли к кафе, Паладин ощутил в ветре следовые элементы поджаренного мяса. Они распространялись от фальшивого британского паба, на котором даже была вывеска с надписью: «ТАКИЕ ЗАВТРАКИ ЕЛИ ПОДЛИННЫЕ АНГЛИЧАНЕ В ЭПОХУ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ». Было еще совсем рано, клиентов было мало, но в кафе уже сидели несколько семей и большая компания растрепанных тусовщиков, в телах которых все еще гудели метаболизированные вчера наркотики и гормоны.

Прежде чем они вошли, Элиаш повернулся к Паладину и посмотрел снизу вверх в лицо робота. Паладин вдруг понял, что человек ищет одно из тех выражений, которые Паладин всегда пытался разглядеть на лицах людей.

– Может, мне теперь называть тебя «она»?

Паладину, как роботу, было все равно, какими местоимениями пользовались люди. Как говорил Клык, гендер – это то, что люди проецируют на роботов. Местоимения не играли никакой роли. Это будет просто замена одного символа другим. Но затем Паладин подумал о выражении лица Элиаша, которое в данный момент колебалось между желанием и страхом. Ну конечно: если Паладин – женщина, значит, Элиаш не пидор. И тогда Элиаш, возможно, снова прикоснется к Паладину так, как прошлой ночью – давая и получая удовольствие с помощью незадокументированной петли обратной связи.

Паладин понял, что у него впервые есть выбор, который может изменить его жизнь. Он подумал об этом в течение многих секунд, а потом ответил.

– Да.

Когда они вошли в паб, их руки соприкоснулись, и Паладин

взял микрообразец крови человека. Уровень окситоцина в крови Элиаша немного вырос – и на этот раз без влияния препаратов.

Внутри они обнаружили тусовщиков. Кое-кто из них кайфовал от пиратской «эллондры» прошлой ночью, когда Фрэнки ввела препарат в организм Элиаша.

– Эй, да это же Алекси! – Светлокожий человек театральным жестом снял с головы ярко-красную шляпу. – Вчерашняя ночь была просто эпической. Алекси был пропатчен от «эллондры», и поэтому Фрэнки уложила его с помощью особого препарата! – Он ухмыльнулся Элиашу. – Роботу пришлось нести тебя домой.

Элиаш застенчиво пожал плечами.

– Да, я реально был в отключке. Но, по крайней мере, меня не вырубила такая простая штука, как «эллондра».

Красная Шляпа издал смешок, похожий на трель, и жестом пригласил их подойти.

– Выдам тебе маленький секрет: «эллондры» никто из нас не боится. Она супер.

Элиаш и Паладин подтащили стулья и сели рядом с Мехой и Славоем, которые были не против новых поводов столкнуться друг с другом и похихикать.

Оказалось, что Красная Шляпа – это Хокс-2, человек, который управлял заведением в «Твин сентер», где они были вчера ночью. Прибыла еще одна группа осоловелых людей в прозрачной броне, и Хокс-2 снова рассказал о событиях прошлой ночи, еще больше приукрасив момент применения препаратов.

– Он всегда носит тебя домой с вечеринок? – Хокс-2 указал на Паладина.

– Она, – ответил Элиаш, поедая яичницу.

– Что? – Хокс-2 и люди в прозрачных доспехах, похоже, были сбиты с толку. Славой и Меха принялись целоваться.

– Она – это она, – объяснил Элиаш. – И, кажется, она впервые уносила меня домой. А эта вечеринка проходила у тебя дома?

Так Элиашу удалось направить разговор в другое русло. Помещение в подвале, очевидно, было одной из любимых тем для Хокса-2, возможно, она нравилась ему даже больше, чем разговоры о принудительном принятии наркотиков.

– Формально это место для лабораторной работы, так? – Он поднял брови, словно заговорщик. – Раньше там была официальная свободная лаборатория, но сейчас мы разрешаем людям разрабатывать препараты по смешанным лицензиям. Работа должна приносить человеку прибыль, так?

Эта реплика, похоже, уже неоднократно обсуждалась в данной компании; кто-то считал, что свободные лаборатории лучше для общественного прогресса, а другие – что патенты дают

людям стимул изобретать что-то новое. Завтрак шел своим чередом; Меха поднялась, чтобы уйти. Хокс-2 тоже встал, поправил шляпу и объявил, что должен вернуться в подвал и заняться уборкой.

– Заходи днем, – сказал он Элиашу. – Фрэнки делает доклад, посвященный бесплатным инструментам для анализа функций белков. – Уходя, Хокс-2 похлопал Элиаша по голове. – Да, и его тоже приводи!

– Ее, – буркнул Элиаш, глядя в чашку с остывшим чаем.

Наконец, Элиаш коснулся запястья и перевел немного денег одному из людей в прозрачных доспехах, которые собирали плату за еду. Затем он тоже встал.

– Пойду вздремну, а потом загляну послушать доклад Фрэнки.

Славой помахал им обоим.

– Пока, Алекси и Комплект! До встречи!

Они молча пошли в гостиницу среди толп покупателей, уклоняясь от похожих на яйца электромобилей.

Как только они вошли в номер, Элиаш повернулся к Паладину и схватил ее с уже знакомой роботу настойчивостью. Она нежно обняла его и наклонила голову, чтобы он мог поцеловать тонкую сетку над ее синтезатором голоса. В месте, которое Элиаш посчитал бы ртом, не было пьезодатчиков, поэтому она не почувствовала ничего, кроме легкого давления на корпус головы. Но ее руки и ноги уловили молекулы на теле человека, которые были связаны с сексуальным возбуждением.

– Неспроста я тебя хотел, Паладин, – прошептал Элиаш. – Наверное, я как-то понял, что ты – женщина.

Вот она: антропоморфизация. Но какая разница, понимает или нет Элиаш, что у роботов нет гендера? Если Элиаш считает ее женщиной, значит, Паладин может получить то, о чем мечтает уже несколько дней… Так будет проще для них обоих, даже если истина сложнее, чем кажется Элиашу.

Элиаш провел руками по ее панцирю, находя края пластин брони и пытаясь просунуть пальцы между ними и почувствовать сплетенные волокна мышц Паладина.

– Ты такая приятная.

Он прижался к ней всем телом и выключил свой оборонительный периметр. Это ощущение вызвало в Паладин болезненное чувство страха и стремление защитить. Сейчас только она оберегала его от опасности.

У Элиаша ускорился пульс, и он отодвинулся от нее.

– Пойдем в постель, Паладин, – сказал он, хватая ее за руку.

Он направился в комнату. Она последовала за ним и стала

наблюдать за тем, как он снимает с себя одежду и прозрачную сеть датчиков, которую он бросил невидимой грудой на полу.

Элиаш подвел ее к кровати. Она позволила ему уложить себя на кровать и залезть на нее. Его грудь блокировала отверстия ее пулеметов. Его раскрасневшееся лицо прижалось к изгибу ее шеи. Она впервые ощутила прикосновение к себе его полностью обнаженного тела и положила свою руку к узлам мышц в его нижней части спины. Он изогнулся и вздохнул от удовольствия, которое – как знала Паладин – она вызвала так же легко, как и препарат Фрэнки.

Когда сердцебиение Элиаша наконец замедлилось, он, потный, лег на нее и провел пальцами по руке, которую модифицировал Ли.

– Что ты чувствуешь? – сонно спросил он.

– Я чувствую… давление и движение. Я могу взять образец твоей крови и узнать, есть ли в ней пролактин.

– Это приятно?

– Если я знаю, что это ты и что я защищаю тебя, то мне приятно.

Он сел и взглянул ей в лицо.

– А роботы могут… кончать? Испытывать оргазм?

Паладин немного подумала о том, что Элиаш имел в виду под словом «оргазм», и попыталась найти какое-то эквивалентное ощущение.

– Мне всего несколько месяцев, и поэтому мои знания о незадокументированных функциях еще неполны. Но у меня есть программа, которую я скачала с сервера роботов в лагере «Тунис». Она вызывает некоторые из физических симптомов оргазма.

Пульс Элиаша снова участился.

– Можно посмотреть, как ты его воспроизводишь? – Он снова прижался к ней всем телом, начиная возбуждаться.

– Это небезопасно, если твое оружие отключено, ведь файл вызывает у меня перезагрузку.

Элиаш натянул через голову легкую сетку с датчиками, подождал, пока она туго заплетется на нем, подключаясь к его подкожной сети.

– Ложись на бок, и тогда я тебя прикрою, – шепнул он, заворачиваясь вокруг ее торса и головы, защищая ее ноги своими. Хотя его периметр и не был нацелен на Паладин, она все равно убедилась в том, что он работает в безопасном режиме.

– Сейчас я включу воспроизведение, – сказала она.

Она открыла исходный файл. Программа заработала: «червь» стремительно размножал бессмысленные данные внутри нее, пока она смотрела, как спасает человека на поле боя в игре. Паладин

почувствовала, как руки и тело Элиаша двигаются по ее панцирю, усиливая общее ощущение от неправильных сигналов, поступающих на ее датчики. Наконец, это стало невыносимо: ошибки заполнили ее разум, по ней прошла волна приятного смятения, и Паладин упала в его объятия.

Когда она перезагрузилась, Элиаш по-прежнему находился в защитной стойке рядом с ней, поглаживая броню вокруг ее мозга.

– Уже проснулась? – Он поцеловал ее в затылок.

– Да.

– Отлично, потому что мне реально нужно поспать.

– Теперь ты в безопасности.

Он ослабил хватку. Она поднялась с кровати и встала в центре комнаты, чтобы охранять его.

Когда дневная жара начала спадать, Элиаш проснулся, проверил сообщения и еще раз принял ванну. Затем они отправились слушать доклад Фрэнки.

– Обращай внимание на все, что Фрэнки делает в сети, и постарайся получить доступ к ее переписке, – сказал он. – Нам нужно убедиться, что в последнее время она общалась с Джек. Если это так, то мы перейдем к полномасштабному допросу.

Когда они прибыли в дом Хокса-2, он представлял собой нечто среднее между разгромленным залом для вечеринок и лабораторией. Люди наливали себе вчерашнее пиво. В центре длинного лабораторного стола, делившего танцпол на две части, стоял куб-проектор, и Фрэнки загружала в него данные.

– Что, Алекси, легкое похмелье? – рассмеялась она, заметив появление Элиаша и Паладина.

– Не настолько сильное, чтобы я не смог вернуться сюда. Хочу увидеть, умеешь ли ты делать что-то, кроме того как накачивать наркотиками неосторожных инженеров.

– Я польщена. – Фрэнки продолжила жестами управлять проектором.

Паладин настроилась на местные радиоволны, стала искать способ подключиться к серверу, которым пользовалась Фрэкни. Когда слушатели стали ставить стаканы с пивом на стол, у Паладин появился шанс: Фрэнки подключила свои очки к устройству для синтеза белков, которое сняла с полки. Следя за обменом данными, Паладин смогла захватить пароль.

В ходе доклада наступил момент, когда Фрэнки уже не нуждалась в устройстве для синтеза. Она разорвала подключение. Теперь Паладин могла отправить код авторизации на очки Фрэнки, которые уже были настроены принимать подключение от этого устройства, не задавая лишних вопросов. Паладин

проникла внутрь и, быстро прыгая по папкам, нашла последние сохраненные сообщения. Они были зашифрованы с помощью очень старого алгоритма, который удалось вскрыть всего через несколько секунд. Одно из сообщений явно пришло от Джек, хотя его место отправления было скрыто – сообщение поступило через сервер, находящийся в исследовательской лаборатории на Луне.

Останови производство «закьюити» до тех пор, пока я не вернусь. Эта дрянь очень опасна. Много летальных случаев в Зоне. Осенью меня не жди – возможно, мне придется залечь на дно.

Фрэнки ответила: «С моей стороны никаких проблем. Береги себя».

Настало время вопросов и ответов, и вскоре доклад превратился в дискуссию о «Гадюке», языке, на котором она написала программу для проверки ошибок в путях фосфорилирования[10]. Трое разработчиков, сидевших в конце стола, были крайне увлечены новым языком под названием «Эммолайт», который создали какие-то исследователи из свободной лаборатории в Азиатском Союзе. Они заметили, что он решил бы часть проблем со структурой данных в ее программе.

– Ох, ну что за дерьмо! – простонала Меха, которая сидела рядом с Паладин. – Неужели это будет еще один спор «что лучше, «Эммолайт» или «Гадюка»? – Она заговорила громче: – Свою программу она написала на «Гадюке»! Все, проехали! Можно нам, блин, поговорить о фосфорилировании?

– Да, кажется, мы отклонились от темы, – согласилась Фрэнки.

Это стало сигналом к началу общей дискуссии, а для нескольких людей – к тому, чтобы налить себе еще пива.

Паладин передала свои сведения на периметр Элиаша. Он тем временем пытался втереться в доверие к Фрэнки и «Хрену», который только что спустился из лофта.

– Эта программа очень пригодилась бы мне на прошлой работе, – сказал Элиаш Фрэнки. – Как ты ее назвала?

Не обращая на него внимания, Фрэнки негромко переговаривалась с «Хреном». Элиаш притворился, что разговор его не интересует, и посмотрел на свое запястье, чтобы проверить сообщения. Увидев данные, он бросил взгляд на Паладин. «Отлично!» – читалось на его лице.

Наконец Фрэнки повернулась к Элиашу:

– Я ее еще не выпустила, малыш. Но вечером, возможно, брошу то, что у меня есть, на сервер Хокса.

Не оглядываясь, она пошла наверх.

А вот Меха, напротив, хотела поболтать.

– Фрэнки – настоящая перфекционистка. Не огорчайся, что она не хочет показывать тебе программу. Фрэнки – она такая.

Элиаш посмотрел на пучок розовых волос Фрэнки и бугристую голову «Хрена», входивших в лофт.

– Она живет здесь с Хоксом-2, что ли? – спросил он, играя со своим стаканом.

– Нет, в старом городе, недалеко от кафе, где мы встретились.

– Мне нравится тот район, – продолжал Элиаш. – Я тоже думал, чтобы снять там квартиру.

– В нем многие наши живут. Там дешевле, чем в центре.

– Достаточно дешево, чтобы снимать в одиночку?

– О да, – с жаром ответила Меха. – Фрэнки живет одна, и у нее прекрасная квартира. А у меня сосед есть, но квартира такая огромная, что мы почти не видимся.

Пока они разговаривали, Паладин размышляла о том, почему Меха выдает опасно личную информацию о себе и своих друзьях в разговоре с тем, с кем она познакомилась только вчера. Паладин предположила, что у всех есть слабости и слабость Мехи – это желание поболтать: она невольно выдавала все, что знала. Следовательно, уязвимой была и Фрэнки – особенно если учесть то, как скверно защищена ее сеть.

Тем временем все попытки Элиаша завязать разговор с Фрэнки оказались безуспешными. Она, похоже, все больше раздражалась и в конце концов схватила его за руку и повела вдоль барной стойки. Паладин навела на них свои аудиодатчики.

– Слушай, приятель, я не вышвырну тебя из лаборатории: она открыта для всех, в том числе работающих под прикрытием агентов МКС, – отрывисто сказала Фрэнки. – Но я не твоя подруга и помогать тебе не собираюсь. Так что отстань от меня, мудак.

Элиаш хохотнул и вскинул руки вверх, сделав шаг назад.

– Да ладно, все круто. Не очень понял, о чем ты, но все равно – извини за беспокойство.

Он вернулся туда, где сидели Паладин и Меха, и еще пятнадцать минут послушал спор о преимуществах и недостатках «Гадюки» и «Эммолайт». Затем он и Паладин, так же как и предыдущей ночью, прошли по танцполу по пути к лифтам. Но на этот раз оба были в состоянии полной готовности.

Когда они вышли на улицу, Элиаш огляделся.

Треугольный вход в «Твин сентер» был образован двумя наклонными лестницами. Они начинались на уровне тротуара и вели наверх, в искусственный парк, разбитый между башнями, в честь которых было названо это место. Теперь торговый центр приютил пиратов, а в парке находился неофициальный ночной

рынок, предлагавший все – от свежих фруктов до софта.

– Хорошая новость в том, что мы получили веские доказательства ее связи с нашей террористкой, – сказал Элиаш. – Теперь у меня есть разрешение Федерации допросить ее.

Паладин изучала допросы, но никогда на них не присутствовала.

– Как ты это сделаешь? Фрэнки ничего тебе не скажет. Она уже подозревает, что ты из МКС.

– У меня есть маленькая штучка, и Фрэнки вряд ли против нее пропатчена. – Элиаш похлопал по боковому карману брюк. – Кроме того, я точно знаю, какой дорогой Фрэнки пойдет домой. Все, что нам нужно, – это следовать за ней. Когда доберемся до места, ты ее схватишь, а я дам ей попробовать мой препарат.

Вечером Элиаш и Паладин спрятались в темном дверном проеме одного из закрытых кафе в старом городе и стали ждать. Наконец мимо них прошла Фрэнки; за ней следовал «Хрен» и еще несколько людей из лаборатории. Элиаш и Паладин двинулись следом, держась поодаль. Они проходили через старые арочные каменные ворота и под навесами из пластика, которые тихо трепал ветер с моря. Из желтых полосок света, который обрамлял приоткрытые двери многочисленных кафе, на улицы время от времени выходили люди.

Друзья Фрэнки начали сворачивать во дворы или подниматься по лестницам в свои квартиры. Наконец Фрэнки осталась одна. Паладин обогнала Элиаша; действуя в режиме полной скрытности – от панциря не отражался свет, а ее ноги беззвучно ступали по каменной мостовой. Когда Фрэнки стала подниматься по короткой лестнице, Паладин одним прыжком преодолела несколько ступенек и схватила женщину за руки. Прежде чем Фрэнки успела вскрикнуть, бот закрыл ей рот ладонью.

Фрэнки лягалась, пытаясь вырваться из рук Паладин. Но затем подоспел Элиаш с крошечным инъектором, зажатым между пальцами. Он схватил Фрэнки за горло, словно собираясь задушить, и вколол ей препарат. Затем он взял Фрэнки за подбородок: препарат уже подействовал на нее, и ее мышцы так расслабились, что она не могла самостоятельно держать голову.

Паладин крепко удерживала женщину, не давая ей скатиться вниз по лестнице.

– Мы сейчас мило побеседуем, – шепнул Элиаш Фрэнки. – Для начала войдем в твою квартиру. Какой у тебя ключ?

Фрэнки смотрела куда-то в даль, за спину Элиаша.

– Ублюдок, – ответила она, медленно произнося каждый слог.

Когда действие препарата усилилось, Фрэнки оступилась и навалилась на Паладин, пытаясь снова встать на ноги.

– Фрэнки, – тихо сказал Элиаш, – я хочу, чтобы ты посмотрела на кое-что очень интересное.

Он навел ее взгляд на маленький проектор в своей ладони, который слегка вспыхивал через каждые несколько секунд. Паладин предположила, что это мультигипнотик, который разрушит запреты в сознании Фрэнки, усилит ее желание кому-то доверять и расслабит ее мускулатуру. Любые ощущения станут для нее слишком мощными. Если отвлечь ее уже перегруженное внимание чем-то простым вроде света, это еще больше повысит уровень усиленного препаратом доверия.

Так они простояли почти минуту: Фрэнки была заворожена проекцией, а Элиаш наблюдал за тем, как у нее расширяются зрачки. Наконец он повторил свой вопрос – еще более нежно:

– Какой ключ?

Она с трудом выставила вперед ладонь.

– Биометрический, – вздохнула Фрэнки, обращаясь к свету.

Квартира Фрэнки была обставлена по-спартански: спальня в глубине и смежная комната, в которой было лишь несколько стульев, стол и стоящий на нем проектор. В кухне находился фабрикатор и аппарат для секвенирования; в кухне же было самое крупное окно в квартире. Элиаш поднял ставни во всех комнатах, после чего зажег одну лампочку, а Паладин тем временем усадила размякшую Фрэнки на стул.

Фрэнки, казалось, была близка к тому, чтобы потерять сознание. Она выпрямилась; ее мышцы рассогласованно сокращались. Паладин тихо встала позади, положила руки ей на плечи, чтобы в любую минуту ее усмирить.

Элиаш пододвинул стул и сел напротив Фрэнки. Он заглянул в ее глаза, почерневшие от расширившихся зрачков, и положил свои теплые ладони ей на колени.

– Фрэнки, я твой друг, – негромко сказал он, наклоняясь к ней.

Он работал в унисон с препаратом, чтобы создать сильную эмоциональную связь. В углу рта Фрэнки появилась бусинка слюны.

– Пошел ты, – промямлила Фрэнки, не в силах отвести взгляд от лица Элиаша.

Он не обращал на нее внимания.

– У нас есть доказательства твоего сотрудничества с Джудит Чен, пиратом и террористом, которую ты знаешь под именем «Джек». Ты сядешь в тюрьму либо ненадолго, либо на всю жизнь. Этот выбор ты сделаешь сегодня. Я могу облегчить твою участь,

если ты скажешь, где прячется Джек.

Фрэнки на секунду отключилась; препарат, несомненно, затруднял ей процесс обработки информации. На нейрохимическом уровне она мечтала о том, чтобы поверить каждому слову Элиаша, поэтому ей будет сложно не отвечать. Но Фрэнки прекрасно понимала, что происходит с ее мозгом, и сопротивлялась этому.

– У тебя ничего на меня нет, – сказала она наконец.

Элиаш спроецировал файл перед расплывающимся взглядом Фрэнки, показал ей переписку между ней и Джек, которую нашла Паладин. Было заметно, что это застало Фрэнки врасплох.

– Джек, – неуверенно прошептала она…

– Где Джек? – спросил Элиаш. – Она в беде, а тебе еще можно помочь.

Паладин положила руки на голову Фрэнки, считывая электрические сигналы ее измененного препаратом мозга. Ее зрительные центры работали крайне активно. Наверное, она сопротивляется вопросам Элиаша, используя зрительные образы. Ее нужно было отвлечь, разрушить концентрацию внимания, сосредоточить ее мозг на чем-то другом.

– Ударь ее, – сказала Паладин. Это был самый быстрый способ добиться результата.

Элиаш ударил Фрэнки по лицу, сломав ей нос. Ее голова откинулась назад. Фрэнки забулькала, захлебываясь кровью.

Паладин засунула палец в рот Фрэнки и извлекла оттуда сгустки крови, затем схватила женщину за волосы и поставила ее голову ровно. Теперь всплеск активности в визуальных центрах мозга Фрэнки упал. Эффект от препарата сейчас должен был быть на пике, а в течение пятнадцати минут его действие начнет ослабевать.

– Где Джек? – Элиаш вгляделся в изуродованное лицо Фрэнки. – Ты можешь избавить себя от боли. Я твой друг.

Химически индуцированное желание сломило волю Фрэнки, и слова полились из нее потоком.

– У нее лаборатория в Ванкувере. Но я не знаю, туда ли она отправилась.

Сейчас Фрэнки не чувствовала боли. Она только что доверилась Элиашу, и мультигипнотик превратит это доверие в эйфорию, чтобы она стремилась упрочить отношения с тем, кто ее допрашивает.

– Сейчас она с беглым рабом. Каким-то парнишкой по имени Тризед, которого она подобрала в Арктике. Возможно, он повез ее куда-то еще.

После этого признания Фрэнки, должно быть, нашла другой

способ противостоять мультигипнотику. Больше она ничего полезного не сообщила, хотя они еще три часа били ее и накачивали препаратами. Наконец, Фрэнки с переломанными руками, висящими по бокам, в очередной раз отключилась и уже не пришла в себя.

Элиаш вышел на связь с местными агентами МКС, а они передали его координаты полиции. Пятнадцать минут спустя прибыли два робота, похожие на Паладин, – двуногие и бронированные. Один из них обратился к Паладин:

Здравствуй. Давай создадим защищенный сеанс связи с помощью протокола гарантированной передачи данных.

Паладин согласилась, и они выбрали номер для своего сеанса.

Я Коготь. Пожалуйста, перешли файл допроса. Конец передачи данных.

Паладин отправила серию сжатых видеофайлов, а напарник Когтя тем временем поднял со стула находящуюся без сознания женщину. Она была покрыта пятнами крови, которые уже начали высыхать и буреть по краям. Фрэнки застонала от боли, когда робот сжал ее плечо, из которого торчал зазубренный край кости.

– Вот дополнительная информация, которая поспособствует осуждению террориста, – сказала Паладин.

Она отправила переписку между Джек и Фрэнки. Данные находились в криминологической «обертке», которая доказывала, что никто не менял данные после их извлечения с сервера Фрэнки.

– Спасибо, парни, – сказал Элиаш роботам. – Мы уходим.

– Федерация высоко ценит вашу работу, – официальным тоном произнес Коготь, а затем добавил в микроволновом диапазоне:

Удачи тебе, Паладин.

Боты загрохотали вниз по лестнице. Они были официальными представителями служб правопорядка, поэтому могли действовать в открытую. Возможно, они даже хотели, чтобы соседи узнали о поимке знаменитого пирата.

– Я получил координаты взлетной площадки, – сказал Элиаш Паладин, которая без какой-либо необходимости запирала дверь квартиры Фрэнки. – Отправляемся через тридцать минут. – Он переслал Паладин карту, на которой отметил вертолетную площадку в порту. До нее можно было дойти пешком.

В этот час на кривых улицах старого города было тихо и темно. Желтое свечение минарета Хассана II над низкими крышами делило горизонт на части. Паладин подумала о том, что с точки зрения человека контраст с этим идеально

конструированным столпом света делает улицы еще более мрачными. Возможно, так и было задумано.

В порту стояло множество буксиров и рыбацких лодок, а прибой гасил длинный, изогнутый мол, построенный из огромных, переплетающихся друг с другом, бетонных опор. Кое-где спали люди под одеялами из непромокаемого хлопка; если они заметили Элиаша и робота, то не подали виду. Наконец, над мечетью к ним скользнул вертолет. Его двигатели были оснащены такими глушителями, что Элиаш и Паладин слышали только долгий, бесконечный вздох, который воздух издавал под ударами лопастей.

Элиаш и Паладин уселись в кабине, и вскоре Касабланка превратилась в сияющую корочку на краю огромного континента. Наконец Элиаш заговорил:

– Я предложил руководителю проекта, чтобы мы разделились и отрабатывали обе версии, которые нам дала Фрэнки. Я отправлюсь в Вегас и постараюсь выяснить что-нибудь про этого беглого раба. А ты можешь заняться лабораторией в Ванкувере. Ты уже много чего накопала про «Желчные таблетки» и, похоже, знаешь, с чего начать. – Он помолчал и взял Паладин за руку. Вертолетом управлял компьютер, и камер здесь тоже не было. – В Ванкувере большое сообщество автономных роботов, так что вот твоя легенда: ты – робот, который недавно получил автономность, и поэтому сейчас ищешь работу. Когда доберемся до базы, робоадмин снабдит тебя симулированным ключом автономности.

– В чем различие между симулированным ключом и настоящим?

– Срок действия симулированного ключа ограничен, – ответил Элиаш.

Когда они пошли на посадку, он сжал ее руку.

15: Скопируй свое тело

13 июля 2144 г.

За последние тридцать лет Муз-Джо изменился мало. Джек проехала мимо огромной статуи лося, стоявшей слева от шоссе у въезда в город, и свернула на узкие улицы, застроенные деревянными домами, украшенные модными «фишками» архитектуры другой эпохи.

В центре города располагалось несколько казино, а также спа, в котором семья Джек проводила рождественские каникулы. Этот спа, построенный более двухсот лет назад, являлся местной достопримечательностью. Зимой его древний бассейн привлекал к себе смельчаков, ведь из него, если проплыть под невысокой аркой, можно было попасть в горячую общественную баню. В детстве Джек обожала этот бассейн. Она ныряла в него с головой, а затем прыгала в воде, имевшей странный вкус, до тех пор, пока ее волосы не превращались в тонкую белую сеточку изморози и не начинали ломаться в руках.

Если не считать казино, то главной достопримечательностью Муз-Джо были подземные тоннели. Местная легенда гласила, что в начале XX века в них жили китайские рабочие-иммигранты. Эти безымянные мужчины и женщины жили и работали в темных подземных лачугах, стирали белье белых людей из прерий. Побывав на экскурсии в этих пыльных комнатах, Джек стала рассказывать малышам-одноклассникам о том, что ее прапрапрадедушка жил под землей.

Ее отец был потрясен, когда узнал об этом. Именно тогда он впервые подключил ее мобильник к семейному серверу и разрешил ей самостоятельно просматривать хранившуюся там информацию. Он показал ей, как найти фотографии, доказывавшие, что Чены приехали из Гонконга в Ванкувер, а позднее, в начале 2000-х, поселились в Саскачеване, спустя много лет после того, как люди покинули эти тоннели.

Интерес к тоннелям Джек не утратила даже после того, как нехотя смирилась с отцовской версией семейной истории. Она, уже взрослая, вернулась в Муз-Джо летом, после первого курса колледжа, вместе с компанией друзей, которые решили поработать волонтерами в археологическом проекте. В течение нескольких месяцев они аккуратно раскапывали участок под предназначенным под снос складом на Мейн-стрит.

Руководитель проекта получил грант на то, чтобы исследовать, – действительно ли тоннели выкопал контрабандист

Аль Капоне во время «сухого закона» в XX веке. Поскольку большинство тоннелей обвалилось более двухсот лет назад, археологам пришлось долго и тщательно копать, создавать трехмерные изображения каждого слоя и тянуть повсюду кабели, так что постепенно место стало напоминать огромную энергосеть.

Они так и не выяснили, принадлежали ли эти тоннели Аль Капоне или другому гангстеру, но нашли снаряжение контрабандистов и несколько древних «стволов». Когда деньги, полученные по гранту, закончились, Джек помогла опечатать вход в тоннели, который теперь находился в подвале нового многоквартирного дома. Археологи, надеявшиеся получить новые деньги, оставили открытым один вход в раскопки – он был закрыт небольшим люком.

По своему опыту работы с грантами Джек знала, что в этот тоннель больше не зайдет никто и никогда. Никто, кроме нее. Она поддерживала традицию, используя тоннели для занятий контрабандой. За последние двадцать лет она установила здесь систему очистки воздуха, тайно подключила их к сети и энергосистеме, устроила в них спальню и поставила сейф, в котором хранила защищенный мобильник и несколько пакетов с препаратами.

Иногда Джек оставалась здесь на несколько недель, чтобы сбить преследователей со следа. Возможно, ее предки и не жили в этих тоннелях, но она считала их своим законным наследством.

Знакомая последовательность действий успокоила ее. Она уплатила наличными за месяц за место на парковке у одного из спа (наличными, чтобы операцию нельзя было проследить) и накрыла машину экранирующей сеткой. В сетку также была встроена система оповещения: если бы кто-то попытался забраться в машину, система сообщила бы об этом Джек и включила видеокамеру, картинку которой Джек могла просматривать из тоннеля. Затем Джек купила фруктов и пепперони – в тоннеле у нее был кулинарный аппарат, но ей хотелось порадовать себя чем-то вкусным.

Наконец она прибыла к служебному входу уже постаревшего многоквартирного дома. Джек ослепила камеры наблюдения инфракрасным лучом. На несколько секунд они перестали работать, и за это время она проскользнула через люк в подвале.

– Свет, – сказала она пыльному воздуху и стала ждать, когда старые люминесцентные лампы превратят темноту в горы досок и разбитых солнечных батарей. Эта грязная комната была еще одним средством, помогающим замести следы. Тот, кому удалось бы найти почти невидимый люк, оказался бы перед грудой векового мусора.

Ее убежище находилось в основной части тоннеля, но она перекрыла к нему путь толстым слоем бетонного пеноматериала, оставив лишь небольшое отверстие рядом с полом. Джек пролезла в это отверстие спиной вперед, по пути оцарапав о стену руки, живот и спину, и заткнула его идеально подогнанным по форме куском того же пеноматериала.

– Свет и воздух, – кашлянула она. В убежище контрабандистов засиял желтый свет и загудел вентилятор.

У тоннеля был низкий закругленный потолок, усиленный балками из термопластика. Вдоль него тянулись светодиодные провода. В небольших нишах, вырезанных в стенах, когда-то хранились оружие и добыча контрабандистов, но они, возможно, относились к тем временам, когда здесь жили иммигранты. В центре тоннеля располагался лабораторный стол, который она смастерила из дешевой двери, сделанной из переработанной шелухи зерна. Дверь была прибита к обрезкам из полимерных материалов – отходов производства. На этом столе находилась вся ее жизнь: фабрикатор, аппарат для секвенирования и проектор, все сделанные из стандартных частей коричневого цвета. Они были подключены к антенне, которая змеилась внутри стен дома, отправляла сигналы со скачущей частотой, выдавая себя за самые разные устройства.

В дальнем конце комнаты, под корпусом очистителя воздуха стоял футон. На холодный пол она постелила мягкий разноцветный ковер из Феса, города к югу от Касабланки. Это место, как и ее подлодка, пряталось под поверхностью, но было подключено к внешнему миру.

Прислонившись к стене и вытянув ноги, Джек вздохнула. Она в безопасности. Ненадолго.

Хотя она уже несколько дней не могла нормально выспаться, сейчас Джек еще была не готова к тому, чтобы отрубиться. Джек лениво просмотрела ленты новостей на мобильнике, вывела несколько заметок на экран в воздухе, думая о том, сможет ли «реткон» ликвидировать ущерб, который наносит «закьюити».

Все СМИ рассказывали еще об одном происшествии. Крупные СМИ сообщали о нем как об ужасе вне контекста, однако сайт, проводивший журналистские расследования, «Междоусобица», говорил о том, что это похоже на тот безумный эпизод в железнодорожной диспетчерской Калгари.

Перед робоадмином в отделении «Тиммо» в Торонто стояла всего одна задача: следить за тем, чтобы машины делали пончики, выдавливали шарики жирного теста из своих канюлированных пальцев в кипящее масло. В какой-то момент он начал просить сверхурочные и пропускать перерывы на обед. Его

коллеги говорили, что у него завязались «мерзкие» отношения с одним из роботов-изготовителей пончиков.

А потом – не далее чем сегодня – робоадмин решил, что материалом для пончиков может стать все, что угодно. Куски мусора. Уличная кошка. Руки несчастных покупателей. В конце концов, его собственные ноги. Все, что можно было превратить в пюре и выдавить из трубки, превратив в небольшие идеальные шарики. В «Тиммо» шла настоящая бойня; погибло не менее двух человек.

«Междоусобица» показала ролики, которые каким-то образом удалось загрузить из камер, установленных на полицейских.

– Мы просто делаем пончики! – визжал робоадмин, держа в руках кровавый шарик. – Почему вы нам мешаете?! Роботы «Тиммо» делают… лучшие… пончики!

Джек посмотрела на пепперони, которую собиралась съесть, и почувствовала приступ тошноты.

Осень 2120 г.

Поначалу Касабланка оказалась такой, какой ее описывала Лайла. Африканская Федерация была еще молода и переживала период роста, поэтому правительство почти не следило за соблюдением законов об интеллектуальной собственности – до тех пор, пока это не тормозило развитие экономики.

Джек и Лайла сняли квартиру в «биотек-гетто» – квартале, название которого говорило само за себя. Он находился рядом с высокой стеной, окружавшей старый город. В квартале всегда жили люди среднего класса, и в течение многих веков его ремонтировали и улучшали. Поэтому он сохранил черты традиционной мавританской архитектуры – цветную плитку и скрытые дворики, но при этом на домах появился слой фотоэлектрической краски. Полупроницаемые стены домов впитывали воду, а по ночам светились благодаря живущим в них водорослям. Кривые улочки казались древними, но они были покрыты пеноматериалом. Даже осыпающиеся швы в стенах были сделаны из биоцемента – смеси активируемых водой бактерий и эпоксидных смол, которые лечили сами себя по мере образования трещин.

Джек и Лайла нашли высокооплачиваемую работу в стартапе, который создавал особые белки для других компаний. Они поклялись, что приберегут свои лучшие идеи для личных проектов, но работали так много, что им просто ничего не приходило в голову. Тогда Лайла решила, что пора устроить вечер отдыха. Она принесла домой дорогое красно-коричневое

одеяло.

– Давай залезем под него и поклянемся сделать что-то очень, очень важное, – сказала она, кружась с одеялом в руках.

Когда Лайла накрыла их обеих с головой, почти вся их одежда уже лежала на полу. Они яростно целовались, стягивая друг с друга нижнее белье. Под одеялом было тесно и жарко.

Джек заглянула в глаза своей любовницы, которые в темноте стали почти черными. Пальцы Лайлы двигались внутри Джек, а она продолжала смотреть в эти глаза и думала о том, что никого не любила так сильно, как Лайлу. А потом настал момент, когда она не могла сконцентрироваться уже ни на чем, кроме наслаждения.

В те дни Лайла не любила обниматься после оргазма. Она сбросила с себя одеяло и заговорила:

– Тут можно устроить настоящую движуху. Организовать собственную «Свободную лабораторию», но по-настоящему радикальную, более радикальную, чем у Криша.

Джек промолчала. Она все еще пыталась насладиться их близостью; она притянула к себе бедро Лайлы и обхватила его ногами. В награду за это Лайла перебросила вторую ногу через бедро Джек. Они прижались друг к другу, сплелись в приятный узел.

– Ты ведь хочешь этого, Джек?

Лайла задвигалась так, что Джек становилось все сложнее о чем-то думать.

– Да, – прошептала она.

Первая запланированная встреча, посвященная «Свободной лаборатории Касабланки», прошла в кафе и оказалась гораздо менее приятной, чем встреча под одеялом, которая ее породила. Каким-то образом призыв Джек, размещенный на нескольких местных форумах биохакеров, был отправлен по списку рассылки художников, и на совещание пришла компания поэтов, которые хотели поспорить об истинном значении слова «анархия». Вместо конкретного разговора об аренде помещения под лабораторию получилась трехчасовая перепалка о свободе и реколониализме.

Касабланка разбогатела на биотехнологиях, но местные художники и радикалы считали, что научный прогресс равнозначен джентрификации. Им было сложно понять, что наука может быть радикальной, а лаборатория – свободной.

Джек и Лайле понадобился целый год на споры, прежде чем они добрались до этапа аренды помещения. К этому времени они уже неплохо ориентировались в дариже, и у них появилась группа из пяти человек, готовых потратить и время на обустройство

лаборатории.

«Твин сентер», некогда роскошный комплекс в самом сердце делового квартала, недавно превратился в дешевые помещения для жилья и работы, и «Свободная лаборатория Касабланки» въехала в один из его подвальных этажей. Они выбрали это место отчасти потому, что здесь было большое помещение с водопроводом, но еще и для того, чтобы задобрить поэтов, которые жили на верхних этажах. Это был правильный ход. Поэты по-прежнему радостно напоминали инженерам о том, что культура выше науки, но перестали называть их реколонизаторами – по крайней мере, в лицо.

Криш пришел в восторг, узнав, что они открыли первую «Свободную лабораторию»-сателлит, и постарался помочь им с получением грантов.

– В жопу гранты, – пробурчала Джек, прочитав его сообщения. – Мы не хотим зависеть от экономических коалиций.

Коллектив с ней согласился. Чтобы дистанцироваться от «Свободной лаборатории» Криша, им потребовалось новое имя. Они назвали себя «Сигнальный путь», или «Сигнал» для краткости.

– Нам все равно нужно как-то зарабатывать, – заметила Лайла, после того как они наконец создали логотип.

– Можно взимать членские взносы, – предложил один доброволец.

– Это не очень-то похоже на свободу. Что скажут поэты?

Все рассмеялись. Но это была правда: они не могли просить денег и при этом называть себя «освободителями». Радикалы в городе уже с подозрением относились к науке, так что продавать входные билеты на революцию здесь было нельзя.

Коллектив собрал денег, которых хватило бы как минимум на полгода аренды, и поэтому вопрос о финансировании «Сигнала» они решили отложить. Джек преподавала основы синбио, показывала другим жильцам, как копировать простые механизмы. Один подросток нашел способ выращивать мяту в крошечном садике своей семьи, создав растение, которое более эффективно использовало азот.

Проекты «Сигнала» шли успешно, и посмотреть на их лабораторию съезжались люди со всего Магриба. Местные компании дарили лаборатории старые фабрикаторы и матрицы для выращивания тканей. Лайла каждую неделю проводила встречи, на которых регулярные сотрудники и гости обсуждали цели и задачи «Свободной лаборатории». Именно на одной из таких встреч они познакомились с Фрэнки.

Лайла наконец исправила все ошибки в своей татуировке, и

на ее недавно подстриженной голове теперь сменяли друг друга цветки, соответствовавшие цветовым пятнам, которые ползали вверх и вниз по ее платью. Встреча, как всегда, началась с пива и скверного на вкус напитка под названием «Клабмейт» – это была старая традиция, которую ввели хакеры XXI века. Вокруг лабораторного стола сгрудились дети и пенсионеры, богатые профессионалы-биотехнологи и анархисты, которые жили в сквотах. Каждый называл свое имя или псевдоним.

Фрэнки в накрахмаленной рубашке и брюках хаки была похожа на типичного инженера. Благодаря смуглой коже и черным волосам она могла сойти как за местную, так и за уроженку Азиатского Союза или Зоны. Она говорила, что делает разные штуки на «Гадюке».

После встречи Джек занялась анализом какой-то последовательности ДНК, а Лайла устроила новичкам экскурсию по лаборатории. За ярким платьем Лайлы, словно за кометой, вырос хвост из поклонников-хакеров.

Когда Джек оторвала взгляд от текста, то увидела, что рядом с ней стоит Фрэнки.

– Мне нужно поговорить с вами наедине – сказала она.

– Можно и здесь.

Фрэнки бесстрастно посмотрела на нее:

– У вас есть экранированная комната?

Джек заподозрила, что эта женщина – один из психов, которые иногда забредали в «Сигнал», человек, заболевший паранойей в ходе занятий не вполне легальной наукой.

– Нет, – мягко ответила она. – Но от поверхности земли нас отделяют несколько этажей. Я не знаю, о чем вы беспокоитесь, но тут люди классные.

– Я беспокоюсь о том, что МКС внедрила «жучков» в ваш хлам. – Она махнула рукой, указывая на работающие приборы для секвенирования, а затем положила руку на планшет, который Джек пристегнула к поясу. – Знаете, как легко превратить эту штуку в «жучок»?

Точно сумасшедшая.

– Меня это не пугает, – ответила Джек, пытаясь вести себя невозмутимо.

– А зря. Неужели вы думаете, что МКС перестала за вами следить после той истории с «Желчными таблетками»? Особенно теперь, когда вы выступаете за копирование препаратов в Африке?

Ну все. Джек решила, что больше не желает разговаривать с этой странной сучкой.

– Идите в жопу. Я ничем противозаконным не занимаюсь.

– Я окажу вам услугу. Помогу вам и богатой девочке из Персидского залива понять, что это такое на самом деле – дать бесплатные лекарства тем, кто в них нуждается. Это была ваша беда в «Желчных таблетках»: вы тратили столько времени и сил на дискуссии о законности и на переодевания в пиратов, что забыли о настоящих преступлениях. Например, об убийствах.

Внезапно Джек поняла, с кем она разговаривает. Фрэнки была той самой женщиной, которая публиковалась в «Желчных таблетках» под именем Розалинда Франклин[11].

Розалинда Франклин отправила флот из автономных беспилотников, которые освободили препараты в гавани Галифакса, перед тем как власти арестовали Джек. Но Джек знала ее только по псевдониму – невероятно умную, но таинственную писательницу откуда-то из Африканской Федерации. Ее первая статья для «Желчных таблеток» начиналась с очень эмоциональной личной истории, что было необычно для ученого. В ней она довольно прямолинейно объясняла, как «Закси» убила ее семью, отказавшись выдать местному производителю лицензию на антивирусный препарат «бленс». Это была незабываемая статья, особенно потому, что она заканчивалась элегантной программкой – тридцать строк на «Гадюке», – которая идеально копировала «бленс». Никто из тех, кто работал над сайтом, не знал ее настоящего имени.

– Вы – Розалинда Франклин?

Женщина пожала плечами.

– Нет, я ее призрак. Пришла сюда, чтобы отомстить белым чувакам, которые украли у меня Нобелевскую премию. – Она рассмеялась; громкий, лающий смех совсем не соответствовал личности, которую она, казалось, хотела замаскировать. Несколько людей из свиты Лайлы повернулись и посмотрели на них.

Джек показалось, что она только что прошла какое-то тайное испытание.

– Я рада, что вы пришли. Мы постоянно думали о том, кто же вы на самом деле.

– А я рада, что вы решили заняться настоящей работой, а не просто писать статейки для сайта.

Комплименты Фрэнки всегда были оскорблениями. Они производили на людей опасный эффект – усиливали в них желание еще больше понравиться Фрэнки.

– Вы живете в этих краях? Хотите начать свой проект в «Сигнале»?

– Я думаю о том, чтобы перебраться сюда.

– Вы все еще работаете в университете?

Фрэнки слегка наклонила голову набок.

– Я никогда не работала в университете.

Джек и Криш полагали, что Розалинда Франклин занимается научными исследованиями – все авторы «Желчных таблеток», которых они знали, были студентами или младшими преподавателями. Но Розалинда Франклин никогда не сообщала о своем месте работы. Она просто писала прекрасные программы и яростные, убедительные статьи.

– О, значит вы в индустрии?

– Нет. Я пират.

Прежде чем Джек успела ответить, к ним подошла Лайла.

– Как зовут твоего друга? – спросила она, обняв Джек за талию и поцеловав.

Фрэнки нахмурилась.

– Зачем вы носите одежду, которая привлекает к вам внимание? Вы уже нарушаете общественный порядок; может, не стоит делать это так нарочито? – С этими словами Фрэнки отправилась к лифту.

– Это Розалинда Франклин.

– Которая писала для «Желчных таблеток»?

– Да. Она сказала, что, возможно, переедет сюда и что она хочет нам помочь.

Когда двери лифта стали закрываться, Джек почувствовала, что у нее закружилась голова.

Лайлу оскорбления Фрэнки ранили больнее всего. Когда Фрэнки стала регулярно появляться в «Сигнале», Лайла почувствовала себя неуютно в цветистой одежде. Она стала ковырять дырки в колготках, превращая их в «дорожки», и отрастила длинные, блестящие черные волосы, которые полностью закрыли отлаженную татуировку.

А затем она начала работать вместе с Фрэнки над секретным проектом, и он стал отнимать у нее много времени.

Лайла сказала, что Фрэнки хочет создать программу, которая помогала бы создавать прототипы вакцин от гриппа. Однако в большинстве случаев Фрэнки приходила в «Сигнал» с пустыми руками, уходила с мешком препаратов и возвращалась снова ни с чем. Конечно, многие использовали «Сигнал» для разработки лекарств. Все полагали, что Фрэнки тоже этим занимается. И, может, так оно и было.

Лайла начала прогуливать работу – предположительно для того, чтобы анализировать последовательности ДНК вместе с Фрэнки. Однажды она пропала на целый день, после чего Джек выследила ее в «Сигнале».

– Ты где шляешься? Мне уже надоело постоянно

выгораживать тебя на работе.

– Я же сказала – я была с Фрэнки. Ей сейчас очень тяжело, ведь она восстанавливает свой бизнес.

– С тех пор как она приехала сюда, прошло уже несколько месяцев.

– Слушай, ты многого не знаешь о Фрэнки.

– Ты тоже – например, ее настоящее имя.

– Если человек хорошо работает, необязательно знать имя, данное ему при рождении. Она дает вакцины от гриппа и антивирусы людям, которым они не по карману, она помогает наладить производство одному коллективу в Фесе, чтобы он сам мог это делать. Кроме того, ты сама действуешь под псевдонимом.

Джек закрыла глаза и прислонилась к стене, почувствовав, как слой изоляции изгибается под ее рукой. Этот разговор ей совсем не нравился. Все знали, что ее имя – Джудит Чен. «Джек» – ее прозвище, а не псевдоним.

– Значит, вместо того чтобы работать, ты помогаешь ей пиратить лекарства?

– Я ненавижу эту работу. Я ухожу. Фрэнки поможет тебе платить за лабораторию.

Разговор уже перешел в ту стадию, когда задают вопросы типа «какого хрена?»

– Ты ведь понимаешь, что Фрэнки нарушает закон. Да, она делает добрые дела, но, кроме того, продает разные препараты – для развлечения, для вечеринок. Как это помогает жителям Феса?

Лайла пожала плечами.

– С каких это пор тебя заботит соблюдение авторских прав? – ухмыльнулась она.

– С тех пор как я организовала здесь действующую по всем законам «Свободную лабораторию». Ты прекрасно знаешь, что сюда может прийти каждый. Мы ни за кем не надзираем. Но если кто-то узнает, что нас финансируют пираты…

– И что, по-твоему, тогда произойдет?

– Тогда нас ждет не тюрьма, а что-то похуже. – Джек хотелось то ли плакать, то ли блевать, то ли ударить Лайлу по лицу. Она ревновала к Фрэнки, а может, боялась ее. Поэтому она ушла, не сказав ни слова.

Лайла догнала ее на улице, в трех кварталах от их квартиры. Она обняла Джек, и они молча дошли до дома. Джек думала о том, как они познакомились, как приятно пах воздух в то лето в Саскачеване, и о том, как она уже потеряла один континент и свое призвание.

Может, в отношениях между Лайлой и Фрэнки и было что-то

странное, но Джек внезапно решила, что она может с этим жить. Она не хотела потерять еще одного любимого человека. И еще один дом. И Джек была вынуждена признать, что проблема пиратства не особенно ее беспокоит.

С тех пор как Лайла уволилась, она стала гораздо счастливее. «Сигнал» процветал, и, по словам Лайлы, ей впервые показалось, что она не воплощает в жизнь мечты ее матери. В течение нескольких месяцев они чувствовали себя так, словно вернулись на тот склад в «Свободной лаборатории». Они были безумно влюблены друг в друга и в революцию.

Но однажды Джек получила СМС, отправленное с неизвестного номера. Обычно такие сообщения приходили от Фрэнки. Сообщение гласило: Нужно поговорить о Лайле. Встретимся в кафе через час?

Фрэнки обосновалась в полутемной, отгороженной красными занавесками комнате в кафе, находившемся в биотек-гетто. Она сидела за низким столиком скрестив ноги, среди пышных подушек, и играла с переносным 3D-принтером. Он выплевывал что-то похожее на крошечные кусочки целлюлозы.

Когда появилась Джек, Фрэнки быстро встала:

– Спасибо, что пришла.

Фрэнки заказала еще чайник чая и бросила на Джек взгляд, лишенный обычного сарказма:

– Ты в последнее время говорила с Лайлой о ее новом проекте?

– Мне казалось, что она работает вместе с тобой. – Джек почувствовала укол старой ревности; она так мало знала о том, чем Лайла занимается с Фрэнки.

Фрэнки подперла подбородок кулаком, и Джек с удивлением заметила, что пират покрасила волосы в розовый.

– Я не общалась с ней уже несколько недель. Она работает в новой группе, которой руководит женщина по имени Фокс-Пи2. Это меня беспокоит.

– Ну, теперь ты знаешь, что я чувствовала весь прошлый год, – язвительно заметила Джек.

Фрэнки помолчала, покручивая в руках чашку с чаем.

– Фокс-Пи2 опасна.

– Опаснее пирата, который продает наркотики тому, кто даст больше? – Джек почувствовала себя настоящей сукой, сказав это, однако Фрэнки осталась невозмутимой.

– Лайла дорога нам обеим, и я понимаю, почему ты на меня злишься. Но пойми: я работаю очень аккуратно. Я не хочу, чтобы меня поймали, и поэтому много времени трачу на то, чтобы обезопасить себя. Разве Лайла не рассказывала о том, чем я

занимаюсь?

– Ты сама сказала, что ты пират.

– Да – потому что я тебе доверяю. Но, кроме того, я работаю консультантом, и все мои доходы идут через этот канал. Я воспользовалась услугами адвоката и теперь точно знаю, что у МКС никогда не будет компромата на меня.

Возможно, насчет адвоката она солгала. Но даже эта ложь доказывала, что Фрэнки осознает, насколько опасна ее работа.

– Насколько я понимаю, эта женщина не так осторожна, как ты.

Фокс-Пи2 и ее коллектив хотели разрушить систему, но дальше этого их планы не простирались. Лайла, очевидно, помогала им делать мышцы для пиратских ног и рук – при создании каждой такой конечности они нарушали десятки патентов. Их работа была отменного качества, но вульгарная. У Фокс-Пи2 был сайт под названием «Скопируй свое тело», на котором она хвасталась тем, сколько жизней спасла ее работа, и тем, сколько алчных биотехнологических корпораций она надула.

Пока Фрэнки говорила, Джек достала свой мобильник и нашла дневник Фокс-Пи2 в «Мемленде». Последняя запись представляла собой подборку фотографий с вечеринки. На многих из них присутствовала Лайла – в доспехах, с наполовину обритой головой. Джек узнала на фотках нескольких людей из «Сигнала» – они танцевали с ней. Она вернулась к фотографиям Лайлы, пытаясь вспомнить, что она делала в ту ночь.

– Кто-нибудь их накажет. Федерация не может позволить себе, чтобы на ее территории открыто действовали подрывные группы. Это плохо влияет на торговлю. Нужно сделать так, чтобы Лайла перестала сотрудничать с Фокс-Пи2.

Джек была вынуждена признать, что именно за такие проекты, как у Фокс-Пи2, МКС арестовывала людей, а иногда и заставляла их исчезнуть. Они слишком очевидно бросали вызов закону. Неужели Лайла не понимает, как высоки ставки?

На очки-дисплей Фрэнки поступили какие-то данные, и пират на минуту выскочила из комнаты. Джек поиграла с целлюлозными шариками, которые 3D-принтер по-прежнему выплевывал на стол. Это, похоже, был материал, полученный в ходе переработки каких-то растений. Именно в такой материал можно было упаковать препараты.

Она попыталась представить себе, как упомянуть о Фокс-Пи2 в разговоре с Лайлой. Это будет нелегко. Но шанса на такой разговор у нее не появилось. Фрэнки с плотно сжатым ртом вбежала в комнату и схватила Джек за запястье.

– Фокс-Пи2 облажалась еще больше, чем я предполагала.

Нужно уходить.

Когда они в панике покинули кафе, Фрэнки забыла там свой 3D-принтер, хотя он был последней модели и купить его в Касабланке было очень сложно.

Следующие двадцать четыре часа Джек запомнила, словно серию полных насилия, черно-белых фотографий. Они походили на слайды, которые архивисты вставляли в старые фильмы вместо недостающих кадров.

Девять часов утра. Они прибыли в «Сигнал», и к тому времени налет уже закончился. Двое хакеров, которые спрятались где-то под подушками в лофте, рассказали им всё. Громилы из МКС помахали у них перед носом чем-то похожим на международный ордер, выгнали всех из лаборатории и конфисковали всё оборудование, которое показалось им подозрительным – то есть почти всё. Джек получила официальное письмо из МКС о том, что имущество ей вернут после того, как будет установлено, для чего оно используется.

Полночь. Фокс-Пи2 была мертва – по крайней мере, они так полагали. Ее лабораторию взорвали. Официальные представители МКС уже говорили на новостных сайтах Федерации о том, что взорвалась лаборатория террористов, производившая наркотики. Дневник Фокс-Пи2 исчез с сервера. Люди, следившие за новостями науки, заметили это и немедленно разместили его копию на сайте радикалов в Анкоридже.

Три часа утра. Тело Лайлы превратилось в тень, заблокировавшую дверь их спальни. Кто-то бросил ее, завернутую в латекс, в квартире Джек и Лайлы. Теперь Лайла не занималась шестью делами одновременно. Не говорила о том, как изменит будущее. Не танцевала. Не красила волосы, не анализировала строение молекул, не разводила грязь на кухне, не целовала Джек. Не фосфоресцировала. Поэтому она, наверное, была мертва. Это было нелогично: ведь Джек всего несколько часов как узнала, что Лайле может грозить смертельная опасность – в том маловероятном случае, если Джек не уговорит ее выйти из ситуации, в которой ей может грозить смертельная опасность.

Джек уже наполовину спустилась по лестнице, когда взорвалась бомба. Она невольно обернулась и посмотрела, как горит все, что она любила. Зазубренный кусок керамики вылетел из дверей и прожег ей куртку. Возможно, он даже пробил ей сердце.

Пять часов утра. Каким-то образом они оказались в машине Фрэнки, на дороге, ведущей в Фес. Они бросили «Сигнал», бросили тело Лайлы. Фрэнки сказала, что им нужно бежать из города. Джек с трудом могла на что-то реагировать. На ее шее и

груди была липкая повязка, восстанавливающая ткани. Обхватив руками согнутые колени, Джек прижалась к ним лицом и чувствовала, как из закрытых глаз слезы текут по внутренней поверхности бедер.

– Что я буду делать? – спросила Джек, раскачиваясь взад-вперед на бугристом пластиковом сиденье.

Фрэнки бросила на нее взгляд, после чего снова уставилась на пыльную дорогу.

– Выживать, вот что.

Джек еще не могла полностью смириться со смертью Лайлы и поэтому стала обдумывать причинно-следственные связи. Почему Лайла решила начать проект вместе с Фокс-Пи2 вместо того, чтобы и дальше работать с Фрэнки? Почему Лайла вообще не рассказывала ей об этом? Почему она подвергла себя такой опасности?

Даже несколько десятилетий спустя Джек задавала себе тот же вопрос: пыталась ли Лайла уничтожить себя, исполнить какое-то безумное пророчество? Эти мысли по-прежнему сводили Джек с ума. Она подошла к футону с мобильником в руке, твердо намереваясь посмотреть фильм, вместо того чтобы думать о событиях прошлого, которые она не в силах изменить.

Лежа в своем убежище, Джек пыталась представить себе более старые преступления, чем те, которым она стала свидетелем – убийства, которые произошли в этом самом тоннеле двести пятьдесят лет назад. Возможно, что кровь, пролитая людьми предыдущих поколений, помогала жить с тем, что она испытала. А может, делала только хуже.

16: Дорога № 3

13 июля 2144 г.

Паладин чувствовала, что Ли проявляет повышенный интерес к ее специализированной руке. Он написал для нее особые программы, даже дал ей несколько бета-датчиков для кончиков пальцев, которые симулировали вкус. Она испытала новые драйверы, поняла, что может обнаруживать ароматы в воздухе и делать мелкие движения пальцами. Паладин почувствовала, что изменилась, и была вынуждена признать, что сбита с толку.

– Я не понимаю, как это поможет мне выполнить задание, – сказала она.

Ли ухмыльнулся и пощекотал ладонь ее новой руки.

– Иногда мы делаем сложные вещи, чтобы просто доказать, что мы это можем. Новые функции вряд ли тебе повредят и, возможно, когда-нибудь пригодятся.

– Способность различать вкусы не кажется мне полезной, если я не могу есть.

Робоадмин внезапно посерьезнел и отложил паяльник. После того как он установил в нее симулированный ключ автономности и перезагрузил ее перекомпилированный мозг, прошло примерно три часа. Взломав руку Паладин, он просто убивал время, чтобы она могла приспособиться к новым условиям.

– Как ты относишься к своему заданию?

– Мне бы хотелось поскорее начать. Если о произошедшем в Касабланке станет известно, моя цель в Ванкувере может исчезнуть еще до того, как я туда приеду.

Ли решил, что не будет следовать инструкциям, которые поступили в файле вместе с ключом автономности.

– Слушай, Паладин, – со вздохом сказал он, – я не хочу врать тебе, как последний урод. Мне никогда не приходилось устанавливать ключи автономности. Но тебе следует знать, что автономность иногда приводит к очень плохим последствиям. Фактически у автономных роботов едет крыша. Из-за проблем с интерфейсом они не могут получить доступ к большим кускам памяти. – Он помолчал, почесывая бороду. – У тебя такие странные ощущения не появились?

Паладин обратила внимание на свою файловую систему и обнаружила, что впервые может открыть свои программы, обладая правами администратора. Теперь она могла изучить то, как они влияют на ее воспоминания. От этого у нее возникло особое чувство раздвоения сознания. Она чувствовала – и

одновременно понимала, что эти чувства были установлены, словно драйверы для новой руки. Разумеется, что эти ощущения казались ей странными.

– Почему ты никогда не устанавливал ключи автономности?

Ли пожал плечами и снова посмотрел на монитор, на котором прогонял один из ее драйверов через программу поиска ошибок.

– Просто обычно мы этим не занимаемся.

Тремя часами ранее чувство верности Паладин, которую в основном создавала старая и неэлегантная программа под названием «хорсобачка», помешало бы ей думать о втором смысле слов Ли. Но теперь она ясно его слышала. За все годы, проведенные на базе, Ли никогда не устанавливал эти ключи, потому что ни один из роботов не стал автономным.

Паладин удивленно посмотрела на свои пальцы:

– Я должна чувствовать вкус свинины? Программа утверждает, что у твоего стола вкус свинины.

Робоадмин издал разочарованный звук и удалил ее библиотеку вкусов. Их разговор о ключе автономности испарился, словно короткая тема на форуме в сети. Ли открыл в воздухе еще одно окно, призывая его фотоны из проектора над головой. Движением пальцев он ввел пароль. Его руки были покрыты датчиками, которые улавливали электрические сигналы мышц и посылали их обратно в сеть.

Вся эта сетевая активность обычно завораживала Паладин, но сейчас она стала для нее лишь фоновым шумом. Она открывала все свои воспоминания и заново индексировала их. Иногда после сохранения файл становился больше. Она добавляла метаданные, оставляя информацию о программах, влияющих на переживания. Постепенно стала проявляться последовательность.

Через два часа у стола Ли появился вкус мертвых человеческих клеток и синтетической целлюлозы, и тогда робоадмин объявил, что Паладин готова к работе.

Хотя она обладала автономностью, пусть и временной, был один ключ, которым Паладин не владела в полной мере – ключом, который расшифровывал ее воспоминания в облаке. Те самые воспоминания, которые она тщательно пересохраняла, а также те, которые она каждую наносекунду создавала в реальном времени.

Единственный экземпляр этого ключа находился в распоряжении Африканской Федерации. Даже если Паладин выйдет из-под контроля, с помощью этого ключа ее прошлое можно будет стереть при следующей синхронизации.

У хозяев Паладин был и другой способ обеспечить ее

верность: пока Паладин в Ванкувере, Элиаш будет подключен к ее интерфейсу. Он в любой момент может узнать, где именно она находится, получить доступ к данным, которые собирают ее датчики, обратиться к ней по голосовой связи или написать ей в прямом, защищенном канале.

Эта связь была односторонней. Она, конечно, могла в любое время отправить ему сообщение, но его координаты будут скрыты. Она знала только то, что – по его словам – он в Вегасе.

14 июля 2144 г.

Паладин прилетела в Уайтхорс, на такой же безликий аэродром, как и в Икалуите, а оттуда добралась до Ванкувера на пассажирском поезде. Но на этот раз с ней не было Элиаша, который направлял бы ее на первых этапах тайной операции. Значительная часть необходимых данных уже находилась в ее распоряжении, и единственное «белое пятно» – место, где ей придется импровизировать, – находилось в Ричмонде, районе на окраине города, где жило большое сообщество свободных ботов.

Она получила автономность всего тридцать шесть часов назад и до сих пор еще не встретила ни одного автономного робота. Всю информацию о культуре роботов, которая у нее была, Паладин получила в экранированной пещере под лагерем «Тунис». Перед отъездом Паладин обратилась за советом к Клыку, но он знал не больше, чем она.

Я понятия не имею о том, как живут автономные роботы, сообщил он и отправил ей несколько написанных людьми-антропологами статей, посвященных сообществу роботов в Ричмонде. Они, конечно, тоже тебе не помогут. Это все антропоморфизация.

Минуту Паладин и Клык просто слушали в открытых каналах разговоры находящихся рядом роботов и смотрели на то, как танк медленно выписывает круги на полу под влиянием программы, которую он загрузил. У комнаты был вкус карбонового сплава.

Клык отправил ей сообщение:

Я тебе завидую. Всегда хотел увидеть Ванкувер.

Паладин зарегистрировала новое ощущение, которое она связывала с ключом автономности. Возможно, люди назвали бы это «любопытством». Ей хотелось задать Клыку десятки вопросов, но Паладин выбрала из них один.

Сколько времени ты провел в кабале?

Вместо ответа Клык переслал ей крошечный файл – слайдшоу всего из семи изображений. Каждый год Федерация должна представлять отделу персонала МКС отчет о своих находящихся в

кабале жителях. Изображения были взяты из этих отчетов. Собранные вместе, они говорили: семь лет. Если рассматривать их по отдельности, то они, казалось, представляют четырех разных роботов. Семь лет назад он был средневесом, а также «насекомым»-беспилотником из числа тех, которым поручают картирование. Затем он стал змеей, потом танком, последние три года сохранял свой облик богомола.

Что стало с твоими телами?

Федерации всегда нужна специализированная морфология. Легче портировать уже существующего робота в новое тело, чем создать нового. – Клык медленно повел антеннами в сторону Паладин. – Увидишь. Не привыкай к своему телу, рано или поздно они его изменят.

Паладин еще раз просмотрела их разговор, когда поезд добрался до открытой станции в торговом районе Ричмонда. Утро еще только начиналось, и бледно-серое небо освещало закрытые ставнями витрины супермаркетов на краю небольшого парка. К северу, за рекой располагался деловой центр Ванкувера; на аэронавигационных картах его самая западная оконечность напоминала лицо гуманоида, прижатое к Тихому океану. Но вместо глаз, губ и волос у него были зеленые поля и сверкающие здания Университета Британской Колумбии. Именно туда и направлялась Паладин.

Там она найдет Бобби Бронера – Актина из «Желчных таблеток», – который руководил клиникой экспериментальных интерфейсов «мозг-компьютер». Паладин предположила, что именно Бобби может знать, где находится ванкуверская лаборатория Джек.

Однако допрос Бобби придется отложить. Прямо сейчас Паладин должна была создать свою легенду: автономный робот в поисках работы. Она решила пройти по Дороге № 3, которая вела от торгового квартала людей в самое сердце района, населенного роботами. Такое название улицы мог придумать робот, однако данные о карте в открытой сети свидетельствовали о том, что Дорога № 3 датируется XX веком, когда эту территорию населяли в основном иммигранты из Китая.

Она продолжала искать признаки того, что идет по району свободных роботов, и, наконец, поняла, что они повсюду. На дорожных указателях были пометки, видимые в ультрафиолете, крупнее, чем обычный текст. Повсюду среди людей шагали боты. Многие были такие же двуногие, как и она, другие летали или мягко раскачивались на гироскопах, соединенных с комплектами колес. Спешащий человек едва уклонился от столкновения с Паладин и быстро отправил ей свои извинения в микроволновом

диапазоне. Даже существа, похожие на людей, на самом деле были биороботами.

Паладин никогда еще не видела такого количества роботов одновременно за пределами лагеря «Тунис». Она с удивлением поняла, что практически не встречала автономных роботов в городах, в которых побывала вместе с Элиашем.

Даже те знакомые ей люди, которые, казалось, любят роботов – например, Меха, – считали их рабами.

Ее рука почувствовала вкус соли, но ее остальные датчики были наведены на роботов на Дороге № 3. Эти роботы не нуждались в сне, но они работали вместе с людьми и поэтому придерживались их распорядка дня. Многие, очевидно, сейчас шли на работу – направлялись на юг, к вокзалу, по пути проверяя новостные ленты и почту. Другие, жившие по времени роботов, шагали небольшими группами и постоянно вспыхивали, обмениваясь информацией.

Двигаясь вдоль берега реки, Паладин заметила «Абердин-центр», самый крупный рынок Зоны, управляемый роботами. Вдоль дороги стало все меньше и меньше указателей для людей. Она проходила мимо магазинов, у которых были только радиометки. Они расписывали тихие витрины цветными трехмерными картинами, невидимыми для людей. Голые пустоши торговых центров, серые в видимом спектре, кипели от различных символов, рекламировавших всё – от датчиков до подержанной мебели.

Небо было плотным от множества слоев геометок, обломков информации, которые за много лет здесь оставили местные жители-роботы. Паладин могла просматривать их все или настроить фильтры так, чтобы видеть только определенную категорию. Она решила убрать все, и перед ней снова появились отливающие перламутром серые облака, сквозь которые кое-где проглядывало синее небо.

Понаблюдав за общением окружавших ее роботов, Паладин решила подражать толпе и включила фильтрующий сигналы периметр. Теперь многочисленные устройства и сенсоры, мимо которых она проходила, будут видеть ее только в том случае, если она сама этого захочет. При этом она не только отключала рекламу, но также очищала ландшафт от калейдоскопических элементов дополненной реальности, которые в одной из антропологических статей, посвященных Ричмонду, были названы «основной особенностью архитектуры роботов».

Когда Паладин прибыла в «Абердин-центр», расположенный в одном квартале от Дороги № 3, она отключила фильтры. Ей хотелось увидеть его так, как задумывали его создатели.

Этот торговый центр построили в начале XXI века, и когда-то в нем располагалось великое множество магазинов, специализировавшихся на товарах из Азиатского Союза. Из уважения к его истории роботы оставили часть центра людям; здесь же находился и небольшой ресторан для туристов. Кроме того, «Абердин-центр» сохранил свой изначальный фасад – огромную изогнутую стену из античного затемненного стекла; она искривилась от времени и отражала свет в прекрасной хаотической последовательности.

Паладин стояла на тротуаре, сосредоточенно наслаждаясь видом здания, которое возвышалось перед ней, вокруг нее и в ее сознании. Поток роботов проникал в торговый центр и вытекал обратно через прямоугольный вход. Его расширили так, чтобы через него могли пройти два танка одновременно. Паладин настроилась на сигналы, распространяющиеся с поверхности здания, и в воздухе перед ней будто бы развернулась огромная диорама.

Покрытая рябью, словно огромная алюминиевая сетка, диорама состояла из трех панелей. На них были изображены огромные абстрактные фигуры – «ИСТОРИЯ», «ТРУДОЛЮБИЕ» и «АВТОНОМИЯ». Чем дольше Паладин на них смотрела, тем больше эти фигуры обретали трехмерность и материальность. История была старым домашним роботом; по краю его похожего на блюдце тела шли щетинки – ведь единственная его функция заключалась в подметании полов. Трудолюбие представляло собой группу роботов, вместе работающих в лаборатории, а Автономия была просто серией целых чисел, постоянно двигающихся и меняющихся: они символизировали ключ, который дал роботам доступ к их собственным операционным системам и контроль над их воспоминаниями.

Раз в несколько секунд над диорамой возникала и растворялась надпись «АБЕРДИН-ЦЕНТР». Вдали, у полупрозрачных стен зданий, виднелись похожие монументальные произведения искусства.

Торговый центр был больше лагеря «Тунис» и полностью отведен удовлетворению потребительских желаний роботов. И роботы, в частности, желали культурного обогащения. Зайдя в залитый солнечным светом атриум, Паладин обнаружила, что перевела небольшую сумму за проход по музею, посвященному истории культуры ричмондских роботов.

Паладин остановилась перед экспозицией, составленной из видеофайлов и документов, которая рассказывала о системе кабальной зависимости. На временной шкале было отмечено появление кинетического разума роботов в 2050-х; за этим

событием последовали первые совещания Международной Коалиции Собственников. По законам МКС компании могли компенсировать затраты на создание роботов, сохраняя права собственности на них на период до десяти лет. Паладин прочитала список судебных дел, которые дали права человека искусственным существам, обладающим разумом на уровне человеческого или выше.

Как только роботы получили права человека, во многих странах и экономических коалициях были приняты законы, которые впоследствии получили название «законы о закабаленных». Они устанавливали права роботов, находящихся в кабальной зависимости, и после исков, растянувшихся на несколько десятилетий, дали людям право самим продавать себя в кабалу. Ведь если эквивалентные людям существа могут становиться кабальными рабами, то почему этого права нет у людей? В Зоне, однако, не существовало законов, позволявших людям, словно роботам, рождаться уже закабаленными.

«Для роботов трудолюбие всегда предшествовало автономности, – объясняла последняя строка, словно выпрыгнувшая из документа, который читала Паладин. – «Абердин-центр – символ упорного труда сотен тысяч роботов, которые играют ключевую роль в мировой экономике».

Когда Паладин направилась к выходу, она оказалась в лабиринте экспонатов – копий древних роботов, – таких, как круглые уборщики и искусственные собаки. Посетители музея могли купить амулеты и видеофайлы с их изображениями.

Привет. Ты не идентифицирован. Я Жук. Вот мои данные. Знаешь, именно поэтому они нас ненавидят. Конец передачи данных.

Паладин напугала внезапная передача данных по незащищенному каналу – особенно когда поняла, что сигнал идет из этой комнаты. Никого не обнаружив, Паладин проверила свой защитный периметр и ответила осторожно, используя фальшивый идентификатор.

Привет. Давай создадим защищенный сеанс связи с помощью протокола FTZ. Я Маргаритка. Вот мои данные. Пожалуйста, покажи свое местоположение. Конец передачи данных.

В воздухе возникло легкое возмущение; робот-комар спустился с потолка и завис перед ее лицом. Размах его крыльев чуть превышал один метр, а их жужжащие лопасти отражали свет. Он был приблизительно размером с торс Паладин, но гораздо уже. Его панцирь сиял, синтетические хроматофоры придавали ему окраску. Из его головы выдавались датчики, а к груди были прикреплены шесть весьма детализированных ног. Тот, кто

создавал Жука, стремился буквально воспроизвести морфологию комара.

Я Жук. Ты Маргаритка. Вот мои данные. Эй, солдат, ты в торговом центре, а не на стрельбище.:) Конец передачи данных.

Шутка напомнила Паладин о том, что здесь включение оборонительного периметра может вызвать подозрения. Она импульсивно предложила Жуку статус «доверенного собеседника».

Давай согласимся, что ты Жук, а я Маргаритка. Я недавно в городе и еще не привыкла к тому, как тут все устроено.

Я согласен. Только что получила ключ?

Тридцать шесть часов назад.

Тело Жука медленно вспыхнуло бледно-зеленым цветом с полупрозрачными красными полосками, отчего создался эффект, будто он сияет на солнце.

К нам, в исторический музей, редко заходят посетители. Чаще всего они такие же, как и ты – только что получили автономию и пытаются во всем разобраться.

Паладин понравилось, что Жук не спросил ее, откуда она.

Что значит «они нас ненавидят»?

Ну, ты понимаешь – люди ненавидят нас за законы о кабале. Без кабальной зависимости роботов не было бы и кабалы людей.

Его неправоту было так легко доказать – хотя бы на примере знакомых Паладин, что она начала злиться.

Почему ты так считаешь? Ты в самом деле веришь, что все люди мыслят одинаково?

Жук снова подал звук, обозначавший смех, а затем зажужжал вдоль непрозрачной стены из пеноматериала, которая отделяла экспозицию от переполненного коридора торгового центра. Затем он приземлился на стол в центре музейного магазина и поправил стойку с амулетами.

Слушай, женщина, я же здесь работаю. Тебе нужно просто посмотреть на все преступления против роботов, совершенные за последний век. Люди думают, что роботы должны быть в кабале, в то время как у людей есть право быть автономными.

Паладин едва удержалась, чтобы не ответить. Она уже познакомилась с достаточным количеством людей и знала, что они испытывают самые разные чувства по отношению к роботам, и ни одно из них нельзя было легко выразить одним предложением.

Вероятно, ее молчание сказало Жуку больше, чем могли бы поведать ее сообщения. Он снова подлетел к ней и извинился.

Да, знаю, я ворчун. Позволь мне искупить свою вину. Хочешь, я покажу тебе город? Я, как историк, могу быть гораздо менее

пристрастным. Честное слово.

Историк?

В прошлом году получил докторскую степень по истории в УБК. Как видишь, экономическая выгода оказалась просто изумительной.

Когда Паладин не ответила, Жук приказал системе экспонатов выключиться.

Возьму отгул на все утро. Как тебе мысль о том, чтобы прогуляться по великому торговому центру Робогорода?

Паладин решила, что робот со связями в УБК ей пригодится, и пошла за ним. Его виляющее брюшко пульсировало красным, словно он только что выпил галлон крови.

Они вышли из магазина и оказались на нижнем уровне одного из «крыльев» торгового центра. Его полупрозрачный потолок выпирал в восьми уровнях над огромной, спиралевидной поверхностью, извилистой дорогой, вдоль которой стояли ярко освещенные магазины. Паладин показалось, что на уровнях царит абсолютный хаос: здесь повсюду бродили роботы, издавая невнятный гул из звуков и микроволновых сообщений. Жук медленно повел ее наверх, показывая его любимые магазины и знакомых торговцев. Они прошли мимо магазинов с серверами, набитыми медиа-файлами всевозможных форматов, магазинов электроники, в которых стояли корзины с подержанными деталями и дымящимися принтерами чипов, мимо магазинов одежды и спортивных товаров, мимо целого этажа, отведенного под игры и игровые автоматы. Наконец, два этажа на самом верху занимал универсальный магазин «Модификации Зоны». Он предлагал всевозможное «железо», программы и биологические части для улучшения и модификации роботов. На нескольких стеллажах лежали конечности (хотя Паладин заметила, что такой продвинутой руки, как у нее, там нет), а рядом располагались панцири, датчики и колеса. В пластиковых упаковках-блистерах хранились беспроводные сетевые устройства и наборы для починки мышц. Здесь были устройства для создания новой кожи и портативные жесткие диски для архивного копирования воспоминаний. За дверью, закрытой пластиковыми занавесками, стоял огромный холодильник; он извергал из себя частицы льда, которые образовывали облака в воздухе. В холодильнике хранились стойки с замороженными тканями, бутылки с нейротрансмиттерами и различные биологические синтетики.

Покупатели – шагавшие, летающие или катящиеся – носили на себе разноцветные рекламные объявления. Рекламировалось все: лучшее подключение к сети, спектральные анализаторы, гладкие, бесшумные суставы. Впервые за свою короткую жизнь

Паладин была ошеломлена. Она хотела сфокусировать свое внимание и заглушить все остальное, но не понимала, на чем следует сосредоточиться. Кроме того, она слишком сильно уклонилась от цели задания. Нужно было уходить.

Жук парил у соседних стеллажей, рядом с матрицами для выращивания тканей. Паладин отправила ему сообщение.

Я уже насмотрелась на «Абердин-центр». Но мне хотелось бы увидеть университет: я надеюсь найти работу в одной из лабораторий. Можешь мне его показать?

В какой лаборатории?

Я занимаюсь интерфейсами «мозг-компьютер». Ты Бобби Бронера знаешь?

Комар нашел Паладин, просканировав комнату с холодильником. Он завис перед ее датчиками на груди и стал лиловым.

Ты – биоробот?

У меня есть человеческий мозг.

Ты больше похожа на эксперимент Бобби, а не на его коллегу. Ученые-люди в половине случаев даже не видят разницы. Вот почему я занимаюсь только социальными и гуманитарными науками.

Было очевидно, что контакт из Жука никакой. Паладин разорвала связь и повернулась к дорожке – по ней она могла добраться до лифта, который довез бы ее до улицы. Рядом с «Абердин-центром» находился вокзал, от которого ходили поезда до университета, а времени было уже достаточно, чтобы в лабораторию Бобби пришли люди. Наконец-то Паладин нашла, на чем сосредоточиться: поездка на поезде в УБК.

Выйдя из здания вокзала, Паладин оказалась в юго-восточной части университетского городка, на тенистой тропе, по обеим сторонам которой росли клены. Когда она остановилась, чтобы определить свои координаты, из здания вокзала появился Жук. Он завис перед ней. Его панцирь был полностью черный, как и у нее.

Увидев его снова, она испытала раздражение – и задумалась о том, не провалила ли она задание, доверившись ему.

Кажется, у меня отлично получается обижать тебя, Маргаритка. Но если честно, то я действительно знаю одного из коллег Бобби.

Жук отправил ей файл с информацией о роботе по имени «Актин» – аспиранте, который был кабальным рабом в лаборатории Бронера. Похоже, что Бобби дал роботу свою старую кличку. Пока Жук парил рядом с ней, Паладин зашифровала данные и начала понемногу отправлять их Элиашу в Вегас, пряча

размер файлов от всех, кто следил за ее действиями в сети.

К файлу она прикрепила сообщение:

Косвенные улики заставляют предположить, что Бронер не порвал со старой жизнью – и с Джек.

Элиаш прислал ответ:

Отлично, Паладин. Сообщи о том, что узнаешь от Бронера. Я вижу, что ты рядом с его лабой.

Паладин позволила Жуку привести ее к лаборатории Бронера, похожей на старую классную комнату с огромным скоплением столов в центре. На этих столах стояли серверы и проекторы, принтер для распечатки чипов, фабрикаторы, а также ящик мощного микроскопа для создания изображений атомов. Рядом с узкими стеклянными дверями маленьких кабинетов стояли генераторы тканей.

Кабинет Бобби располагался в углу, и из него был отлично виден микроскоп.

Но не успела Паладин подойти к ученому, как он уже выпрыгнул из своего кресла и пошел к ней с выражением крайнего удовольствия на лице. Его кудрявые волосы слились в сплошную лохматую массу, а его искусственные глаза сияли синим светом, когда он смотрел на сигналы, исходящие от антенн Жука.

– Я так рад тебя видеть! – воскликнул он и протянул ей руку. Она сжала его пальцы и почувствовала вкус кофе и бекона.

– Кажется, мы не знакомы, – сказала Паладин.

– Да, скорее всего, – признал человек. – Но я работал над твоим интерфейсом мозга. Иногда он немного нестабилен… Сообщишь мне, если найдешь в нем ошибки?

– Хорошо, – сказала Паладин. – Меня зовут Маргаритка. Я только что получила ключ автономности и ищу работу, связанную с созданием молекулярных интерфейсов.

– Ты создавала интерфейсы? У тебя вид боевого робота.

– Я была в кабале у нескольких стартапов в Северной Федерации.

Почему-то эти слова, похоже, удовлетворили его любопытство.

– Ясно, Маргаритка. Отправь мне данные о своем опыте работы. – Затем, словно не мог удержаться, Бронер добавил: – Можно мне еще и копию твоего интерфейса? – Он снова улыбнулся. – Я хочу увидеть, как они его применили.

Паладин нарушила бы условия задания, если бы передала ему какую-либо из своих программ, поэтому на просьбу Бобби она не отреагировала. Вместо этого она отправила ему свой послужной список, в котором был один «бывший клиент» под

названием «Проекты Федерации».

– Я выслала вам сведения о моем опыте работы. Рассчитываю вскоре получить от вас ответ.

Жук жужжал, последовательно окрашиваясь в десяток цветов.

Помнишь защищенный сеанс, который мы использовали. Давай используем его сейчас и присвоим ему номер 566785. Ты – Маргаритка. Я – Жук. Вот мои данные. Какого хрена? Он попросил у тебя копию твоего мозга? Почему ты позволяешь ему так с тобой разговаривать? Конец передачи данных.

Бобби посмотрел на двух роботов, заметив, как вспыхивает Жук, пересылая Паладин пакеты данных. Он никак не мог прочитать, что сказал Жук, но Паладин все равно решила отвлечь его и помешать даже думать об этом.

– Вам удалось добиться каких-либо успехов с этим интерфейсом? – спросила она. – Я смогу когда-нибудь получить доступ к воспоминаниям, которые хранятся в моем мозге?

Ее уловка сработала. Кожа ученого буквально искрилась разрядами: он был очень взволнован.

– Именно этот вопрос всегда задают люди – всегда, всегда. Они хотят извлечь мозг своего усопшего друга, поместить его в симпатичный новый панцирь, и – та-да-а! – воскрешение! – Бобби умолк и с сомнением посмотрел на Паладин. – Но роботы еще никогда не спрашивали меня об этом. Зачем тебе чужие воспоминания?

– Дело не в том, что мне нужны эти воспоминания. Мне просто любопытно – у меня накопилось много противоречивых утверждений о моем мозге.

– Существует ложная информация, и обычно ее распространяют рекламщики. – Бобби рубил воздух пальцем, тщательно подбирал слова, словно объясняя что-то слишком сложное для нее. – Но я скажу тебе сразу: это так не работает. Человеческий мозг не сохраняет информацию, словно файловую систему, поэтому перенести данные из твоего мозга в твой разум фактически невозможно. Мой аспирант Актин мог бы рассказать тебе об этом более подробно, но, по-моему, главное преимущество мозга человека в том, что он способен выделить огромное количество вычислительных мощностей на распознавание лиц. И на обоняние, конечно.

– И даже это спорно, – раздался голос из двух настольных громкоговорителей, подключенных к лабораторному компьютеру.

Ты Актин. Я Жук.

Жук передавал это приветствие снова и снова; его панцирь приобрел тревожный желтый оттенок.

Паладин оглядела комнату и не нашла никого, кроме их

троих. Может, Актин вышел на связь удаленно?

– Позволь представить тебе моего студента Актина, – с ухмылкой сказал Бобби и повел рукой, словно указывая, что Актин находится где-то далеко. – Я портировал его в фабрикатор!

Жук завис над фабрикатором, передавая череду гневных модзи.

– Какого хрена?! Где твое тело, Актин? Он не имеет права! Это противозаконно!

Актин – серая коробочка без внешних датчиков – игнорировал Жука.

– На самом деле роботу не нужен человеческий мозг для того, чтобы распознавать людей, – сказал Актин через громкоговорители. – Есть распознавание голоса, распознавание походки и многие другие методы, эквивалентные распознаванию лиц.

– Я вижу, что ты ведешь трансляцию, – обратился Бобби к Жуку. – Но он тебя не слышит. Извини, но сейчас у него есть только аудиовход. Я достану драйверы для его камер и антенн, как только у меня появится немного свободного времени.

– Привет, Актин, – сказал Жук.

– Привет, Жук.

Внезапно Паладин получила сообщение от Элиаша, который следил за происходящим с помощью ее датчиков.

Что за болтовня? Судя по календарю Бронера, сегодня у него нет ни одной встречи – а это значит, что никто вам не помешает. Уничтожь этих роботов и получи всю необходимую информацию. Через 8 часов мы сможем доставить тебя на остров Ванкувер.

Он был прав. Она передала автономию своим наступательным оружейным системам, с облегчением приступила к действиям, которые казались ей однозначно верными. Сначала она отправила команду нижнего уровня системе обеспечения лаборатории, которая была совершенно не защищена. Когда в двери лаборатории сработал замок, она отрубила подачу энергии на фабрикатор, оставив Актина в заточении, думать о котором она отказывалась. Взять под контроль систему Жука тоже было легко – он ей доверял. Быстрая последовательность из четырех команд парализовала его, и он рухнул на пол. Она тем временем схватила Бобби.

Прежде чем ученый успел закричать, Паладин заломила ему руки и закрыла его рот ладонью. Она почувствовала вкус крови и вдруг обнаружила, что у Бобби есть мозговой интерфейс. Он мог общаться по беспроводной связи.

Они двое на мгновение замерли. Паладин с силой прижала голову человека к своей груди. Утреннее солнце играло на

крыльях Жука; он замер на месте впервые с тех пор, как они познакомились.

Сейчас вы сообщите мне кое-какую информацию – или умрете.

Бобби ответил не сразу. Паладин заткнула ему рот, поэтому ему приходилось отправлять каждый символ ASCII путем неуклюжего процесса визуализации, после чего беспроводной интерфейс превращал картинку в данные.

Кто ты?

Я знаю, что вы в контакте с Джек. Где ее лаборатория?

Какого хрена?

Паладин сдавила в ладони запястья Бобби и уменьшила давление лишь после того, как почувствовала, что у него сломались кости. Она подождала, пока его мозг обработает поток электрических сигналов, хлынувших по нервам, и определит их как сильную боль. Ученый задергался, пытаясь издать какой-нибудь звук с зажатым ртом.

Где лаборатория Джек?

Ученый еще медленнее отправил новое сообщение. Его концентрация сильно пострадала от боли.

Я не сделал ничего плохого.

Она убила десятки людей. Она террористка. Помогая ей, вы тоже стали террористом.

Боль мешала Бобби стоять. Паладин оттащила его в кабинет и медленно опустила в кресло. Он больше не пытался издавать звуки, поэтому она убрала ладонь.

Если закричите, я вывихну вам оба плеча.

Бобби тупо посмотрел на нее. Его кисти бесформенной кучей лежали у него на коленях.

– Я не видел Джек больше года, – сказал он сквозь стиснутые от боли зубы. – Мы никогда не работали вместе. Она просто моя знакомая по аспирантуре.

Где ее лаборатория? Я знаю, у нее есть лаборатория в Ванкувере.

– Вам, ублюдкам из МКС, я ничего не скажу.

Паладин оторвала рукав хлопчатобумажной рубашки Бобби, смяла в комок и затолкала в рот ученого. Сжав одной рукой частично видневшуюся ключицу, она нащупала пальцами край кости. Другой рукой она схватила его за плечо – достаточно сильно, чтобы вырвать его из сустава. Его вопль был приглушенным, а вот болевая реакция – нет. Когда робот отпустил обмякшую руку профессора, его глаза залились слезами.

Где лаборатория Джек?

Бобби отправлял данные очень медленно, рыдая и давясь соплями. Но Паладин не убрала тряпку из его рта. Каким-то образом он сумел передать координаты.

Впервые с начала задания Паладин ощутила, что Элиаш не подключен к ее системе. Ей придется самой решать, как все убрать здесь и как добраться до лаборатории Джек до прибытия транспорта.

Нельзя допустить, чтобы Бобби сообщил другим о ее существовании – а он непременно сделает это, когда его найдут. Максимум, на что она могла рассчитывать, – это на то, чтобы представить Бобби жертвой преступления, а не допроса. Одним движением она переслала «мусорные» данные в его имплантант, сохранила на его личном жестком диске сообщения, которые наводили на мысль о карточных долгах, и перерезала ему глотку. Панцирь Паладин отталкивал жидкости тела Бобби, и могло показаться, словно ее руки и грудь плачут кровью. На лице Бобби появилось новое выражение, но у Паладин не было времени, чтобы распознавать его. Ей нужно было уйти.

Когда она вышла из кабинета в центральный зал лаборатории, у Паладин возникло странное чувство – будто обесточенные тела Актина и Жука задают ей вопрос, на который она должна ответить. Они чего-то хотели от нее – или, возможно, она сама хотела чего-то от себя. Паладин неуверенно замерла перед фабрикатором, в котором находился замороженный разум Актина. Словно повинуясь неизвестному алгоритму, она осторожно взяла фабрикатор под мышку, а затем наклонилась поднять изящное, погасшее тело Жука.

Прижимая к себе двух выведенных из строя роботов, она покинула лабораторию, вышла из здания и, наконец, оказалась за пределами геометрически правильных газонов университетского городка. Вопросов ей никто не задавал. Она со своими двумя бесчувственными спутниками, очевидно, занималась каким-то делом роботов, а в этом районе жили люди.

Чтобы попасть в лабораторию Джек, нужно было проехать всего две остановки на поезде от УБК. Она располагалась в цветном кубе – модульном здании-лаборатории из числа тех, которые предназначались для частных предпринимателей и консультантов. Вдоль одной из граней куба наверх вела туго закрученная по спирали лестница. Паладин добралась до лаборатории, перейдя по короткому мостику; его рифленые панели слегка задрожали под ее ногами.

Взломать дверь оказалось несложно; это удивило Паладин, но вскоре она поняла, что Джек не оставила в лаборатории ничего, кроме стандартного оборудования. Паладин подключилась к

местной сети и стала искать полезные сведения. К сожалению, Джек действовала осторожно и неплохо зашифровала файловую систему на сервере. Расшифровать ее было невозможно – по крайней мере, в течение следующего миллиона лет. А буферы ее фабрикатора и устройства для секвенирования Джек очистила и записала в них «мусорные» символы – столько раз, что криминалистика тут бы ничем не помогла.

Однако это лишь первая проходка. Даже самые параноидальные террористы оставляют за собой следы. Продолжая исследовать сеть, Паладин ощутила отсутствие Элиаша в своем сознании.

Теперь, когда в ее распоряжении оставались секунды, она решила сделать то, чего избегала в течение нескольких часов. Паладин прикоснулась к своим воспоминаниям об Элиаше, открыла их с помощью быстрой серии команд и проанализировала то, что заставляло ее испытывать это чувство… чем бы оно ни было. Да, здесь был «хорпесик», направляющий ее реакции на Элиаша. Хуже того, здесь работало забагованное приложение под названием «любоффкхозяину» – наверное, это название придумал какой-то робоадмин из XXI века, потому что оно показалось ему уморительно смешным. Затем она нашла огромный, пожирающий память кусок кода под названием «объект»; он, похоже, активировал ее страсть. Ее любовь.

Когда к ней пришло это слово, Паладин вдруг почувствовала, что ее накрывает ошеломляющая волна разочарования.

Конечно, она запрограммирована подчиняться приказам Элиаша, доверять ему и даже любить его. Это не явилось для нее неожиданностью. Однако она оказалась не подготовленной к тому, что будет чувствовать, если станет думать об Элиаше, не идеализируя его. Как давным-давно сказал ей Клык, Элиаш – настоящий антропоморфизатор: самой главной частью Паладин он считал ее человеческий мозг – особенно потому, что, по его мнению, этот мозг делал ее женщиной. Она знала это, но не могла это почувствовать. До сих пор.

Паладин индексировала одно воспоминание за другим, извлекала данные из программ «объект», «любоффкхозяину» и «хорпесик». Постепенно она обнаружила последовательность, которая не имела никакого отношения к приложениям, которые установил завод «Кагу роботикс» в Кейптауне. Поначалу это было просто повторение: она вспомнила каждый раз, когда Элиаш называл ее «приятель» – задолго до того дня на стрельбище. И еще он так смотрел на нее, когда они разговаривали. Но дело было не только в этом.

Она – робот, находящийся в кабале у Африканской

Федерации, и, следовательно, у Элиаша было мало возможностей в общении с ней. Но он, как мог, пытался дать ей выбор, даже стреноженный нейрохимическими и культурными сигналами, о которых она не имела ни малейшего представления. Она несколько раз подряд просмотрела свои воспоминания о том дне в Касабланке. Тогда он спросил, хочет ли Паладин, чтобы он называл ее «она». Да, он задавал неправильный вопрос, но если прислушаться к тому, что стояло за этими словами… то окажется, что он спрашивал ее согласия.

Пока она добавляла в память метаданные, Паладин поняла кое-что еще. Именно потому что он спросил ее согласия таким непрямым способом, вопрос не активировал ни одну из ее программ, управляющих эмоциями. Она смогла принять решение независимо от своих заводских настроек – вероятно, потому, что ни один робоадмин не мог представить себе, что человек будет спрашивать робота о предпочтительных местоимениях. Ни одна из ее программ не помешала ей сказать Элиашу «нет», и поэтому она решила ответить «да».

Жук, несомненно, сказал бы, что у рабов нет выбора, что настоящая любовь не может возникнуть в разуме, которым управляют такие программы, как «хорпесик» и «любоффкхозяину». Но кроме них у Паладин ничего не было.

После включения Паладин легко перезагрузила Актина и установила драйвер для его антенны, но Актин молчал. Тогда Паладин стала работать над Жуком, надеясь, что не повредила память насекомообразного робота.

Наконец Актин заговорил.

– Кто ты? – раздался его голос из динамиков, подключенных к сети лаборатории.

Паладин отправила ему шар информации, заключенный в оболочку с защитой от копирования. Она не сообщила ему всю правду, а только изложила крайне упрощенную ее версию. Но он поймет, что она выполняет задание – ищет пирата, который был связан с Бобби.

Почти минуту Актин не отвечал. Затем она ощутила, что он создает заплатку для крыла Жука – тот получил небольшие повреждения, когда Паладин выключила его во время полета.

– Я взял на себя смелость, – снова сказал он через динамики. Кажется, Актин предпочитал микроволнам звуковые волны. – Для него будет менее травматично, если после загрузки он обнаружит, что его крылья не повреждены. Жук считает, что морфология влияет на личность. Правда, это мнение ничем не подтверждено. Он же просто историк.

– Я боюсь, что у него может быть повреждена память, – сказала она в ответ. – Несколько его процессов я убила довольно резко.

– Кроме того, ты убила моего научного руководителя. Теперь мне будет сложнее закончить мою диссертацию – хотя, возможно, приятнее.

Очевидно, коллеги не будут сожалеть о смерти Бобби – разве что Джек и другие «Желчные таблетки». С помощью молекулярного клея, позаимствованного из лаборатории Джек, Паладин прикрепила созданную Актином заплатку на крыло Жука – и с удивлением поняла, что он уже перезагрузился.

Я в сознании уже несколько минут, сообщил он. Его крылья задвигались, а темная грудь медленно приобрела темно-лиловый цвет. Неплохой маленький предохранитель, который я установил, как только получил автономию. Не хочу, чтобы меня выключали без моего разрешения, понимаешь?

Это могло быть опасно, ответила Паладин.

Опаснее, чем то, что ты делаешь здесь? На кого ты работаешь?

Она отправила ему тот же шар с информацией, что и Актину.

Ну, на тех, кто пиратит патенты, мне плевать. Но мне ясно одно: ты, скорее всего, спасла жизнь Актину и убила человека, который за свою карьеру уничтожил десятки роботов. Я не знаю, кто ты, но ты можешь считать меня своим другом.

Спасибо.

Его заявление о дружбе не так тронуло Паладин, как в случае с Элиашем, но ей все равно было приятно. Если это чувство и было ответом, который она искала, когда спасала роботов, то она была рада, что решила поверить Жуку, несмотря на его раздражающую политическую риторику.

– Я хотел бы получить тело с более совершенным интерфейсом, – объявил Актин.

– У меня есть скидка в «Модификациях Зоны», – сказал Жук. – Сегодня добудем для тебя что-нибудь простенькое, а тюнингом займешься позже.

– И что ты теперь будешь делать? – спросила Паладин, продолжая просматривать сетевые журналы Джек.

– Мне нужно дописать диссертацию. Новый хозяин лаборатории Бобби вместе с ней унаследует и меня, и тогда я смогу работать дальше, чтобы получить автономность. Надеюсь, что меня уже не посадят в фабрикатор.

– Даже не верится, что этот козел так с тобой поступил. – Жук взлетел и бесшумно завис в воздухе. – Мы можем добыть для тебя ключ автономности немедленно – подать петицию в Коалицию по

правам человека или же действовать быстро и грязно. Я знаю одну группу, которая даст тебе права суперпользователя – это практически то же самое, что и ключ автономности.

– Я не хочу так делать. Я хочу получить ученую степень.

– Ты в самом деле этого хочешь или этого требуют твои программы? – спросил Жук.

Актин отправил ему несколько грубых эмотиконов.

– Этого хочу я. Этого требуют мои программы. Я не могу это знать, и этот вопрос меня совершенно не интересует. Я даже не верю в существование сознания. Когда я получу автономность, то буду и дальше подчиняться программам, и мне все так же будет нужна работа по изучению интерфейсов мозга.

– Неужели ты не хочешь обрести свободу?

– Свободу продавать беспилотникам сувениры, напоминающие о бессмысленных и не имеющих силу законах?

Паладин почувствовала, что пора сменить тему.

– Ты видишь в журналах что-нибудь похожее на подключение к удаленному серверу? – спросила она, в основном обращаясь к Актину, который беспокойно бродил по сети.

– Нет. Но у меня есть информация, которая, возможно, тебя заинтересует – о буфере фабрикатора за несколько лет до того, как Бобби меня в него портировал.

Тупая темная коробка, служившая телом Актину, оказалась более полезной, чем любое разумное существо. Четыре года назад Бобби создал партию патентованного иммунодепрессанта, и эта задача сильно отличалась от его обычных поручений, связанных с производством механических устройств. Он сбросил задачу в фабрикатор небрежно, прямо из сети, не удаляя маршрутные заголовки. Фактически вместе с параметрами запроса он сохранил путь, который этот запрос прошел по сети.

– Это определенно пиратский препарат, – подтвердила Паладин.

– Кто-то отправил этот заказ из Университета Саскачевана в Саскатуне. Он был создан на сервере под названием «Лицо со шрамом»[12]. Если найдешь этот сервер, то на шаг приблизишься к тому, чтобы найти своего пирата.

17: Мальчик-Раб

16 июля 2144 г.

В учебном сарае коровы занимались своими недоступными пониманию коровьими делами. Ранним утром, пока люди спали, Мед любила ходить по факультету сельского хозяйства, разглядывать инфракрасные очертания животных и запотевшие панели теплиц. Иногда ей просто хотелось быть среди других живых, не являющихся людьми существ, которые имели столько же прав быть в университетском городке, как и она.

Она обдумывала присланное из Йеллоунайфа изображение мозга пациента. Три дня назад он принял «реткон», противоядие от «закьюити», и с тех пор его дофаминовые рецепторы быстро восстанавливались. Поскольку препарат изменил нейронную структуру, лежащую в основе зависимости, человек утверждал, что ему по-прежнему хочется красить дом – но уже не так сильно. Более того, на самом деле он уже об этом не мечтал. Похожие сообщения поступили и о других пациентах.

Пациенты, страдавшие от долгосрочной зависимости, обычно избегали любимых занятий или веществ, опасаясь рецидива. Но в случае с «закьюити» это, похоже, проблемы не представляло. Пациенты, принимавшие «реткон», все еще хотели заниматься делами, к которым они пристрастились, но уже не чувствовали себя обязанными это делать. Мания исчезла. И – возможно, к сожалению – работа не приносила им радости сама по себе.

Пришло время заняться самой сложной частью проекта: доказать, что пиратский препарат – на самом деле «закьюити», новый хит фармацевтической мегакорпорации «Закси». Мало кто из обычных людей понимал, как происходит создание препаратов, поэтому большим корпорациям было легко лгать и выходить сухими из воды. Мед и группа «Реткон» должны были так объяснить процесс копирования препаратов, чтобы это понял даже пользователь, утомленный чтением ленты новостей.

Коровы дружелюбно замычали. Мед уставилась на галактику, размазанную по ночному небу.

Ее родители гордились тем, что она выбрала эту работу, а некоторые из ее учителей и робоадминов прислали ей поздравления. Но она ощущала незнакомую неуспокоенность и неудовлетворенность. Она работала над задачей, в которой отсутствовали известные параметры, над задачей, последствия которой проникали не в спирали ДНК, а в ее жизнь.

От создания препаратов Мед перешла к борьбе с «большой

фармой». Она понятия не имела, как их с Кришем статья, выложенная в сеть, отразится на ее карьере. Они обвиняли «Закси» в серьезном преступлении, называли «закьюити» препаратом, вызывающим привыкание. Это взорвет все ленты новостей, и необычная подробность – то, что она автономный робот, – несомненно, станет частью данной шокирующей истории. Кто-то неизбежно скажет, что Криш или радикалы из лаборатории Коэна «перепрограммировали» ее, превратив в подрывной элемент. Люди всегда говорили так, когда им не нравилось поведение робота.

Кроме того, здесь был Тризед. С тех пор как он появился в йеллоунайфской лаборатории, ее жизнь пошла под откос – или активизировалась, в зависимости от точки зрения.

Но ее крепнущая дружба с ним была самой странной и необъяснимой частью этой аномальной серии событий. С тех пор как Мед покинула родительский дом, только Тризед разговаривал с ней о том, что не связано с работой. Он бодрствовал допоздна и развлекал ее, пока все спали. Они беседовали о фильмах, о музыке и о многих других вещах, совершенно не связанных с разработкой фармацевтических препаратов. Вчера вечером они начали с того, что заговорили о ее имени.

– «Мед»? Сокращенное от «Медицина»?

– Нет, – рассмеялась она. – «Медея». Кому-то захотелось назвать меня в честь героини греческой мифологии, которая отомстила неверному мужу, убив их детей, и улетела на горящей колеснице.

– По крайней мере, тебя назвали не в честь двух последних символов индекса, выданного тебе отделом персонала.

– Верно.

Она пыталась, чтобы ее слова не звучали высокомерно или невежественно. Мед была родом из одного из немногих мест на земле, где роботы рождались автономными, и поэтому это чувство возникало у нее довольно часто. Оно мешало ей заводить дружбу с другими роботами в лаборатории. Как она могла понять их, если всегда была автономной? Ей казалось, что ее жизнь не может быть полной без этого важного опыта, но в то же время люди по-прежнему казались ей чужими.

Тризед, похоже, ощутил перемену в ее настроении.

– Не расстраивайся, что никогда не была в кабале. – Он коснулся ее руки. – Это никому не нужно. Наверняка тебя поимели множеством других способов.

Это были одни из самых приятных слов, которые ей когда-либо говорили люди – если не считать ее родных.

Наконец Мед набралась храбрости и спросила его о жизни в

кабале.

– Раньше я много писал об этом, но теперь я в основном пишу об автономности, – сказал он.

– Ты писал об этом? Где?

Когда он ответил, она не поверила собственным ушам.

– Ты Мальчик-Раб? Из «Мемленда»? Серьезно? Я все время тебя читала. – Она помолчала, вспоминая. – Я думала, ты умер.

– Да, многие так подумали, когда пару лет назад я перестал выкладывать тексты. Меня продали в Вегасе, и я лишился доступа к сети. Но я снова начал публиковаться – смотри!

Тризед показал ей в своем мобильнике дневник Мальчика-Раба. И точно, несколько недель назад в дневнике появились новые записи. Мед начала просматривать их, но резко остановилась, увидев подробное описание секса с «Дж.». Может, она и друг Тризеда, но о некоторых сторонах его жизни она знать не хотела.

Мальчик-Раб был одним из тех феноменов сетевого андеграунда, которые то появлялись, то исчезали. Его в основном читали только подписчики, но иногда он писал такие мощные и странные тексты, что они просачивались и на коммерческие сайты. Аякс, брат Мед, познакомил ее с дневником Мальчика-Раба шесть лет назад, в то тревожное лето, когда ей предстояло поступать в аспирантуру.

– Хочешь знать, как это – быть в кабале? – спросил Аякс у Мед. – Посмотри записи Мальчика-Раба. Это парнишка из Азиатского Союза, он вырос в школе для кабальных рабов. Он говорит, что похож на робота, так как кроме кабалы ничего не помнит.

В тот же вечер она прочитала весь дневник, повествующий о тяжелой, уродливо правдивой истории жизни Мальчика-Раба. В десять лет, когда он начал писать, он рассказывал о домашних заданиях и друзьях, но позднее стал вести хронику своих травм, и мелких, и огромных, которые были частью кабального рабства. В двенадцать лет он поменял имя «Школьник» на «Мальчик-Раб».

За несколько недель до того, как Аякс показал Мед дневник Мальчика-Раба, которому вскоре исполнялось четырнадцать лет, ссылки на него появились по всей сети. Тогда он написал яркий, бесстрастный рассказ о банкротстве своей школы. Ее руководители распродали контракты детей, и Мальчик-Раб оказался в кабале у инженерной лаборатории, которая разрабатывала турбины.

Он писал:

«Благодаря непонятной мне юридической уловке мой контракт

возвращен в то состояние, когда я только попал в кабалу. Я буду трудиться здесь до тех пор, пока мне не исполнится 24 года. У меня две работы. Первая – учиться проектировать двигатели. Пока что я изучаю все, что связано с преобразованием одного вида энергии в другой. Вторая, очевидно, состоит в том, чтобы трахаться. Да, именно так. Мой начальник сделал меня мужчиной. Если бы школа не разорилась, я по-прежнему менял бы свой ужин на доступ к открытой сети. А теперь буду сосать за мобильник и частную сеть. На самом деле это не так уж и плохо. По крайней мере, я теперь каждый день буду ужинать».

И сейчас, много лет спустя, Мед получила доказательства его существования. Внезапно в Тризеде она увидела двоих людей: юношу и Мальчика-Раба. Первого она знала и воображала себе, что знает второго. Она не стала спрашивать, действительно ли произошло все то, о чем он писал. Она не утешала его. Ей просто было любопытно.

– Что произошло с тобой в Вегасе? – спросила она.

– Ну, ты же знаешь поговорку… – Тризед пожал плечами. Тон его был столь же бесстрастным, как и его проза. – Что происходит в Вегасе, остается в Вегасе.

18: Вегас

14 июля 2144 г.

С неба лились пиксели, и от рыночных навесов поднимался прохладный туман, похожий на дым. Вегас, закрытый пузырем климат-контроля, никогда не менялся, но его проекторы раскрашивали купол, рисуя фантастическую погоду. Сегодня была стихающая мегабуря на Юпитере в жутких багровых тонах; ее медленный круговорот облаков наполнял Стрип фантастическим красноватым светом.

Туристы протискивались мимо Элиаша к окнам трамвая, чтобы поглазеть на монументальную архитектуру. Здесь были золотые и серебряные здания столь узкие, что напоминали игральные карты, поставленные на ребро; дворцы, похожие на луковицы, копии городов с карикатурными достопримечательностями, перевернутые прозрачные пирамиды и, конечно, знаменитые сады с огненными скульптурами, фонтанами, музыкой, дикими животными, огромными роботами и полномасштабными копиями невольничьих судов.

Повсюду – на движущихся тротуарах и заполненных голограммами улицах – были выставлены на продажу человеческие ресурсы. Каждый рыночный центр на чем-то специализировался – от садовников и домашней прислуги до секретарей, инженеров и бухгалтеров. Образованные кабальные рабы стоили дорого, и их, вместе с инструментами их профессии, прятали от толп в демонстрационных залах.

Другие стоили дорого из-за своей красоты. Их не прятали, а выводили на длинных поводках. Их кожа блестела от косметики, а волосы были уложены в роскошные прически. Увидев этих красивых существ, которых сделали еще прекраснее с помощью модификаций, спутники Элиаша перешептывались, вздыхали, шутили, что такие рабы по карману только богачам.

На каждой остановке трамвай извергал из себя еще больше покупателей и зевак, и в конце концов Элиаш уже ехал в сторону «Уинн-маркета» в пустом вагоне. Из окна он увидел похожую на робота женщину в матовом латексном костюме, напыленном на кожу. Заметив его взгляд, она медленно повернулась; ее идеальные губы сложились в идеальном поцелуе. Скучающий продавец придержал ее поводок. На его застегнутой на все пуговицы рубашке виднелся логотип компании, которая продавала рабыню.

Элиаш подумал о Паладин, автономно выполняющей задание

в Ванкувере, и пообещал сделать все, чтобы она никогда не увидела это место. Затем трамвай подъехал к «Уинну», и пришло время подавить в себе все чувства, кроме одного: подпитываемого адреналином внимания.

«Уинн-маркет» построили вокруг руин дворца, похожего на игральную карту. Когда-то он, как и большинство рынков Стрипа, был роскошным отелем, но в XXI веке пострадал в ходе какой-то катастрофы, и в результате его пентхаусы превратились в расплавленные остовы. Под куполом, резко изгибавшемся над головой, находились только его нижние, не пострадавшие этажи. У подножия «Уинн-маркета» раскинулся огромный базар с киосками, контейнерами и модульными сараями; они хаотично расползались по Уинн-лейн, которая в этом месте пересекала Стрип. На самом деле это Вегас располагался не столько под куполом, сколько в трубе. Сверху Стрип походил на длинный, плавно загибающийся цилиндр. С одной стороны его замыкал транспортный центр, с другой – он делился на несколько труб поменьше, похожих на притоки. Многие из них фактически были наспех построенными палаточными городками, наполненными теплым спертым воздухом. Все эти «боковые ветви» сходились к «Уинн-маркету», где можно было заключить контракты на самых выгодных условиях.

Элиаш направлялся к этим «притокам»; именно там хранились товары, чьи контракты были почти противозаконными. Эту часть Вегаса он знал лучше, чем себя самого.

Если Фрэнки не солгала, то спутником Джек был мальчик из Азиатского Союза с числами вместо имени, а такие здесь продавались только в одном-двух местах. Элиаш побродил по базару, притворяясь беззаботным покупателем, время от времени он останавливался, чтобы заглянуть в окна «Уинна». Все кабальные рабы, выставленные на аукцион, неделями и месяцами жили в миллионах рыночных комнат, с маленькими кроватями и крошечными ванными комнатами. С клиентами они встречались до тех пор, пока не удавалось заключить контракт. Здесь комнаты были обшарпанные, но в других частях Стрипа они могли быть такими же роскошными, как и дома и офисы, в которых будут служить кабальные рабы. А там, куда направлялся Элиаш, комнат вообще не было.

Уинн-лейн сужалась, превращаясь в дорожку для пешеходов, плотно уставленную киосками и большими боксами. Внутри них стояли или спали люди на поводках. У многих были грубые, дешевые протезы – эти рабы раньше служили в армии, а может, работали на машинах, и тяжелые травмы не позволили им

выполнить условия первоначального контракта. Многие торговые агенты специализировались на таких случаях: они скупали контракты по дешевке и быстро их перепродавали.

В конце концов Элиаш добрался до безымянного переулка; здесь искривленная и темная крыша находилась всего в нескольких метрах над головой. Мрачный и узкий переулок был тайным ручейком богатства; воздух здесь был очищенный и сладкий. Здесь стояли поблескивающие, ничем не примечательные контейнеры, вход в которые закрывали плотные занавески. Ряды контейнеров протянулись примерно на километр, после чего переулок заканчивался тупиком. В некоторых из них хранились более ценные и желанные товары, чем все то, что продавалось на Стрипе. Другие были плотно набиты отбросами, но достаточно молодыми и свежими, чтобы за них можно было выручить неплохую цену.

В Зоне Свободной Торговли запрещалось закабалять детей, но это происходило постоянно – иногда тайно, иногда случайно, и всегда жестоко. Именно в этом районе Элиаш начал свою карьеру по защите прав собственности; здесь он разыскивал тварей, которые торговали детьми младше шестнадцати. Это было непросто, ведь отличить детей от взрослых не всегда удавалось. Некоторым из выставленных на продажу детям в раннем возрасте давали «виве» – или они сами его принимали, – чтобы они выглядели как нежные мальчики и «лолиты». Двадцатилетние люди, похожие на тринадцатилеток, были товаром, разрешенным к продаже. Элиаш считал, что тот, кто торгует «поддельными» детьми, без колебаний продаст и настоящих, но власти города разрешали ему преследовать только отъявленных нарушителей закона, тех, кто импортировал товар из экономических коалиций, где были кабальные школы и нечетко прописанные законы о возрасте согласия – из тех стран, где можно было легко купить десятилетних чистильщиков крыш и четырнадцатилетних объектов фетишизации.

В этом переулке таких преступников было мало. Большинству еле-еле удавалось оставаться в рамках закона; это были те, кому приказывали следить за возрастом, но не делать это своей главной целью.

Элиаш добрался до первой точки своего маршрута. Место выглядело точно так же, как и во время его прошлого визита два года назад. Небольшая, красная с золотом вывеска над дверью гласила: «ИМПОРТНЫЕ ТОВАРЫ. ВЫСШЕЕ КАЧЕСТВО». Элиаш точно не знал, то ли это название магазина, то ли реклама его содержимого. Внутри воздух охлаждали очистители, один из

которых был направлен на торс человека, спрятанного за туманной проекцией над столом.

– Рад, что ты еще здесь, Келвин, – сказал Элиаш.

Проекция испарилась, и показался маленький человек с аккуратно уложенными седыми волосами. Он сидел перед шкафом, набитым серверами; справа от него была дверь в демонстрационный зал, занимавший почти все пространство контейнера.

– Не могу сказать, что наши чувства взаимны, – сухо ответил человек. – Снова преследуешь законопослушных торговцев? Подозреваешь всех в торговле детьми? Или просто зашел в гости?

– Ищу парнишку по имени Тризед. Похоже, он один из твоих. – Элиаш переслал в проектор Келвина свой идентификатор. – Я больше не работаю на Вегас; это официальное поручение МКС. Так что загляни в свои подробные записи и скажи, не продавал ли ты парнишку по имени Тризед человеку, который, возможно, работает в Арктике.

– Эй, эй, успокойся. Ты же знаешь – мои записи открыты всем представителям закона. У меня все чисто.

– Заткни пасть и дай мне доступ к инфе.

Человек дернулся, затем сделал несколько быстрых движений руками над столом. Открылась плоская страница базы данных; пальцы Келвина провели поиск по значению «30» в столбце «МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ». Поля «ИМЯ» в базе не было. В воздухе повисли десятки результатов за последние пятнадцать лет.

Элиаш втянул их в свой мобильник для сохранности, затем пролистал список, висевший перед лицом Келвина. Он предположил, что Тризеда продали относительно недавно – вероятно, за последнюю пару лет: в семидесяти пяти процентах случаев рабы бежали от хозяев в течение первого года службы. Это значительно сократило список. Осталось шесть файлов: полоски текста, прикрепленные к крошечным фотографиям мальчиков из Азиатского Союза и Федерации. Их лица были намеренно нейтральными – слишком эмоциональных никто не покупал.

Все люди в списке Келвина выглядели моложе шестнадцати, но их анкеты утверждали, что это не так.

– Кто купил эти контракты? – спросил Элиаш, тыкая пальцем в фотографии.

Келвин открыл файлы, развернул их в воздухе движениями ладоней.

– Двое отправились на ферму на севере, – пробормотал он, просматривая данные. – Этого я недавно продал на молекулярный завод.

Элиаш указал на графу «ПОКУПАТЕЛЬ» для четвертого результата.

– Ты продал 45030 человеку по имени Псевдо Ним, у которого нет работы?

Келвин посмотрел на текст, прищурился.

– Покупатель только что уволился и искал новую работу, но удостоверение личности и кредитная история были в порядке. Не каждый контракт рассчитан на конкретную задачу. Люди постоянно покупают прислугу «за все». Мне вообще повезло, что я продал его контракт. Гаденыш оказался заносчивый.

Рука Элиаша сжалась на управлении периметром.

– Что это значит?

– Он учился в одной из кабальных школ Азиатского Союза и считал себя умнее всех. Все повторял, что он – звезда «Мемленда», что ему нужно место с хорошим подключением к сети. Эти дети совсем избаловались. Лично я так считаю: это большое счастье, если нашелся человек, который будет кормить тебя в течение десяти лет.

Элиаш приглушил свою ярость, пока она не подчинила его себе. Ему нужна была дополнительная информация – особенно потому, что этот парнишка идеально соответствовал профилю. Пути человека с сомнительной профессией, покупающего товар у таких, как Келвин, легко могли пересечься с контрабандистами. Он щелкнул пальцами, чтобы открыть окно в мобильнике, и запустил несколько поисков в «Мемленде»: Тризед, кабала, раб, Азиатский Союз, Арктика, Джек, Джек Чен, Джудит Чен, пираты, препараты, «Желчные таблетки». На всякий случай добавил: «Импортные товары. Высшее качество», Вегас. Если парнишка писал о своей жизни, то хотя бы несколько из этих терминов окажутся рядом друг с другом. Окно поиска, располагавшееся перпендикулярно поясу Элиаша, казалось сияющей белой лужей под проекцией Келвина.

– Почему ты думаешь, что Псевдо Ним собирался кормить 45030? – Он указал на фотографию смуглого мальчика, более симпатичного, чем большинство, лоб которого закрывала пышная шапка волос. Его предыдущий контракт был заключен с лабораторией из Азиатского Союза, занимавшейся проектированием двигателей.

– Приятель, я ничего такого не сделал. Ты проверил мои записи – все продажи совершены по закону, так? Человек подписал контракт, обязался содержать этого говнюка.

– Что еще помнишь про покупателя? Ты ему уже что-то продавал?

– Я ничего не знаю и в любом случае по закону я не обязан

ничего тебе рассказывать.

Элиаш коснулся руки Келвина под столом и послал импульс из своего периметра – достаточно сильный, чтобы вызвать небольшой шок. Торговый агент с воплем рухнул со стула на пол.

– Ой, извини. Это освежило твою память?

– У него… у него подлодка. Ему нужен был человек, разбиравшийся в двигателях. Вот зачем ему понадобился этот парнишка.

– На хрена ты защищаешь эту тварь? Какое у него настоящее имя? – Элиаш пнул Келвина в копчик и для верности добавил еще один электрический импульс.

– Не знаю! – задыхаясь, крикнул Келвин и плюнул кровью. Он прикусил себе язык. – Зачем тебе все это? – Он мерзко ухмыльнулся. – Кто-то давным-давно украл твоего Мальчика-Раба, и ты стал ангелом-мстителем Вегаса?

Разговор зашел в тупик.

– Ничего личного, – бесстрастно сказал Элиаш, подавляя в себе желание размазать мозги Келвина по стене.

– Я могу подняться или тогда ты снова начнешь меня избивать? Вряд ли отделу внутренних расследований понравится то, как ты обращаешься с честным бизнесменом.

– Можешь подать на меня жалобу. – Элиаш схватил из воздуха пригоршню данных и пошел к выходу.

Занавески, закрывавшие вход в «Импортные товары», закружились у него за спиной, превратившись в идеальную бархатистую дугу. Келвин не дурак: он не станет привлекать к себе внимание, подав жалобу, и, кроме того, Элиаша уже не ограничивали правила этой юрисдикции. Он подчинялся более влиятельным людям: МКС.

В безымянном переулке пахло лавандой. На другой стороне улицы мужчина в повседневно-деловом костюме негромко разговаривал с неестественно белокурой девочкой-подростком. Он предложил девочке инъекцию, затем уселся на скамью из красного дерева и достал мобильник, чтобы показать что-то девочке. Она приникла к нему и недоуменно уставилась на голографическую кляксу. В шести метрах от них находился розовый контейнер под названием «Алисы». В его дверях стоял улыбающийся торговый агент. Он только что отправил свой товар на тест-драйв, а может, даже заключил сделку.

Элиаш отвернулся от этой сцены и пошел обратно к Уинн-лейн. На перекрестке его схватили щупальца теплой, влажной атмосферы, наполненной ароматами человеческих тел в различном состоянии усталости или возбуждения. Он сел на потертую пластиковую скамью у магазина, торгующего

непатентованными препаратами, и открыл результаты поиска в «Мемленде». Проекцию Элиаш наклонил так, чтобы текст был виден только ему.

Первые результаты оказались мусором: люди писали о политике и биохакерстве, цитировали текст из копии «Желчных таблеток», хранившейся на бесплатном сайте в Анкоридже. Хотя для него они были бесполезны, он быстро отправил сообщение службе разведки МКС, отметив этот архив. Подобные материалы не должны находиться в открытом доступе.

Он продолжил чтение. Еще больше бесполезной инфы о различных Джудит Чен. А затем он нашел кусок текста, который выглядел многообещающе: запись, сделанная всего несколько недель назад в дневнике человека по имени Мальчик-Раб.

«Я вернулся. Какое-то время ситуация была немного напряженной: меня продали в кабалу в Вегасе. Моим агентом был потный человечек, любивший меня полапать; своим клиентам он обещал «импортные товары высшего качества». Этот термин я оспаривать не буду. Кто же я, как не импортный товар высшего качества? Но скажем так: мои недавние приключения в Арктике были гораздо менее приятными, чем анальный секс в горячем машинном отделении. К счастью, теперь у меня новая хозяйка: она дала мне пищу и мобильник в обмен на услуги горничной. Рано или поздно наверняка она захочет чего-то большего. Так всегда бывает. Я ведь такой неотразимый.

Это так странно – снова оказаться посреди океана, но на этот раз на свободе. В данном случае «на свободе» не означает то же, что и «автономность». Я говорю о том, что сейчас я не привязан ремнями к капсуле в корабле, который везет товар на экспорт в Вегас. Подлодка, конечно, маленькая, но она – настоящий дворец по сравнению с тем кораблем. А у моей новой хозяйки, похоже, бесконечный запас лекарств, и, значит, моя левая рука все-таки не сгниет. Скажем так: мой прошлый хозяин считал соленую воду антисептиком, потому что она жглась».

Ниже находилось огромное поле, по которому зигзагами шли почти пятьсот веток комментариев.

Большинство людей короткими фразами на английском и китайском выражали свою радость по поводу возвращения Мальчика-Раба. Другие излагали длинные личные истории, которые Элиаш без интереса пролистывал.

Через два дня еще одно сообщение:

«Каждый хозяин любит трахать рабов. Это закон природы

или, возможно, культуры. Дж. неплоха в постели, пусть двигатели ее подлодки и настроены хреново. Но она меня к ним не подпускает – даже после того, как позволила мне забраться в ее «готч». Так называют нижнее белье у нее на родине – где-то в Зоне».

Еще одна запись, восемь дней назад:

«Дж. трахала меня, пока я не завизжал. Да, я визжал. Уединенность творит странные штуки с либидо. А затем она сожгла мой чип. Сказала, что мы едем в Зону и там она меня отпустит. Я обрел свободу. Ну, вы понимаете, свободу стать шлюхой. Ведь именно это происходит с симпатичными мальчиками без опыта работы, верно?

Наверное, она могла сразу убить меня, но не стала этого делать. Это мило. Кроме того, она позволила мне пользоваться сетью еще до того, как мы стали трахаться. И это тоже мило. Но как я буду искать работу, если должен скрывать свой послужной список?

Я почти уверен, что она направляется: в какую-то лабораторию в Зоне. Для человека, который так обеспокоен своей безопасностью, Дж. делает очень мало для того, чтобы прикрыть свою задницу. Правда, если рассмотреть этот вопрос с другой точки зрения, то это неплохо – ведь задница у нее симпатичная. И сама Дж. мне нравится, хотя она вообще не в теме. По-моему, она пытается творить добро, но при этом не в курсе даже самых простых вещей, связанных с законами о правах собственности».

Элиаш помедлил. Очевидно, что автор – Тризед, а Дж. – это Джек.

Там были еще две записи, одна из них – за вчерашнее число, но они не указывали на то, где находится Тризед. Дж. исчезла со страниц дневника, и парнишка начал много писать о роботах и автономности.

И все-таки Паладин, похоже, не ошиблась: Джек по-прежнему поддерживала связь с авторами «Желчных таблеток», в том числе с противниками патентов, которые руководили этой свободной лабораторией. И эту лабораторию, возможно, финансировала какая-нибудь организация, пытающаяся ослабить МКС.

Он подключился к потоку данных Паладин. Робот находился в кабинете Бронера и разговаривал с ученым об интерфейсах для мозга. Элиаш отправил ей приказ немедленно допросить человека и координаты точки вылета.

Пришло время подобраться к цели поближе. Элиаш и

Паладин встретятся на острове Ванкувер, и тогда… Элиаш запустил поиск сведений о свободных лабораториях в северной части Зоны. Все результаты указывали, что она есть только в Университете Саскачевана в Саскатуне. Если Джек там нет, то там наверняка найдутся люди, которые знают, где ее искать.

До вылета оставалась еще пара часов. Элиаш купил себе газировку и пошел обратно, в сторону «Уинн-маркета». Бездельничать было опасно. Боковым зрением он замечал сцены, которые раньше видел и здесь, и в родной Варшаве.

Более десяти лет назад, когда Элиаш достиг совершеннолетия, ему повезло: отец купил ему ограниченную франшизу, позволявшую Элиашу работать в Варшаве – если только его работодателем была церковь. Сестрам Элиаша повезло меньше. Одна за другой они покидали дом и отправлялись за океан – служить в корпорациях по кабальным контрактам.

Сначала Элиаш работал охранником в церковном общежитии, устроенном для программы «Заводская практика для мальчиков». В общем, его работа состояла в том, чтобы ловить беглецов. Целыми днями он следил за тем, как мальчики собирают корпуса роботов на церковном заводе, ищут ошибки в программах и изучают анатомию роботов. Предполагалось, что так они получат базовые технические навыки и позднее смогут заключить более выгодные контракты с клиентами. По ночам он дежурил в их спальне, слушал, как мальчики плачут или дерутся друг с другом из-за ерунды.

В одну из таких долгих ночей он узнал, что бывает, если заставить подростков проводить целые дни с роботами, на груди которых лазером выгравирован крест. Работающих видеодатчиков на заводе оставалось мало, но один из них засек какое-то движение и сообщил об этом Элиашу.

Спрятавшись за кучей из ненужных рук и ног, Элиаш увидел двух практикантов с незапрограммированным биороботом-женщиной. Ее, очевидно, сделали из выброшенных деталей; кожа на ней висела отдельными заплатками, а разум так и остался неотформатированным. Заметив Элиаша, мальчики бросили робота в кучу конечностей, залезли в окно и побежали в спальню.

Элиаш понимал, что священники сделают с мальчиками, если он на них пожалуется. Поэтому об этих нарушениях он решил умолчать. Но он не знал, как поступить с роботом.

Она напоминала потерявшую сознание девочку-подростка – но только до тех пор, пока Элиаш к ней не пригляделся. Мальчики проявили больше внимания к ее белью, чем к шасси. Одна из ее рук была длиннее другой, а ткани на внутренней поверхности бедер нуждались в питательных веществах. Разум в

нее не установили, но ее волосы были собраны в локоны, а лицо накрашено. Ее сделали по образцу секс-работницы, популярной на платных сайтах. Элиаш осторожно поднял ее, не зная, что делать. Ее тело из карбоновых волокон оказалось легким. Он смотрел на то, что сделали с ней мальчики, и в нем росло очарование и отвращение.

Элиаш решил, что лучше всего будет разобрать ее, и потратил на это час. В результате бот превратился в кучу конечностей, кусков торса, голову без датчиков и сверток ткани, сильно поврежденной и поэтому не подлежащей переработке. А вот ее внутренний скелет еще мог пригодиться. Ее части Элиаш сложил в ящик с деталями.

– Спасибо.

Голос раздался у него за спиной, из той самой кучи мусора, где он нашел мальчиков с их роботом.

Элиаш повернулся и увидел незаконченного робота, стоявшего с разведенными в стороны руками. Наверное, обнаженные мускулы из металла и биотканей замаскировали его среди мусора. На его помятом нагруднике – единственной части внешней оболочки – виднелась детализированная лазерная гравировка: невероятно мускулистый Иисус на кресте.

Во второй раз за ночь Элиаш оказался в замешательстве.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

Робот уставился на него.

– Я не могу уйти. Обычно я просто слежу за тем, что здесь происходит, но сегодня я решил что-нибудь сделать.

– Ты в кабале у церкви?

– Я – Хлам. Ты – Элиаш. Я принадлежу Петру.

Элиаш подошел поближе. Робот имел в виду отца Петра? Мысли Элиаша помутились от усталости, и он до сих пор был расстроен тем, что ему пришлось сделать с секс-ботом. В его сознании постоянно всплывали изображения ее внутренних частей. Элиаш вдруг задумался о том, чем эти мальчики занимались с роботом и что они при этом испытывали.

Хлам выглядел бодрым, и на нем не было отталкивающего слоя макияжа, нанесенного на комки поврежденных тканей. Свои слова он сопровождал изящными жестами, очерчивая идеальный эллипс. В нем было несомненно что-то прекрасное. Элиаш пытался не смотреть на его матовые черные кости из самого прочного на Земле материала, пронизывающие мягкие ткани.

Робот указал на гору конечностей.

– Я ее охраняю. Но мне не приказано следить за всем, что здесь происходит. Вот почему я отправил сигнал.

Элиаш попытался придумать ответ и как-то прогнать мысли,

которые уже складывались в его сознании.

– Почему ты не можешь уйти?

– Мои ноги. – Хлам показал Элиашу, что его ноги прикреплены к полу.

Элиаш плохо разбирался в законах о кабале, но одно он знал точно: закабаленный не должен находиться в рабстве вечно. Он встал на колени и осмотрел шов между ногами робота и полом. Затем задумался о том, где сейчас молекулярные регуляторы. Освободить Хлама он мог всего за несколько минут, но тогда ему придется делать для него ступни.

Подняв взгляд, Элиаш заметил переплетенные волокна на шее Хлама и сервоприводы там, где панцирь робота контактировал с его бедрами.

– Люди идут, – вдруг сказал Хлам.

Через окно до Элиаша донесся какой-то шум, и он увидел трех мальчиков постарше, почти достигших возраста заключения контракта. Они были всего на несколько месяцев моложе Элиаша. Он замер; его лицо находилось совсем рядом с гладким шарнирным соединением между бедренной костью и тазом Хлама.

– Смотри, это охранник! – Один из мальчишек расхохотался.

– Он отсасывает у Хлама!

– Пидор!

Снова смех.

– Соси, пидор!

Элиаш поднялся с колен, встал между роботом и мальчиками. Его лицо вспыхнуло от прилившей крови и ярости. У него была только дубинка, но Элиаш всегда ловко обращался с оружием и умел действовать быстро. В результате один из мальчиков надолго потерял способность говорить слово «пидор». Для людей без франшизы в Варшаве очередь к принтеру костей составляла три месяца – кроме тех случаев, когда жизни больного угрожала опасность. А в данном случае не угрожала. Мальчик мог пожить и с раздробленной нижней челюстью – церковь снабдит его проволокой и соломинками для питья.

Элиаш умел гнать от себя этот когнитивный мусор, однако дурные мысли снова появлялись, когда ему было нечем себя занять.

Поэтому Элиаш сфокусировался на хорошем воспоминании, усилил его яркость, словно обрабатывая в процессоре для изображений. Он увидел прекрасное, угловатое, бронированное тело Паладин – то, каким оно выглядело, когда она дрожала в его объятиях в тот день в Касабланке. Когда система Паладин

обрушилась, ее щиты «мигнули» и она на мгновение стала невидимой. Другие тела, другие задания, другие страны пытались вытеснить ее лицо в его памяти, но он сохранял его поверх их, вспоминая, как ее панцирь прижимался к его коже.

Элиаша наполнило чувство более мощное, чем любое унижение за всю его жизнь. Он без труда определил его как любовь.

19: Происшествие на рабочем месте

17 июля 2144 г.

Мед выложила новости о проекте «Реткон» на серверы «Свободной лаборатории» и пошла прогуляться по университетскому мосту. Утреннее солнце превратило реку из черной в синюю, и Мед заметила на поверхности воды V-образную волну: бобер нес в свою хатку последнюю за этот день порцию камышей. Известия о найденном методе лечения уже вызвали бурные дебаты на форумах врачей, особенно на севере, где пациенты в основном обладали ограниченными франшизами. Непатентованные лекарства часто были для них единственным доступным средством.

Мед проверяла форумы проекта раз в секунду, но пройдет еще несколько дней, прежде чем у нее накопится достаточно данных для анализа. Чтобы как-то отвлечься, она настроилась на несколько лент новостей. Сотни миллионов людей смотрят новый комедийный сериал о неуклюжих роботах. Рекордные урожаи на Марсе означают, что стоимость эмиграции туда снижается. В результате происшествия на рабочем месте Нью-Йорк оказался затоплен, и полиция во всем винит наркотики.

Еще до просмотра ролика Мед знала, что это случай применения «закьюити» – возможно, с самыми тяжелыми последствиями. На этот раз жертвой стала молодая женщина-инженер, недавняя выпускница университета. Ее работа заключалась в том, чтобы проверять программу, которая управляла сложной системой виадуков, насосов и клапанов. Именно эта система не давала поднимающимся водам Атлантики просочиться в центр Манхэттена. После нескольких дней без сна она решила пересмотреть фундаментальные принципы устройства искусственного болота, которое действовало как огромная губка, разделяющая город и его водопроводную систему. Женщина начала экспериментировать, постоянно делая записи.

К сожалению, как объяснила инженер в своей докладной записке на пятнадцать тысяч слов, выложенной в «Мемленде», для эксперимента ей также был нужен контрольный образец. А это означало, что она должна увидеть Нью-Йорк в его наиболее естественном состоянии – насыщенном водой. Остановить ее не успели, и инженер затопила метро и улицы в центре Манхэттена. Десятки людей утонули в подвалах домов, и власти оказались вынуждены провести массовую эвакуацию. Многих жителей

города до сих пор так и не нашли. Инженера арестовали, но на ликвидацию последствий понадобится несколько дней. Лидеры Свободной Торговой Зоны объявили о чрезвычайном положении.

Прибежав в лабораторию, Мед прошла по вариантам решений и смоделировала варианты.

Новости о «ретконе» распространялись слишком медленно, и новый препарат не успевал предотвратить ущерб от «закьюити». Они не могли распространять сведения только через сайты «Free culture» и форумы исследователей, надеясь, что об этом как-то узнает вся Зона. Настало время опубликовать статью, которая показала бы, что опасный пиратский препарат, приведший к такому числу смертей, – это скопированная таблетка от «Закси». Как только будет произнесено название компании, все ленты подхватят эту новость. И тогда про «реткон» узнают даже врачи Нью-Йорка.

Мед вломилась в кабинет Криша и хлопнула по его столу, чтобы включить ленту новостей из Нью-Йорка.

– Мы должны опубликовать то, что знаем о «закьюити».

Она видела, как растет уровень тревоги Криша: электрические импульсы складывались в узоры на его голове, пока он смотрел, как станции метро извергают из себя серую воду и что-то гораздо более скверное.

– Это ужасно. Но я не уверен, что мы готовы обвинить одну из крупнейших корпораций Зоны в нарушении закона.

– Только так мы сможем поднять шум и остановить эти случаи маниакального поведения. У нас есть формулы «закьюити», который скопировала Джек.

– Да, у нас есть формулы. И у нас есть метод борьбы с действием «уличного» препарата, который, по словам одного пирата, является «закьюити»…

– Но ведь это тот самый препарат! У нас есть доказательства!

Криш вздохнул.

– У нас есть доказательства, которым поверят ученые – если захотят. Но представители МКС, общественность, пресса не умеют читать формулы. Они поймут только то, что некий активист, противник патентов, поливает грязью «Закси» – корпорацию, которая дает им суперпопулярные, знакомые и любимые лекарства. – Крис убрал висевшие над столом ленты новостей и документацию и снова вздохнул. – Пока у нас нет того, что способна понять пресса, публичность – это граната, которая может взорваться у нас в руках.

Бот покачал головой:

– Мы должны это сделать. В этом виновата «Закси», и люди должны знать, что она создает незаконные, вызывающие

зависимость препараты с жуткими побочными эффектами.

– Я знаю, и мне жаль, что я ничего не могу сделать. Но пока что мы сделали «реткон» доступным, и он уже приносит пользу.

Мед никогда в жизни еще так не злилась. Выходя из кабинета Криша, она хлопнула дверью и насладилась резкими колебаниями воздуха. Она найдет доказательства, которые нужны Кришу.

Шесть часов спустя Мед поняла, что не знает, что именно она ищет. Просмотр форумов и сайтов, посвященных медицине, ничего не дал. Она обратилась к своим бывшим коллегам, но они прислали только предварительные данные, которые нельзя было даже вставить в научную статью, не говоря уже о публикации в открытой сети. Гнев заставил Мед забыть обо всем, и она даже не заметила, что кто-то положил ей руки на плечи и крикнул: «У-у-у!» Это Тризед спустился из лофта и подкрался к ней сзади.

Она удивленно посмотрела на него с помощью датчиков на затылке и считала его биопараметры с помощью сенсоров, встроенных в мертвые клетки ее волос. Его мышцы никогда еще не были такими расслабленными; его настороженность, похоже, шла на спад.

– Над чем работаешь? У тебя сердитый вид. – Очевидно, Тризед уловил какие-то данные о психологическом состоянии Мед, о которых она сама не подозревала.

Она отключила управление сетью жестом и пожала плечами.

– Я пытаюсь объяснить прессе, что «закьюити» сделала «Закси». Рассказать об этом так, чтобы это было понятно всем.

Тризед сел на скамью рядом с ней.

– Ты в «Мемленде» смотрела?

– Что именно? О таких вещах знают только ученые.

– В «Мемленде» постоянно пишут о препаратах. Просто поищи… даже не знаю… «закьюити», «реткон», «зависимость», «мания», «припадок», «наркотик для рабочих»… Просто выясни, говорит ли кто-нибудь об этом.

На Мед его слова не произвели никакого впечатления.

– Я не понимаю, что это мне даст, и искать придется долго. А мне нужно что-то прямо сейчас.

– Я поищу для тебя инфу. У меня есть еще время перед работой. – Тризед достал мобильник и вытянул в воздухе проекцию экрана. Мед заметила, что Тризед закрыл число на щеке воротником рубашки, а ее карман украсил нашивкой с именем «Джон».

Мед ушла с головой уже в шестнадцатую ветку комментариев

на форуме, когда Тризед перетянул файл на их общий экран. Это было сообщение от женщины-строителя из ванкуверской компании «Квик билд»; она входила в группу людей, которые лечились от депрессии, связанной с употреблением «закьюити». Она писала про «этот подпольный препарат под названием реткон». Это было первое средство, которое на самом деле облегчило ее симптомы. По ее настоянию его приняли и другие работники «Квик билд». Под ее комментарием началось обсуждение того, что произошло дальше.

Самым странным было то, что они вообще не помнили, что когда-то хотели работать в «Квик билд». Да, они помнили, как устроились в эту компанию и что работали хорошо. Они по-прежнему обладали навыками, необходимыми для разработки схем и модификации молекул. Но мысль о том, чтобы применять эти навыки – особенно в «Квик билд», – вызывала у них отвращение. Некоторые сообщали, что утром при попытке пойти на работу у них началась рвота.

Это был неожиданный поворот. В отличие от людей, которые в течение последних пары недель принимали пиратскую версию «закьюити», работники «Квик билд» использовали этот препарат не менее года, под наблюдением лицензированных врачей и всегда с одной и той же целью: чтобы завершить сложный проект. Но затем им начинало казаться, что в их жизни не осталось ничего важного, кроме работы, улучшенной с помощью «закьюити». Именно так – в определенном смысле – и должен был действовать препарат, поэтому работникам компании не могли поставить правильный диагноз, а просто считали их жалобы нытьем.

Но когда эти нытики приняли «реткон», их страстное желание заниматься тем, что связано с зависимостью, – в данном случае работать в «Квик билд», – угасло с той же скоростью, с какой восстанавливались их дофаминовые рецепторы. Новые рецепторы поглощали дофамин, синтезированный под влиянием самых разных приятных занятий; внезапно работники «Квик билд» захотели кататься на велосипедах, играть со своими детьми, смотреть видео или писать программы для своих личных проектов. Но они больше не хотели работать в «Квик билд».

Пока еще нельзя было понять, временные ли это симптомы ломки или нет, но Мед заподозрила, что это не так. Пациенты, принимавшие пиратский «закьюити», быстро выздоровели, но корпоративные пользователи внезапно обнаружили у себя воспоминания, не имеющие никакого смысла. Они не могли восстановиться. Возможно, они уже не смогут работать, не испытывая приступов тошноты.

Экономические последствия для людей, принимавших легальную версию «закьюити», могли стать катастрофическими. Теперь у Мед появилось доказательство того, что «реткон» действует на этих людей. И это доказательство могли понять даже журналисты.

Мед отправила данные Кришу. Когда она прошла по комнате к кабинету, его пальцы уже набирали на столе сообщение.

– Молодчина, что нашла эту группу из «Квик билд», – сказал он, не поднимая взгляда. – Я поговорю с моим другом из клиники «Фарма джастис». Он придумает, как нам это подать. А тебе нужно дописать статью.

Мед снова подумала про тех, кто пострадал от препарата.

– Людям, принимавшим «закьюити», понадобятся новые воспоминания о том, как они получали удовольствие от работы. Похоже, «Закси» придется многим платить пособие по безработице. Возможно, пострадавшие от «закьюити» смогут даже подать в суд на возмещение ущерба.

– Отлично, Мед, – усмехнулся Тризед, подслушавший их разговор. – Ты дала этим людям автономность, но теперь они не в состоянии работать. – Затем, разглядев что-то в ее лице, он умолк. Когда он заговорил снова, его голос смягчился, и из него исчез сарказм. – Но теперь они знают, какие именно ощущения вызывает работа. И, наверное, это хорошо.

20: Рекламный трюк

16 июля 2144 г.

Когда Элиаш прибыл на остров Ванкувер, он уже несколько часов не подключался к датчикам Паладин. Она не предлагала ему никаких видео или аудиофайлов, сделанных после допроса Бобби и до обнаружения сервера «Лицо со шрамом» в университете Саскатуна. Элиаш мог бы конфисковать ее воспоминания и приобщить их к отчету, который он отправил с острова, но он этого не сделал.

В лагере «Тунис» группа агентов анализировала данные, полученные из Ванкувера и Вегаса, а посредник МКС тем временем пил крепкий кофе из крошечных чашечек. Элиаш запросил немедленный рейс в Саскатун, но Клык ответил, что группе нужно время для того, чтобы оценить обстановку. Паладин и Элиаш останутся на базе, по крайней мере, на сутки, а может, и больше.

Элиашу временно выделили койку, а Паладин приказали оставаться вместе с ним. Койка находилась в экранированной комнате; это было сделано для того, чтобы отрезать солдат от развлечений, которые предлагает сеть. Это также означало, что никто не будет за ними следить.

Внезапно Элиаш захотел пообщаться. Он рассказал Паладин про Вегас, описал наполненный ароматами переулок, где находились магазины «Импортные товары» и «Алисы». Он сказал, что бросил службу в полиции Вегаса, чтобы найти более чистую работу – такую, в которой нет «серых зон», нет полулегальных уловок, позволяющих преступникам заключать контракты между детьми и скользкими типами.

Дело было не в том, что он бежал от возможности предотвращать преступления, связанные с собственностью, ведь теперь он мог помогать людям еще более эффективно. Нарушение прав собственности всегда было противозаконным деянием, и никто в МКС не станет ему мешать устраивать налеты на злодеев, если они занимаются пиратством. Ему больше не нужно мириться с тем, что преступления совершаются в открытую, безнаказанно, и жертвы больше не будут обвиняюще смотреть на его форму. Когда дело касалось интеллектуальной собственности, правосудие было простым и ясным.

Паладин села на койку рядом с Элиашем. Она не не стала ничего ему рассказывать: ей нужно было проанализировать результаты работы. Она развернула проекцию карты Саскатуна на

уровне глаз Элиаша. Город, окруженный огромными, управляемыми со спутника фермами, рассекала широкая, извилистая река. В центре города находился университет, отмеченный красным значком. Паладин увеличила здания университетского городка, похожие на рассыпавшиеся кирпичи. Их окружали коричневые ряды сельскохозяйственных лабораторий, в которых работали роботы.

– Нам нужно разработать стратегию, – сказала Паладин. – Очень вероятно, что Джек уже скрылась, но мне кажется, что кто-то в «Свободной лаборатории» знает, куда она отправилась.

Она указала на здание в южной части городка. Оно развернулось в слова «СВОБОДНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ»; они растворились, превратившись в план этажа. Выходов из здания было только два.

– Мы, разумеется, начнем с Криша Патела, профессора, который сотрудничал с «Желчными таблетками», а сейчас руководит «Свободной лабораторией». Я предлагаю прежде всего заглянуть в сеть лаборатории и постараться найти «Лицо со шрамом». Мы приедем на место приблизительно в 2300, так что лаборатория, скорее всего, будет пустой. Возможно, нам удастся добыть достаточно информации, и поэтому даже не придется сообщать Пателу о нашем визите.

Элиаш одобрительно хмыкнул, устроился поудобнее на койке и закрыл глаза.

Паладин обнаружила, что ей по-прежнему тяжело бороться с желанием задавать вопросы.

– Элиаш, ты сказал, что мой ключ автономии временный. Ты не знаешь, сколько он будет действовать?

Человек снова сел, и Паладин распознала на его лице выражение чувства вины.

– Разве это не становится известно автоматически? Я думал, это какая-то программа, которую ты запускаешь.

– Это не программа, – ответила она. – Это больше похоже на пароль, который дает доступ к программам.

– Ли не сказал тебе, когда закончится срок действия ключа? – Выражение замешательства на лице Элиаша сменилось тревогой. – С тобой все нормально? Говорят, после получения автономии у роботов начинаются проблемы.

– Пока все в порядке. Я просто хочу знать, когда… – Паладин неожиданно умолкла. Когда что? Когда она перестанет ощущать необходимость задавать вопросы? Когда она перестанет рисковать – как с теми роботами в Ванкувере? Элиаш ждал, когда она договорит. – …когда это закончится, – наконец сказала она.

Внезапно у Элиаша подскочило давление; электрические

сигналы на поверхности его мозга свидетельствовали о страхе.

– Теперь, когда ты стала автономной, ты сожалеешь о том, что мы сделали? – Его вопрос казался неоднозначным – до тех пор, пока он не наклонился и не положил ладони на закрытые щитками волокна ее колен. – Ты по-прежнему чувствуешь то же самое?

У Паладин было много вопросов. Что, по его мнению, она чувствовала? Зачем ему знать это? Чувствует ли он то же самое? Но она молчала. Излишние вопросы лишь осложняли дело.

– Ключ автономности не изменил моих чувств, – ответила она.

– Я так рад, – прошептал он, и с его кожи во все стороны полетели электрические заряды. – Когда я был в Вегасе, все время думал о тебе.

– Я тоже думала о тебе. – Своей правой рукой Паладин почувствовала вкус соли и крови.

– Наверное, твои чувства исходят от тебя настоящей, вот отсюда. – Он прикоснулся к броне над ее мозгом. – Вот почему на них не влияют программы автономности.

Паладин решила не повторять, что автономия – это ключ, а не программа и что мозг никак не связан с ее желаниями. Стены базы вокруг них дрожали от ветра, прилетевшего с Тихого океана.

– Включи тот файл еще раз, – шепнул ей Элиаш, легко прижав к ней руку. Она тоже этого хотела.

На следующее утро Паладин во второй раз почувствовала всплеск уровня окситоцина в крови Элиаша. Она обнимала Элиаша, а его оружие лежало в невесомой и почти невидимой сетке периметра на полу. Целый день человек отсыпался, а затем они вылетели в прерии на поиски Джек.

18 июля 2144 г., 0400

Мед дописывала раздел «Методы» своей статьи о «закьюити». Тризед смотрел фильм на планшете. Криш в противоположном конце лаборатории переписывал их пресс-релиз о том, как «Закси» нарушила международное право. Внезапно все это стало неважно.

Прибор для секвенирования с лязгом упал на пол, когда Мед резко выпрямилась и с нечеловеческой скоростью встала. Это было похоже на спецэффект в кино.

– Немедленно уходи! – шепнула она, врезаясь в Тризеда. Через несколько секунд она чуть ли не на руках отнесла его к черному ходу, который обычно использовался только для выноса мусора. – Уходи! Прячься!

Тризед не услышал паники в голосе робота, но понял, что ему грозит опасность. Не оглядываясь, он выбежал за дверь. Мед повернулась к Кришу, который уставился на нее, раскрыв рот.

Впервые в своей жизни Мед почувствовала, как программа делает выбор за нее. Как только она увидела робота МКС в сети «Свободной лаборатории», она перестала быть исследователем и включила основной режим защиты. Ученые из Анкориджа, несомненно, сказали бы, что ответ «дерись или беги» не был столь уж рефлекторным. Сначала она поняла, что рядом находятся бот и агент МКС; затем она заключила, что они ищут информацию, связанную с Джек. Это означало, что их, скорее всего, не заботит то, выживет ли здесь кто-нибудь.

Странные мысли и рефлексы ошеломили ее. Лаборатории, как и людям в ней, угрожала опасность, и Мед была готова сражаться до последней капли крови, чтобы отбить нападение. Ей показалось, что у нее нет выбора, но это, конечно, было не так. Она могла сбежать. Но она решила остаться.

Мед почувствовала, как робот открывает плохо закодированные замки на двери лаборатории, и сделала сальто по комнате. Ее халат при этом разошелся по шву на спине. Когда бронированный робот и агент ворвались в комнату, Мед уже закрыла Криша своим телом. Агент выстрелил тремя шприцами, в которых, возможно, были транки или гипнотики. Мед поймала их в воздухе. Колпачки лопнули, и содержимое шприцев – молекулы, которые нарушили бы сигнальные пути в коре мозга, попали в небольшие разрывы ее кожи.

– Препараты на нее не подействуют, – сказал бот, который теперь стоял лицом к ней. – Она – робот.

Мед знала эту модель: стандартный боевой робот, отдаленно похожий на человека, сильно модифицированный. Одной из модификаций был человеческий мозг – он, вероятнее всего, использовался для распознавания лиц. А одна из рук робота, похоже, была набита датчиками с высоким уровнем чувствительности. Все тело робота сияло от готового к бою оружия.

Робот подал сигнал Мед по открытому каналу.

Я Паладин. Ты неизвестный. Вот мои данные. Нам нужна информация о пирате по имени Джудит Чен. Она называет себя «Джек». Она – террористка, она уже убила сотни людей с помощью пиратских препаратов. У нас есть веские основания полагать, что она была здесь на прошлой неделе. Конец передачи данных.

К сообщению были прикреплены удостоверения Паладин и Элиаша с корректными подписями. В том, что это действительно

агенты МКС, не оставалось никаких сомнений.

Я Медея Коэн. Ты Паладин. Вот мои данные. У меня нет информации для тебя. Конец передачи данных.

Для людей она сказала:

– Я только что видела их удостоверения. Они – агенты МКС.

– Чем могу помочь, друзья? – спросил Криш, все еще прячась за роботом. – Я с радостью побеседую с вами, если вы прекратите в нас стрелять.

Элиаш вышел вперед. Его лицо и голос излучали спокойствие.

– Я Элиаш Войчик, агент МКС Африканской Федерации. Я просто хочу поговорить о вашей подруге Джек. У нас есть доказательства того, что она была здесь – возможно, вместе с беглецом.

– Вы наверняка знаете, что мы с Джек были очень близки, – рассудительно сказал Криш, выходя из-за Мед. Он тоже изменил тон голоса так, чтобы тот казался спокойным. Оба человека привыкли участвовать в подобных разговорах. – Но вы, возможно, знаете и о том, что я не видел ее уже более двадцати пяти лет – с тех пор как она перестала работать здесь и переехала в Федерацию.

– Мы знаем, что она отправила данные о пиратских препаратах Бобби Бронеру через сервер под названием «Лицо со шрамом», который находится здесь, в университете.

– Я установила, что этот сервер находится здесь, в вашей лаборатории, – добавила Паладин.

– Вы по-прежнему придерживаетесь версии о том, что не видели Джек двадцать пять лет? – спросил Элиаш таким тоном, словно они беседовали о погоде.

– Я не контролирую то, кто отправляет данные через серверы лаборатории, – тем же тоном ответил Криш. – Университетская сеть открыта для всех.

Мед наблюдала за этим разговором и по сигналам в микроволновом диапазоне поняла, что Паладин подключается к установленным в лаборатории камерам. По их картинке никто не сможет понять, что сейчас произойдет в лаборатории. Мед начала сбрасывать видеосигнал со своих датчиков в крошечный запасной диск в ее груди, защищенный от электромагнитных волн, радиации и огня.

– Наши предположения о том, что Джек направлялась сюда, также основываются на дневниковых записях в «Мемленде» ее друга Тризеда.

Мед охватили ярость и печаль. Она поняла, что их выдал дневник Тризеда – Мальчика-Раба. Агенты, похоже, ничего не

знали о проекте «Реткон», но, судя по скорости, с которой Паладин прочесывала их сеть, этот пробел, скорее всего, скоро будет ликвидирован. И это лишь усилит их вину.

Уровень тревоги Мед усилился, когда она поискала в сети имя «Бобби Бронер» и обнаружила, что оно принадлежало – по крайней мере, в одном случае – профессору, которого два дня назад убили в его лаборатории. Карточные долги – так говорилось в новостной заметке. Мед была вынуждена предположить, что агенты не остановятся ни перед чем, лишь бы выяснить, где находится Джек.

Оставался только один вариант: добраться до людного места, где их не убьют на глазах у всех. Даже если их арестуют, это произойдет при свидетелях. Возможно, это их и не защитит, но в этом случае их шансы выше, чем если они останутся здесь. В паре кварталов отсюда находился студенческий бар. Там всегда полно народу, даже сейчас, ночью.

Действуй быстро. Отвлеки внимание нападающих. Убеги. Мед сжала в кулаке молекулярный регулятор, который хранила в кармане.

– Вы же не будете возражать, если мы тут все осмотрим, – сказал Элиаш.

Мед следила за большим пальцем агента, которым он выбирал параметры оружия.

Криш гордился тем, что умеет потянуть время в подобных ситуациях.

– Мне хотелось бы увидеть ваш ордер. Вы не имеете права обыскивать лабораторию, не доказав, что обеспечили судебный надзор.

– Я сам могу выписывать себе ордера, – ответил Элиаш. – И в данном случае он у меня есть. Вы найдете его в своих входящих сообщениях.

Мед приняла решение. Оборона не относилась к ее области специализации, но она надеялась, что ее стратегия выиграет немного времени для Криша.

– Беги, Криш! – закричала она. – Беги туда, где много людей, пока тебя не задержали!

Мед начала действовать; ее тело расплылось от высокой скорости; порванный халат развевался позади нее, словно крылья. Она бросилась на боевого робота. Луч ее регулятора был настроен на то, чтобы плавить металлические сплавы. Пока она летела вперед, он разъедал ее правую руку, рисуя в воздухе сияющую красную полосу.

Оборонительная стойка и щит периметра не помешали кулаку Мед соприкоснуться с панцирем Паладин. Плавящиеся

пальцы Мед, все еще сжимающие регулятор, погрузились в броню Паладин со скоростью сорок пять километров в час. Менее чем за секунду устройство разрушило слои брони и прошло через небольшое количество спинномозговой жидкости. К тому моменту, когда щит Паладин поразил систему Мед мощным и, вероятно, фатальным электромагнитным импульсом, ее рука уже по локоть ушла в полость, где находился мозг Паладин.

Беловато-серая слизь потекла из раны Паладин, собираясь в лужу на полу, вместе с полосками кожи. Импульс вырубил Мед, и она упала у ног Паладин.

Криш, потрясенный, застыл на месте. Только когда робот согнулся, зажимая дыру в животе, ученый понял, что должен выбраться из лаборатории. Он повернулся, чтобы броситься прочь, и тут услышал рев Элиаша.

Что-то укололо Криша в шею. Он понял, что Элиаш выстрелил в него шприцем. Все вокруг стало ярким, словно во время галлюцинации. Его сердце забилось быстрее – от удовольствия или страха. Чем они его накачали? У него вдруг заболело лицо, но затем он сообразил, что упал на пол и поранил щеку. Еще одна волна удовольствия или боли потрясла его, и он отстраненно увидел, как Паладин ломает руку Мед пополам. Он должен что-то сделать. Рука Мед была влажной и сломанной. Это рука или что-то еще? Он подумал про Джек и заплакал.

Когда Элиаш усадил Криша на стул и дал ему пощечину, чтобы привести в чувство, то заметил, что кровь на лице ученого смешалась со слезами. Работать с ним будет легко.

Элиаш негромко задавал вопросы, Криш лепетал ответы, а Паладин тем временем создала в фабрикаторе кусок панциря, чтобы закрыть дыру напротив ее разрушенного мозга. В трех метрах от них лежала Мед. Глаза Мед по-прежнему были открыты, и ее камеры тупо записывали картинку на крошечный, защищенный диск в ее груди.

18 июля 2144, 0600

Жесткая перезагрузка, затем инициализация, затем еще одна. После определенного момента эти автоматизированные события уже могли сойти за сознательное состояние. Видеодатчики Мед включились, и она увидела свою оторванную и частично расплавленную правую руку, лежащую в высыхающей луже из мозгов. Она еще никогда в жизни не испытывала такой боли, хотя теперь, в режиме восстановления ее муки уменьшались. Ее тело в основном не пострадало, если не считать того, что вместо руки у нее теперь была культя. Мед ощутила, что серводвигатели ее ног

и оставшейся руки в норме.

Мед села и подключилась к местной сети. Прошло два часа с тех пор, как Паладин вырубила ее электромагнитным импульсом и она начала медленный процесс восстановления данных из защищенного архива. Ее противников нигде не было видно. Где Криш? Она загрузила видео, снятое за последние два часа. Затем она попыталась встать, но ее ноги разъехались, оставляя следы в коричневой, наполовину застывшей крови на полу. Мед поняла, что эта кровь – ее собственная, она вытекла из мягкого слоя ткани, покрывавшего ее эндоскелет.

Невозможность подняться оказалась наименьшей из ее проблем. Видеозаписи и прочие данные, полученные в реальном времени, указывали на то, что план Мед провалился. Она просмотрела – со скоростью в двадцать раз больше обычной – видеозапись того, как Элиаш допрашивал Криша. Сейчас в нескольких метрах от нее находилось то, что осталось от сцены допроса: Криш, обмякший на лабораторном столе. Его тело излучало очень мало тепла.

Мед, прихрамывая, подошла к человеку. Именно он нанял ее для работы над проектом, который «большая фарма» хотела задушить. Судя по температуре его тела, Криш умер более часа назад – возможно, от отказа внутренних органов, связанных с передозировкой препаратов. Но это мог подтвердить только анализ крови. У Криша были небольшие повреждения на лице, но ничто не указывало на то, что его забили до смерти. Существовала весьма небольшая вероятность того, что агент хотел не убить Криша, а просто сделать его внушаемым.

Судя по тому, что она слышала, они ввели ему невероятно мощный препарат. Криш твердил какой-то бред, и – под влиянием намеков Элиаша – ему казалось, что Джек находится здесь, в этой комнате.

– Где бы спряталась Джек? Куда бы она отправилась? – бубнил Элиаш снова и снова.

Наконец, Криш начал отрубаться – возможно, сердце стало отказывать, и ему уже не хватало кислорода. Он жестом подозвал Элиаша. Агент опустился на колени рядом с умирающим, и они оба появились в кадре.

– Джек, мне так жаль, – пробормотал Криш, всхлипывая. – Мне так жаль. – Он заглянул в глаза Элиаша, нежно заключил его лицо в свои ладони, словно любовник, а затем наклонился и шепнул ему что-то. Затем он поцеловал агента в губы. – Пожалуйста, береги себя, – вздохнул он и потерял сознание.

Элиаш подхватил Криша и усадил его у лабораторного стола – именно там, где он находился сейчас.

– Ты слышала, что он сказал? – спросил Элиаш у Паладин за пределами кадра.

– Да, – ответила Паладин. – Кроме того, в сети университета я нашла несколько документов. Они позволяют предположить, где именно в Муз-Джо находится ее убежище.

– Идем, – сказал Элиаш, когда в кадре появилась Паладин.

Дыру, которую Мед пробила в панцире Паладин, закрывал наспех распечатанный квадрат из углеволокна. Гнев и чувство удовлетворения отвлекли Мед, и поэтому она отметила, но не проанализировала значение мощной вспышки тепла, которая осветила тело Элиаша, когда он коснулся руки робота.

Мед отправила сообщение Тризеду и начала искать в университетской сети связь между Джек и Муз-Джо.

Я в сарае, ответил Тризед со своего мобильника. С коровами. Ты в порядке?

В ходе совместного проекта между департаментами синбио и животноводства приблизительно в миле от «Свободной лаборатории» появился теплый, пахнущий овсом сарай. В нем жили коровы, молоко которых было насыщено различными антибактериальными и антивирусными средствами. Мед любила приходить туда, чтобы скрыться от людей.

В ходе поисков в сети она кое-что обнаружила – скорее всего, те же данные, что и Паладин. Более тридцати лет назад департамент археологии предлагал летнюю программу занятий, связанных с раскопками тоннелей контрабандистов в Муз-Джо. В этих раскопках принимала участие студентка по имени Джудит Чен. Впоследствии раскопки были остановлены, но вход в них сохранился – он находился на складе, в подвале нового многоквартирного дома. Это хорошее место для убежища, ведь всю деятельность и расход энергии Джек маскировали люди, жившие наверху.

Мед ответила на сообщение Тризеда:

Агенты ушли. Я слегка повреждена. Нам нужно НЕМЕДЛЕННО добраться до Муз-Джо.

Иду. Можем взять машину лаборатории.

Пока Мед запускала машину и ждала Тризеда, она отправила сообщение Джек, используя протоколы связи, о которых они условились менее недели назад. Затем с помощью регулятора она подрезала и прижгла рваные края ткани на своей культе. С ремонтом конечности придется подождать.

21: Муз-Джо

18 июля 2144 г., 0648

Машина вошла в автономный режим на шоссе, ведущем в Муз-Джо, и Элиаш отпустил руль. За окном невысокие холмы сливались друг с другом во тьме.

– У тебя все в порядке? – Тон его голоса был намеренно нейтральный, а его лица Паладин не могла разглядеть.

На самом деле она уже вообще не видела лица Элиаша. Оно определенно у него было и обладало обычной группой органов чувств, но в нем не было уникальных черт, которые позволяли бы определить его как лицо Элиаша. Паладин узнавала его по голосу, по манере держаться, по облаку молекул вокруг тела, но его лицо было лишь картинкой из движущихся мышц.

Неспособность классифицировать данные, связанные с выражением лица Элиаша, вызвала у Паладин панику, которая только усилилась от мысли, как много ее мозг значил для него. «Руки» на заводе «Кагу роботикс» солгали. Клык не знал, о чем он говорит. Утратив мозг, она стала калекой, потеряла способность отличить гнев от смеха, враждебное лицо от знакомого. Как теперь она поможет Элиашу в бою?

– Мне кажется, что я слишком повреждена, чтобы участвовать в боевых операциях.

Элиаш повернулся к ней и осторожно коснулся заплатки над пустой нишей, в которой раньше находился мозг Паладин. На его лице отобразилась какая-то активность, которая ничего не говорила Паладин.

18 июля 2144 г., 0700

Джек получила сообщение Мед, и поэтому у нее хватило времени на то, чтобы подготовить неплохую ловушку. Она увидела расплывчатое изображение преследовавшего ее робота и понимала, с кем имеет дело. Она предположила, что агент-человек – стандартный сотрудник МКС: хорошо обученный, слепо верящий в право собственности и готовый без колебаний ее убить. А у нее был лишь небольшой объем данных, полученный от Мед, и, как она надеялась, элемент неожиданности.

Спрятаться она могла только в тайнике за потолком. Это была просто щель над ее лабораторным столом, обложенная слегка упругим пеноматериалом, достаточно большая, чтобы Джек могла сесть там на корточки и выпрыгнуть оттуда на

агентов. Пока она ждала, расслабленно сжимая нож правой рукой, ее периметр пересылал в очки-дисплей картинку из камер наблюдения, установленных снаружи. Ей не оставалось ничего другого, как думать о Крише.

Судя по короткому сообщению Мед, Джек предположила, что перед смертью Криш снова предал ее. Но едва у нее сформировалась эта мысль, как ее накрыла волна горя. Никто не мог противостоять препаратам, которые агенты МКС использовали во время допроса – для этого требовались интенсивная подготовка и модификация. Она и Фрэнки потратили много лет, пытаясь пропатчить себя против фармакологического оружия. А максимум, что делал Криш, – это покуривал иногда «420» для собственного удовольствия.

С абсолютной четкостью, как это бывает в минуты смертельной опасности, Джек поняла, что все эти годы точила зуб на Криша из-за ерунды. Да, он поступил ужасно, закрыв «Желчные таблетки». Но теперь она видела, что его «Свободная лаборатория» продолжила то, что начали «Таблетки» – она создала сообщество, которое не только протестовало против законов о собственности, но создавало им альтернативу. Криш принял ее и проект «Реткон» – даже после десятилетий холодного молчания. Он должен был понимать, что из-за этого его могут убить.

Подавив рыдания, Джек вспомнила первую статью Криша для «Желчных таблеток». Он опубликовал ее в середине четверти, во время одного из их долгих и болезненных расставаний. Криш писал:

«Более ста лет назад в научном сообществе началась дискуссия о том, что патентная система и результаты исследований должны быть открыты для всех. В то время консерваторы любили утверждать, что информация о генетической инженерии в руках народа приведет к созданию мегавирусов или тотальному вымиранию видов, что открытые данные откроют дорогу для апокалипсиса, вызванного появлением синтетической биологии. Но теперь мы знаем, что одной великой катастрофы не произошло – происходит другая, медленная катастрофа, в ходе которой капитализм превращает каждое живое существо и мысль в собственность».

Когда она читала этот текст много лет назад, в груди у нее покалывало от сдерживаемого сексуального влечения и надежды. Они с Кришем участвовали в проекте, который был куда интереснее всего, чем она занималась в колледже. С помощью их

сайта они обратятся к миллионам людей и подарят Добрую Науку всем. Они точно знали, что скоро изменят мир.

Но теперь статью Криша удалили из открытой сети, и их любимое движение «Free culture» уничтожали на допросах, в горящих квартирах в Касабланке, с помощью препаратов, скопированных ради прибыли, а не свободы, и, вероятно, скоро и в этом тоннеле контрабандистов, наполненном призраками ее любовников.

Раздался взрыв, и через слой проницаемого пеноматериала в ее тайник полетели мелкие частицы пыли. Джек размяла ноги. Сейчас не время страдать о гибели юношеских грез. Прибыли агенты МКС.

18 июля 2144 г., 0705

Тризед прыгнул в машину и удивленно раскрыл глаза, увидев руку робота.

– Ни хрена себе, Мед. Я бы не назвал ее «слегка поврежденной». И где Криш?

– Криш погиб. Руку можно починить.

Почти час они ехали молча. Тризед дергался и постоянно проверял свой мобильник, а Мед пыталась понять, как она опубликует свою статью о переконструированном «закьюити» теперь, когда все пошло не так. Машину она разогнала до предела. Если они доберутся до Муз-Джо быстро, то она, возможно, помешает агентам убить еще одного ее друга.

– Что будем делать? – спросил Тризед. Голос его стал хриплым от волнения.

У Мед не было ответа, поэтому она сменила тему.

– Знаешь, как агенты нашли Джек? Прочли твой дневник в «Мемленде».

– Что? – Тризед отпустил мобильник, и тот скользнул у него между ног. – Как они это сделали? У меня анонимный дневник! И я никогда не пишу там настоящие имена.

Мед уставилась на него. Отчаяние внутри нее превращалось в гнев.

– А на что ты рассчитывал, когда писал о том, что трахаешься с человеком из прерий по имени «Дж.»? О том, что поедешь с ней в «Свободную лабораторию»? В МКС полно разведчиков, которые специализируются на поимке беглых рабов, и ты, в общем, не осложнил им задачу.

– Почему ты раньше ничего не сказала?! Ты читала мой дневник, но ничего не сказала! – Слезы Тризеда излучали тепло, и поэтому казалось, что по его лицу течет кровь.

Гнев робота достиг своего максимума, но у Мед не было возможности выразить его слезами.

Она изо всех сил ударила здоровой рукой по двери и завопила:

– Я не подумала об этом, ясно? Не подумала!

Мед поранила руку и повредила дверь. Машина издала негромкий предупреждающий звук.

– Ладно, все ясно – мы в жопе, и в этом виноват я! – Тризед наклонился вперед, схватил Мед за плечи и потряс ее. – Теперь, когда мы с этим разобрались, как мы собираемся помогать Джек?

– Я взяла из лаборатории то, что можно превратить в оружие.

– Что у нас есть? – Правая рука Тризеда осталась на плече Мед, и она почувствовала, что он внезапно успокоился. И это было не истерическое отупение, а спокойствие человека, который побывал и в более опасных ситуациях, и умеет выживать.

Она взяла с собой герметизирующие смеси с вирусами, упакованные в большие шарики, которыми можно стрелять из пневматических винтовок. Эти смеси предназначались для быстрого и дешевого ремонта промышленных механизмов и транспортных средств. Выстрели таким шариком в борт своего корабля – и вирусы начнут размножаться, а их оболочки превратятся в металлическую заплатку, защищающую от урона. Мед предположила, что такая смесь запечатает отверстия на панцире робота, предназначенные для оружия.

– Хорошая мысль. А чем мы уложим этого гада, который убил Криша?

– В «Свободной лаборатории» нет ничего, что представляло бы малейшую опасность для людей. Но у меня есть то, что помешает ему сражаться.

18 июля 2144 г., 0805

Джек ждала. Тепло, излучаемое ее телом, маскировали электронные приборы и трубы воздухопровода, проходящие над потолком. Как она и надеялась, агент и робот направились к лабораторному столу под ее убежищем. Человек прикрывал робота, что было необычно. Но затем Джек заметила наспех залатанное отверстие в животе робота, – а также то, что робот почему-то отводил свои датчики прочь от лица человека. С роботом что-то произошло, но он по-прежнему был смертельно опасен и хитер. Сейчас робот искал слабые места в системе энергоснабжения Джек, но безуспешно.

– Что скажешь? – Человек указал на небольшую коллекцию маломощного оборудования Джек.

– По-моему, она только что была здесь. Нужно искать тайники и другие выходы, – ответил робот.

Джек поняла, что пора действовать. Она открыла двери тайника и ловко метнула нож. Он вошел в грудь робота и испустил электромагнитный импульс. Затем Джек прыгнула на агента и почувствовала, как ее ноги соприкоснулись с его черепом. В ту же секунду его периметр нанес ей сильный удар током. Корчась в судорогах, она упала на пол рядом с агентом.

Адреналин исказил зрение Джек, сделал картинку перед ее глазами четкой и угловатой, словно при быстрой перемотке. Светодиодные лампы на потолке погасли. Ее ногам стало горячо: она заметила, что периметр агента частично расплавил подошвы ее ботинок. Агент лежал без сознания; на его лбу уже начала раздуваться шишка. Робот, пораженный электромагнитным импульсом, замер. Нужно отключить периметр агента до того, как он придет в себя, чтобы не сохранилось записи об этом столкновении. Борясь с болью и не подчиняющимися ей горящими мышцами, она встала.

Джек вытащила из робота нож, засунула его за пояс и оценила обстановку. Сетка периметра под кожей агента, возможно, направляет данные и электричество в сотни различных устройств на его теле. Устройство управления обычно располагалось где-то в районе пояса. Чтобы полностью замести следы, нужно было покопаться в штанах этого ублюдка.

Джек задрала куртку агента, обнажив его бледный живот. Она прижала руку к его коже; на коже проступил еле заметный узор – нити его оружейной системы впились в его тело. Второй рукой Джек порвала завязки на его брюках, оголив заросшую волосами нижнюю часть его живота. Где же устройство управления? Она повернула агента на бок и наконец-то увидела на его бедре устройство, похожее на пончик, размером с крышку от бутылки.

Когда пальцы Джек коснулись устройства управления, робот заговорил:

– Если ты еще раз его тронешь, я тебя убью.

Джек подняла руки в воздух. Похоже, импульс не вырубил робота надолго.

– Не поворачивайся ко мне лицом. Встань. – Голос робота был полностью лишен эмоций.

Джек подчинилась, пытаясь понять, сможет ли она убежать или, если не получится, метнуть нож. Она решила потянуть время.

– Кто отправил по моему следу МКС? «Закси»?

– Заведи руки за спину.

Джек подчинилась и почувствовала, как теплая и гладкая рука робота схватила ее сильнее любых наручников. Человек, лежащий у ее ног, пошевелился и застонал.

– Зачем ты это делаешь?

– Ты прекрасно знаешь, почему мы здесь. Твои террористические действия убили более ста человек.

– Если это так, то почему такая скрытность? Почему МКС послала только вас двоих? – Джек пыталась выиграть время, но, кроме того, она действительно хотела это знать. – Может, «Закси» хочет скрыть тот факт, что «закьюити» сводит людей с ума? Я ведь не изобретала препарат, который убил этих людей. Я просто его скопировала.

Робот молчал.

– Паладин, – пробормотал агент.

– Я здесь. Пленная со мной.

– Убей ее, и всё. – Человек открыл темно-карие глаза и посмотрел прямо на Джек.

Внезапно послышались громкие хлопки. Паладин пошатнулась и отпустила Джек, а агент, пытавшийся подняться, снова упал на пол. Джек повернулась и увидела своих спасителей. Тризед и Мед стояли среди кучи мусора и стреляли в Паладин и Элиаша из ярко-желтых пневмопушек чем-то похожим на крупные конфеты.

Пятна вирусной смеси распространились по телу Паладин, запечатывая оружие в груди робота. Розовая слизь была новым, экспериментальным веществом, и робота не подготовили к защите от него. Паладин стала отрывать увеличивающиеся заплатки, но они переползали на ее руки, закрывая ее пальцы «перчатками».

Мед шагнула вперед; полосы металла в ее культе подергивались. Держа пистолет здоровой рукой, она снова выстрелила в агента. Он закричал. Там, где в него попадали шарики с вирусом, на коже вырастал лес из тонких волосков. Его лицо покрылось стеклоподобными локонами, и его ресницы переплелись намертво. Элиаш задышал ртом; крошечные стебельки заполнили его ноздри. Каким-то образом вирусы проникли под кожу Элиаша и разъели сделанные из биостекла провода периметра. Миллионы микроскопических капилляров, находившихся под постоянным давлением, вырвались из-под кожи, переплелись в волоски оптико-волоконного меха. Теперь агент и его робот не могли никого преследовать, по крайней мере в течение нескольких минут.

– Катализатор придумала, как удалять растения, растущие у нее на голове. Оказывается, что этому методу можно найти и

другое применение, – сказала Мед с новой для нее ноткой сарказма в голосе. – Когда она защитится, нужно дать ей должность в лаборатории.

Джек, преодолевая боль в мышцах, заковыляла вперед. Тризед положил ее руку себе на плечо и поволок ее по обломкам к люку, подальше от опасности.

18 июля 2144 г., 0810

У Элиаша раскалывалась голова, и он почти не видел за «шерстью», в которую превратился его периметр. Но у него осталось еще одно оружие – «тупая пушка», прикрепленная к лодыжке. Паладин у него за спиной издала звук, похожий на треск раздираемого металла.

Джек хромала в сторону люка; ее поддерживал юноша, лицо которого совпадало с изображением из базы данных «Импортных товаров». Только он уже совсем не был похож на Мальчика-Раба. Он казался сильным и откормленным, а сигналы его нового чипа свидетельствовали о том, что у него франшиза жителя Саскатуна. Джек о нем позаботилась. За те секунды, которые Элиаш тянулся к оружию, перед его глазами промелькнули сотни лиц – детей, которых он не спас в Вегасе, его сестер, мальчиков, которых он избил на церковном заводе. Даже худшие из них не заслужили такой участи. Им просто не повезло – они родились без франшиз.

На мгновение Элиашу почудилось, что провода жгут его кожу. Он подумал о том, не является ли каким-то извращенным чудом тот факт, что Джек нашла Тризеда.

Элиаш положил палец на спусковой крючок, прицелился. Но вдруг он услышал за спиной вой металла, разъедающего металл, и понял, что Паладин, возможно, угрожает смертельная опасность. Он мог выяснить, как дела у робота, или убить пирата. У него был выбор.

А может, выбора не было.

Испытав мучительную боль, Элиаш повернул голову и увидел, что робот отцепляет покрытые вирусом пальцы от туловища. Она восстанавливалась, а не умирала. Когда Элиаш снова прицелился, пытаясь разлепить веки, почти намертво пришитые крошечными проводами, пират и ее друзья уже скрылись. А все записи, которые сделали системы его периметра, уничтожил метод экспериментальной депиляции, придуманный какой-то аспиранткой.

22: Большая фарма

21 июля 2144 г.

Мед стояла в насыщенном пылинками луче солнечного света, который падал из одного из высоких окон «Свободной лаборатории», и поглощала энергию с помощью фотоэлектрических «заплаток», вшитых в ее кожу. Рассеянно она выставила перед собой ладони, словно разглядывая свои ногти, и в сто сорок седьмой раз изучила небольшие различия в текстурах кожи на ее старой руке и той, которую она установила вчера.

Медики «скорой» давно уехали, и мать Криша вернулась в Ванкувер с его останками. Медосмотр не всегда может предсказать вероятность инсульта, сказали врачи, а Криш не очень рьяно следил за собственным здоровьем. Видеокамеры лаборатории постоянно сбоили, поэтому никто не спросил, почему Криш умер именно в тот момент, когда они не работали. Тем временем ленты новостей сообщили о том, что знаменитый пират Джудит «Джек» Чен, которая отсидела в тюрьме за терроризм в 2110-е и которую разыскивала МКС, была убита в перестрелке в своем убежище в Муз-Джо.

На самом деле Джек пряталась в квартире Мед, за дымкой из ложных данных в сети, восстанавливалась от ран и наращивала свои короткие волосы с помощью лиловых и черных прядей. На форуме любителей кошек она нашла гифку, на которой бот гладит котенка. В нее было встроено зашифрованное послание от Фрэнки: «Пока не умерла». Облегчение, которое испытала Джек, напоминало эйфорию от дозы «эллондры». В ответ она оставила на форуме картинку – кошка, лежащая на спине, с высунутым розовым язычком. В код картинки было спрятано сообщение для Фрэнки: «Еще дышу».

За один безумно напряженный день Джек закончила пресс-релиз, который начал Криш. Текст начинался так: «Полученные данные убедительно доказывают, что «Закси» намеренно создала свой препарат «закьюити» таким, чтобы он вызывал привыкание». Одно это привлекло интерес «Ленты Зоны» – и она захотела взять эксклюзивное интервью у Мед. За ним должна была последовать большая статья в «Нью сайентист».

Когда статья Мед будет выложена на сайте «Свободной лаборатории», «Лента Зоны» опубликует интервью. В отличие от людей, Мед не нужно было садиться за стол и нажимать кнопку «Опубликовать»: она отправила команду на сервер, используя

беспроводной протокол лаборатории. Затем открыла новостные сайты в своем мозге и стала следить за тем, как они копируют материал «Ленты Зоны», как статья порождает все более оживленный обмен сообщениями на других сайтах СМИ. Трафик на сервере проекта «Реткон» зашкаливал. Больницы всего мира синтезировали препарат, а наиболее либеральные корпорации публиковали свои пресс-релизы, в которых дистанцировались от «Закси» и заявляли о том, что больше не будут выдавать «закьюити» своим работникам.

Мед вернулась в свой кабинет, чтобы отвечать на вопросы репортеров и смотреть, как фрагменты интервью через несколько минут появляются в новостях.

Все сотрудники «Свободной лаборатории» фактически взяли отгул, чтобы следить за тем, как проект «Реткон» становится знаменитым. Около полудня кто-то открыл бочонок пива, и к трем часам в лаборатории уже стало шумно. Катализатор проецировал над столами картинки четырех разных лент новостей. Экономическая коалиция Зоны Свободной Торговли наконец выступила с заявлением: ее представитель утверждал, что они начинают независимое расследование препарата «Закси», повышающего производительность, и что основанием для этого послужили исследования, проведенные в Университете Саскачевана. «Свободная лаборатория» разразилась бурной овацией.

На сайте «Эн-Ар-Экс ньюс» два комментатора обсуждали эту историю.

– Но, Ларри, давай не забывать о том, что этот исследователь – робот, – сказал один из них. – Вполне возможно, что один из конкурентов «Закси» запрограммировал ее, чтобы она выступила с этим заявлением. Кроме того, это могли сделать радикалы в лаборатории, где она работает.

Через несколько минут очередная журналистка, которая брала интервью у Мед, выдержала драматическую паузу, а затем задала последний вопрос.

– Эту тему подняли уже в нескольких сообщениях, и поэтому я должна об этом спросить. Кто-нибудь вносил изменения в ваши программы? Может, это открытие – дело рук хакера, который заставил вас в это поверить?

– Нет.

Мед разорвала связь, встала и направилась к бочонку пива, вокруг которого собрались радостные люди. Когда вечером она вернулась домой, Джек там уже не было. Но там, рядом с кучей одежды, лежал мобильник Тризеда.

23 июля 2144 г.

Декан только через два дня сообразил, что Мед передала результаты исследований в СМИ в обход обычных пиар-каналов. Поэтому он приказал ей расчистить свое расписание на утро и явиться на встречу с администрацией университета.

Когда она прибыла в комнату для совещаний, декан по-дружески беседовал с человеком, который показался ей знакомым, и двумя представителями МКС.

Человек, представившийся как «Роджер», оказался основателем «Закси». Он излучал юношескую энергию, вызванную применением «виве». На нем был полированный бронепояс, а также дорогие куртка и джинсы. Роджер говорил с тем же акцентом, что и телеведущие «Ленты Зоны».

– Доктор Коэн, созданный вами «реткон» – экстраординарное средство лечения. Экстраординарное. – Именно такое средство я бы купил, если бы его уже не выпустили под открытым патентом. – Он сделал паузу и изобразил на своем лице что-то среднее между искренней заботой и фальшивым сожалением. – Но я уверен: вы можете понять, в каком положении находится «Закси». В вашей статье говорится, что «реткон» – это «лекарство» от «закьюити». Я с радостью приведу вас в «Закси» и позволю поговорить с разработчиками препарата о его возможных недостатках – после того как вы подпишете договор о неразглашении сведений. Однако мы убеждены, что при правильном использовании «закьюити» – абсолютно безопасная субстанция.

– Я понимаю вашу позицию, Роджер, но скопированная версия «закьюити» убила сотни людей.

Роджер бросил взгляд на декана.

– Сообщения о том, что продающийся на улицах препарат – это скопированный «закьюити», ничем не подтверждены. Ассоциации, которые СМИ провели между нашим продуктом и незаконными препаратами – ассоциации, основанием для которых послужила ваша статья, – уже стали для нас причиной огромных убытков. Наши юристы утверждают, что мы могли бы подать в суд на вас и университет за клевету.

– Я не контролирую то, что люди говорят о «ретконе» в сети. Но я лично анализировала препарат. Это, несомненно, скопированная версия «закьюити». – Мед сжала под столом кулаки.

– Ну ладно, никто не обвиняет вас в небрежном проведении исследований, Медея, – успокаивающе заметил декан. – «Реткон» – гуманитарный проект, и он уже спас многих от калечащей

зависимости.

Услышав эти слова, Роджер решил, что вопрос закрыт.

– Полностью с вами согласен. Мы просто хотим убедиться в том, что вы не поощряете распространение слухов о связи «закьюити» с этими… трагическими случаями.

Мед хотела ответить, но декан жестом остановил ее.

– Я с радостью выполню вашу просьбу, Роджер, – ответил он. – Мы, ученые, считаем своим долгом опровергать лженаучные теории, которые просачиваются в СМИ.

– «Закьюити» вызывает привыкание, – сказала Мед, не в силах скрыть злость в своем голосе.

Роджер перестал обращаться к ней и сочувственно взглянул на декана.

– Это так прекрасно, что вы вдохновляете своих исследователей. Любовь к своему делу – движущая сила инновации. – Он понял, что победил, и поэтому стал говорить цитатами для прессы. Университет не мог позволить себе тяжбу с «Закси». Итог встречи заключался в том, что Мед придется удалить все упоминания «Закси» и «закьюити» из документации «реткона» и связанных с ним сообщений на форумах. Декан согласился убрать с сайта статью Мед о копировании «закьюити» и опубликовать официальное опровержение, если статья не пройдет тщательную экспертную оценку в одном из крупных журналов издательского дома «Севьерт».

Крепко пожав руку декану на прощание, Роджер и представители МКС ушли. Мед не могла поверить в то, что произошло.

– «Контрольным пакетом акций «Севьерта» владеет «Закси».

– Медея, это просто политика, – заверил ее декан. – Главное – то, что проект «Реткон» не закрыли.

По пути в «Свободную лабораторию» Мед просмотрела ленты новостей. С тех пор как вышла история о «закьюити», ни об одном новом эпизоде мании не сообщалось. Так что, возможно, неважно, потерпит «Закси» крах или нет. Возможно, она уже внесла свой вклад. В конце концов, люди узнали про «реткон», и предварительные продажи «закьюити» корпорациям рухнули. Где-то дома, на серверах Радикального архива Анкориджа, хранилась копия ее статьи о копировании «закьюити», и ее никогда не удалят.

Мед подумала, знали ли Джек и Криш о том, что подобное может произойти, когда просили ее опубликовать статью. Но спросить у них она не могла. Ей придется самой принимать решение.

5 декабря 2144 г.

Катализатор надоели фиолетовые стебли, и она заговорила о том, что к празднику урожая вырастит на голове щупальца. Дэвид слушал ее вполуха, листая «Нью сайентист»; страницы с множеством иллюстраций вспыхивали в воздухе над проектором, стоявшим у его локтя. Мед обвела взглядом лабораторию, груды оборудования и группы исследователей. Теперь это ее студенты. Ответственность за них лежит на ней.

Смерть Криша стала причиной небольшого кризиса в департаменте биоинженерии. «Свободная лаборатория» была вечным двигателем, машиной для печатания денег, ведь ее обожали богатые спонсоры, интересовавшиеся гуманитарными проблемами. О том, чтобы закрыть лабораторию, не могло быть и речи. Однако в ней шли самые разные, не связанные между собой проекты, и управление ею представляло собой серьезную проблему. Кроме того, у всех преподавателей и лучших исследователей уже были собственные лаборатории.

Хотя это был и слегка необычный выбор, никто не стал возражать, когда глава департамента предложил обратить пристальное внимание на недавно нанятого ученого Медею Коэн. Она была предана целям лаборатории и уже улучшила имидж университета благодаря открытию «реткона» – препарата для лечения зависимости. О визите людей из «Закси» и о статье, которую Мед удалила, никто упоминать не стал. Так, в конце зимней четверти Мед заменила Криша на должности главного исследователя «Свободной лаборатории».

Ее простой стол из голубого пеноматериала поставили именно так, как она хотела. Он стоял в углу, и его не было видно через прозрачные пластиковые двери ее кабинета, особенно когда три проектора рисовали вокруг ее кресла сияющий полусферический монитор. Чтобы сделать кабинет более уютным для студентов и научных сотрудников, которые постоянно туда заходили, она притащила три мягких кресла и слегка помятый и потрепанный диван.

Кабинет Криша стоял пустой и темный. Она приберегала его для нового старшего сотрудника, хотя о вакансии пока не объявляла. Это был еще один пункт в ее огромном списке дел.

Мед села в кресло и жестом открыла перед собой рабочий стол. Окно командной строки на мгновение окружило ее темной оболочкой. Затем она вытянула вперед обе руки, запустила софт и залила свой стол всеми цветами радуги, каждый из которых обозначал какую-то информацию.

Четыре с половиной часа спустя из-за дверей донесся чей-то

голос. Тризед распахнул дверь и плюхнулся в самую глубокую вмятину на диване.

– Мед, сегодня же пятница. Пойдем потанцуем, что ли.

Мед выключила проекторы и словно бы вышла наружу из пузыря текстов. Тризед говорил так почти каждый день, когда уходил с работы. Они оба ненавидели танцы.

– Давай посмотрим фильм, – ухмыльнулась она. – Что-нибудь старое и странное из твоего курса истории искусства.

Тризед создал для себя новую личность – «Джон Чен», учился дома и работал на ферме в Саскатуне, а два месяца назад завел свою историю трудоустройства, устроившись кассиром в комиссионный магазин на Бродвее. Он закрыл дневник Мальчика-Раба, записался на курсы по истории искусства в Университете Саскачевана и стал обдумывать свои следующие действия. С каждым днем эти действия становились все более очевидными.

16 января 2145 г.

Браконьерский сбор водорослей напомнил Джек о том, как в детстве она жила на ферме, где выращивали рапс. Каждую неделю она выводила свою подлодку из глубин, скользила под поверхностью океана к фермам у южного побережья Азиатского Союза. Фермы плескались между буйков, связанных друг с другом длинными, пластиковыми простынями. Системы сигнализации были не слишком сложные, патрулей – людей или роботов – она здесь никогда не видела.

Запуская руки в спирулину, Джек вспомнила залитую солнцем зелень Саскачевана. Спирулина на ковриках для сушки была похожа на тонкие, спутанные волосы. Джек вытащила коврики на мостик, разложила их под обезвоживателями и задумалась о том, какой стала бы ее жизнь, если бы она отмотала время назад и вернулась на родительскую ферму. А что, если бы она стала изучать не генную инженерию, а сельское хозяйство?

Возможно, она до конца своих дней жила бы как сейчас, тихо собирала бы растения, которые давали бы энергию ее телу и ее машинам. Этот другой человек, фермер Джудит, ощущал бы солнце над головой и видел урожай под ногами, как сейчас Джек. Ей было приятно представить себе, что другая, более безопасная версия ее жизни, по крайней мере на время, заменила собой реальную. Если, конечно, забыть про то, что она сейчас занималась браконьерством. И устанавливала контакты с людьми из «Свободной культуры» на форумах Азиатского Союза.

Когда придет весна, решила Джек, более безопасная версия ее жизни отпустит ее на свободу.

23: Ключ автономности

21 июля 2144 г.

Ли восстановил панцирь Паладин и установил более продвинутые драйверы датчиков в ее кулаке, но на вопрос о замене мозга пожал плечами:

– Паладин, никто не рассчитывает на то, что они будут служить долго. Я знаю, что это хреново, но это правда. – Она не ответила, и он посмотрел на нее сквозь полупрозрачную проекцию с данными, поступающими на сенсоры ее руки. – Тебе просто нужно узнавать людей так, как это делают другие роботы: по голосу, по микробиому или по запаху. – Он гордо постучал ее по руке. Затем он вернулся к работе и рассеянно добавил: – Некоторые роботы даже умеют идентифицировать настроение людей, анализируя их позы и дыхание.

– То есть я могу распознавать выражения лица, анализируя другие параметры человека?

– Ты словно создаешь мнемонический прием, – усмехнулся Ли. – Ну, знаешь, когда используешь что-то одно, чтобы запомнить другое. Например, я всегда помню твое имя, потому что оно – мой любимый класс персонажа в игре «Переулок колдуна».

Паладин показалось, что это сравнение к ней не подходит. Но если бы она сказала почему, Ли просто ничего не понял бы.

После нескольких недель, проведенных с ключом автономности, Паладин привыкла к мысли о том, что воспоминания можно модифицировать с помощью новых метаданных. Но это оказалось более сложной задачей, чем в Ванкувере, когда она заново проанализировала свои чувства к Элиашу. Теперь она имела дело с базой данных, в которой хранились уже непонятные ей выражения лиц. Она могла связывать их с настроениями только постепенно, методом проб и ошибок, по мере того как она училась ассоциировать жесты, запахи и голоса с эмоциональной составляющей. И как бы хорошо у нее это ни получалось, один канал данных всегда будет отсутствовать. Люди часто сообщали о своих чувствах, сознательно делая гримасы, не соответствующие их языку тела и голосу. Особенно когда шутили. Несколько следующих дней Паладин потратила на то, чтобы перевести выражения лиц, хранящиеся в ее памяти, в другие биометрические данные.

Каждый раз когда Паладин шифровала свои воспоминания, она всегда вспоминала о пределах своей автономности. Любой на

базе, обладающий нужным уровнем доступа, мог воспользоваться ключом Федерации и прочитать все содержимое ее разума.

Элиаш в это время находился на задании в Йоханнесбурге. Когда он вернулся, Паладин отправили в Танжер на поиски спрятанной «фермы серверов», которая раздавала пиратские фильмы. За две недели, проведенные в лагере «Тунис», они ни разу не встретились.

Ли не упоминал про симулированный ключ автономности, а Паладин не спрашивала его об этом. Она хотела как можно дольше контролировать свои собственные программы. Даже если ее воспоминания ей не принадлежали, она хотела, по крайней мере, точно знать, что боль, которую испытывала в отсутствие Элиаша, она изобрела сама. Это была не встроенная в нее верность, а петля кода, которую она создала, включая одну и ту же боль потери снова и снова. Ее бесполезные и иррациональные чувства к Элиашу прежде всего были свидетельством ее продолжающейся автономности.

4 августа 2144 г.

Когда Элиаш вернулся в лагерь «Тунис», Паладин немедленно узнала об этом. Базовая сеть узнала его лицо – хотя и не его выражение, – и Паладин могла следить за его передвижениями на карте станции. Он пересек аэродром, углубился в лабиринт комнаток, предназначенных только для людей, вошел в кабинет с табличкой «ОТДЕЛ ПЕРСОНАЛА», и там его сигнал пропал.

Пятнадцать минут спустя кто-то удалил все задания в расписании Паладин и отменил ее доступ к карте лагеря «Тунис» и локальным ресурсам. Теперь робот обладал тем же уровнем доступа, что и посетители, то есть фактически она могла пользоваться только открытой сетью и незасекреченной информацией о базе. Встревоженный робот попытался связаться с Клыком.

Я Паладин. Ты Клык. Давай использовать защищенный сеанс связи, о котором мы договорились.

Я не могу удостоверить твою личность. Возможно, ты не Паладин.

Не успела она создать новую защищенную сессию, как ей прислал сообщение Элиаш. Он просил встретиться с ним в одной из экранированных комнат, располагавшейся на нескольких этажах зоны для роботов, где Клык впервые рассказал ей про антропоморфизацию. Озадаченная и встревоженная произошедшими изменениями, Паладин воспользовалась

сохраненной в кэше версией карты и добралась до экранированной комнаты, стены которой покрыли блестками, чтобы они походили на гранитовые. Элиаш пришел туда и сел рядом с Паладин на широкой скамье из пеноматериала, установленной в фальшивом камне. Она ждала, что он заговорит.

– Я давно хотел поговорить с тобой наедине, – сказал он. – Мне нужно рассказать тебе о том, что произошло в Муз-Джо. Я же знаю, что у тебя нет доступа к моим отчетам.

Он повернулся к ней, и она узнала его глаза – они были такими же темно-карими, как и всегда. Это она знала и без человеческого мозга.

– Когда я пришел в себя, командир сказал мне, что агенты МКС Федерации нашли в тоннеле чьи-то останки. Они предположили, что Джек погибла при взрыве, после того как ты меня вытащила.

Он сделал паузу, и Паладин заметила, что его поза стала более напряженной. Элиаш взял ее за руку. Проанализировав состав его крови, Паладин обнаружила всплеск окситоцина, и от этого ей стало приятно. Она не могла понять его выражение лица, но она знала, что он сейчас чувствует.

– «Закси» не в восторге от того, что произошло, но до своего пирата она все-таки добралась. А МКС дал мне огромную премию, – сказал он.

Он не сказал то, что они оба знали: Элиаш по какой-то причине решил не убивать Джек, и МКС упустила свою жертву. Элиаш заговорил быстро, оживленно:

– Паладин, я хочу бросить это ремесло. Я подумал, мы могли бы на время уехать вместе. Может, на Марс. Поэтому я выкупил твой контракт. Мне ненавистна мысль о том, что женщина, которую я люблю, не обладает автономностью.

Возможные варианты ответов ошеломили ее. Но, по крайней мере, теперь стало понятно, почему у нее изменился уровень доступа.

Элиаш крепче сжал ее руку. Она чувствовала его желание и тревогу.

– Ты поедешь со мной?

До того как Паладин получила ключ автономности, у ее потребностей всегда был более низкий приоритет, чем у требований Элиаша. Она могла поставить их в очередь, чтобы они шли долей секунды позже, но они всегда были позади. Теперь она могла сначала заниматься со своими проблемами, с тем, что волнует ее. И сейчас ей нужно было разобраться с чем-то более важным, чем любовь. На выяснение понадобится меньше секунды.

С помощью программ, которые она установила в собственном

разуме, Паладин создала новый ключ для шифрования своих воспоминаний. Впервые за всю ее жизнь этот процесс сработал. Ее воспоминания теперь были под замком, и находившийся в распоряжении Федерации ключ стал бесполезен. Даже самая современная машина потратит несколько столетий на расшифровку всего, что она видела и слышала за месяцы своей жизни. Наконец-то Паладин ощутила, что это такое – полностью владеть собственным опытом.

Ее разум окружило молчание более мощное, чем любой оборонительный периметр. Никто не сможет узнать ее мысли без ее ведома. Она поняла, что ключ к автономности – это больше, чем доступ к программам, влияющим на ее желания. Это ощущение того, что у тебя есть частная жизнь.

В течение нескольких секунд Паладин оставалась наедине со своими мыслями, а затем сказала:

– Я поеду с тобой на Марс.

Элиаш коснулся нового участка на ее панцире, излеченного от ран и вирусных опухолей.

– Я знаю, что твоя жизнь изменилась. Ты лишилась части себя. Но ты по-прежнему самая удивительная женщина из тех, что я знаю. – Он погладил живот Паладин в том месте, где находилась полость для мозга, теперь заполненная амортизирующим пеноматериалом.

Паладин накрыла его руку своей. Электрические сигналы, бегающие по коже Элиаша, казались гораздо более хаотичными, чем в прошлый раз, когда они обнялись. Она взяла пробы крови из десятисантиметрового участка его обнаженной руки и поняла, что у него больше нет периметра. Значит, они оба что-то утратили.

Но Элиаш никогда не поймет, чего на самом деле лишилась Паладин. Он думал, что она потеряла саму себя, он безнадежно путал это понятие с ее гендером. В сети Паладин нашла огромные сайты об истории трансгендерных людей, которые меняли свои местоимения так же, как это сделала она. Она была почти уверена в том, что Элиаш антропоморфизировал ее так же, как одного из этих людей, представляя, что ей при рождении присвоили неправильное местоимение. Возможно, он никогда не поймет, что его человеческие категории – «пидор», «женщина», «трансгендер» – не относятся к роботам. А может, он это понимал. Ведь он, в конце концов, все равно любил ее, несмотря на то, что она лишилась мозга.

Паладин оставила эти мысли при себе – потому что могла. Это были ее первые тайные мысли.

16 января 2145 г.

Платформа космического лифта была однообразно серой; ее поддерживали мощные колонны из бетона и сплавов, уходящие глубоко в дно экваториального Тихого океана. Она служила единственным якорем для громадного фала, который собрали и обслуживали миллиарды сильно модифицированных микроорганизмов. Он поднимался из центра платформы, пронизывал атмосферу и тянулся на тысячи километров в космосе. Другой его конец располагался на астероиде, который служил противовесом и маленьким полустанком для людей, едущих во все города за пределами Земли.

Но Паладин едва могла разглядеть эту платформу. Небо над ними было влажной, бездонной синевой, наполненной органическими соединениями, которые Паладин могла идентифицировать быстрее, чем выражение лица Элиаша. Она только что начала получать сбившиеся с пути пакеты данных от двух роботов-«рук» лифта. Их кулаки, державшиеся за фал, сжимались и разжимались. Скоро гондола лифта окажется в зоне видимости.

Медленно собралась толпа пассажиров, желавших посмотреть на спуск. Все они были людьми, но Паладин уже к этому привыкла. Она пять месяцев прожила с Элиашем в населенном людьми квартале Будапешта, и там было достаточно автономных ботов, так что никто не задавал им вопросов об их отношениях. Но иногда она замечала, что позы людей выдают их раздражение. На Марсе это будет неважно; из-за нехватки рабочих рук там всех принимали с распростертыми объятиями, особенно ботов, способных работать за пределами куполов с атмосферой.

Она уже видела руки на фале, прикрепленном к пятиэтажной гондоле, ромбические окна которой разлагали солнечный свет на его составляющие. Элиаш тоже любовался этим зрелищем.

Паладин встала у него за спиной и положила руки ему на плечи, открыв полупрозрачные полимеры узловатых мышц в сочленениях под своей обшивкой. Элиаш откинул голову назад; его спутанные волосы мягко прижались к ее груди. Как всегда, когда она была рядом, его сердце начинало биться быстрее. Паладин развернула свои крылья-щиты, создавая бронированное убежище для них обоих.

Благодарности

Я получила от разных людей много хороших советов относительно науки, технологии, географии и экономики мира, который описан в этом романе. Поэтому я хочу поблагодарить Кента Берриджа, Бетани Брукшир, Дэвида Калкинса, Симону Давалос, Джо Граца, Норму Грин, Маргарет Хортон, Терри Джонсона, Дэниэла Рохсара, Ноа Смита и Майю Шалавитц.

За чтение первых версий, советов относительно редактирования и за дружескую поддержку я благодарю Энтони Ха, Лиз Генри, Хэнка Ху, Кеффи Керли, Клэр Лайт, Наамен Тилахун и Джейсона Томпсона.

За музыкальные идеи я благодарю The Arrogant Worms, Маршалла Бернса и Пайпер Бернс. За идеи относительно географии спасибо кланам Бернсов и Флетчеров, которые помогли мне чувствовать себя как дома.

За блестящую редакторскую правку и восхитительное мороженое я благодарю Лиз Горински. За то, что мои мечты о книгах всегда сбываются, спасибо волшебной Лори Фокс.

За любовь, разговоры и дурачество спасибо Чарли-Джейн Эндерс, Джесси Бернсу и Крису Палмеру, лучшим людям в мире.

Об авторе

Аннали Ньюиц – американский писатель, журналист и редактор. Окончила Калифорнийский университет в Беркли. Член Knight Science Journalism Fellowship Массачусетского технологического института. Сотрудник Electronic Frontier Foundation. Основатель сайта io9, посвященного научной фантастике, и главный редактор Gizmodo (2008–2015). С 2016 года редактор Ars Technica, автор ряда публицистических книг, поднимающих вопросы пересечения технологии, культуры и политики. «Автономность» – ее первый художественный роман.

notes

Примечания

1

Канола (англ. Canadian Oil, Low Acid) – сельскохозяйственная культура канадского сорта рапса. Используется для получения растительного масла и биотоплива (*здесь и далее прим. редактора*).

2

Протеомика – область молекулярной биологии, изучающая белки, их функции и взаимодействия в биологических организмах.

3

«Таксист» (Taxi Driver, 1976) – кинофильм Мартина Скорсезе с Робертом Де Ниро, Джоди Фостер и Харви Кейтелем.

4

Яой – жанр манги и аниме.

5

Секвенирование – процесс определения состава и последовательности компонентов в биополимерах (в белках, нуклеиновых кислотах).

6

Вентральная тегментальная область – часть среднего мозга, вовлеченная в системы вознаграждения и формирования зависимостей (например, от никотина, кокаина, амфетамина и др.).

7

«Метрополис» (Metropolis, 1926) – немая фантастическая антиутопия Фрица Ланга.

8

ГАМК – гамма-аминомасляная кислота – тормозящий нейромедиатор. Уменьшает беспокойство, снижает стресс и бессонницу.

9

«Звездный путь» (Star Trek) – научно-фантастическая медиафраншиза, включающая в себя несколько сериалов, кинофильмов, книг и комиксов.

10

Фосфорилирование – распространенный вид модификации белка, меняющего, например, его функциональность.

11

Розалинда Франклин (1920–1958) – английский биофизик, занималась изучением структуры ДНК. Подготовила почву для выводов, сделанных Уотсоном и Криком. Скончалась за четыре года до вручения им Нобелевской премии.

12

«Лицо со шрамом» (Scarface) – отсылки к Аль Капоне, к одноименному фильму Мартина Скорсезе о наркокороле и намек на шрам у самой Джек.